

60 коп.

881297

ВАСИЛИЙ ОБОТУРОВ

НЕПОВТОРИМОЕ, КАК ЧУДО

ВАСИЛИЙ ОБОТУРОВ

ОЧЕРК ТВОРЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Василий Оботуров
НЕПОВТОРИМОЕ, КАК ЧУДО

ВАСИЛИЙ ОБОТУРОВ

НЕПОВТОРИМОЕ, КАК ЧУДО

*ОЧЕРК ТВОРЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА ЯШИНА*

881297

ВОЛГОГДСКАЯ
областная библиотека
им. Н. В. Бабушкина

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК
1978

8Р2 О9 2
0-22

Оботуров В. А.

0—22 Неповторимое, как чудо. Очерк творчества
А. Яшина. Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978.
158 с.

В этой книге критик из Вологды Василий Оботуров рассматривает путь известного советского писателя Александра Яковлевича Яшина в литературе и своеобразие отдельных его книг и произведений. Особое внимание исследователь уделяет связям писателя с жизнью народа, со своим временем.

0 0732—024 4—24—78
М157(03)—78

8Р2

Автор выражает свою искреннюю признательность вдове писателя З. К. Яшиной-Поповой, предоставившей ему возможность познакомиться с материалами разнообразного и богатого архива А. Я. Яшина.

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-ЗЕМЛЯКА

Просторно разметнувшись крутой излучиной под высоким берегом, Юг-река в конце лета мелеет, обнажая песчаные косы. Ивняки да ольшаники низко склоняются над водой, а вверх бегут, поднимаются молодые сосенки. Лес вдали кажется бескрайним и таинственным, а здесь — светло и солнечно. И уютно пригрелся домик, желтея свежими рублеными стенами среди сосен и берез.

Впервые я побывал здесь, на Бобришном угore, в августе 1963 года, когда хозяин избушки, Александр Яковлевич Яшин, еще и обжиться не успел. Обращенный окнами к реке, будто взглядающийся в родимую даль, дом звал тоже осмотреться и прислушаться к вековечной тишине. Яшин и его гость, Федор Александрович Абрамов, были немногословны и задумчивы — оба они переживали не лучшую пору в своей жизни. Но уютно и долго потрескивал в ночи небольшой костерок, разведенный поблизости от избы, под деревьями...

Александр Яковлевич любил это тихое местечко «в получасе шаганья от деревни Блудново», и хоть гости, званые и незванные, частенько отрывали его от работы, он многое здесь написал, многое передумал. Еще накануне стройки, 13 июня 1962 года, А. Яшин записал в своем дневнике: «Угор этот влечет меня к себе и поныне... он — моя судьба... может быть, именно на нем суждено мне сложить и свои бренные кости». И снова, спустя пять лет, Яшин пишет о том же в стихотворении «Снег»:

Не о вечности грущу —
На земле мой век!
Все ж, когда умру, —
Прошу:
Схороните в снег.
В его светлой мерзлоте
На Бобришной высоте.

Он и в самом деле похоронить себя завещал там, на угore.

11 июля 1968 года поэта не стало... Правда, живое дыхание родимого Бобришного угора ему довелось почувствовать и в московской больнице еще раз, последний. Там навестил А. Я. Яшина, в числе многих других друзей, первый секретарь Никольского райкома партии М. А. Субботин. Александр Яковлевич, как всегда, интересовался делами, спрашивал, скоро ли будет электричество в Блуднове... Гость из Никольска и привез с собой крохотную живую сосенку, выкопанную на Бобришном угore...

А вскоре Бобришный угор навсегда уже принимал своего хозяина: от деревни Блудново полевой дорогой через рожь, потом лесом — весь путь несли его на руках многочисленные друзья и земляки, чтобы выполнить последнюю волю покойного писателя. Его похоронили слева от домика, между двух берез, — на том самом месте, которое выбрал когда-то сам А. Я. Яшин.

12 июля 1975 года здесь при огромном стечении народа состоялось открытие памятника-надгробия Александру Яшину, выполненного скульптором В. А. Михалевым. Ансамбль был осуществлен по проекту главного архитектора Вологды Н. Г. Луценко. Скульптура отлита из металла и установлена на черном мраморном постаменте, к которому прикреплена мемориальная доска из бронзы. На ней выгравировано: «Яшин (Попов) Александр Яковлевич. 27. III. 1913—11. VII. 1968».

И стоит поэт, скрестив руки, склонив голову в последней нескончаемой думе. И вспоминается Яшин еще живой, наверное, не только Александру Романову, написавшему светлые прощальные строчки в стихотворении «На Бобришном угоре»:

На Бобришном к белой березе,
На карельский черный гранит
Он встает, молчаливый, в бронзе,
И стихами бронза гудит...

...Вьется лист, с березы опавший,
Грустно падает на металл.
Над строкою думает Яшин.
Он бы раньше тот лист поднял.

В 1974 году Совет Министров РСФСР присвоил Никольской школе-интернату имя Александра Яшина (Попова). Здесь, на Бобришном угоре, открыт домик-музей писателя. В Блуднове, на доме, где родился и вырос А. Яшин, установлена мемориальная доска. 11 июля 1972 года в сквере школы-интерната был открыт памятник А. Я. Яшину (скульптор М. В. Таратынов). В Никольске и Вологде есть улицы, которые носят имя писателя...

Ежегодно в Никольске и на Бобришном угоре проходят литературные праздники, посвященные памяти А. Я. Яшина. Эти дни стали событием в литературной жизни. Их участники — и писатели-вологжане, и гости из Москвы, Ленинграда и других городов. И сколько еще служителей муз придет сюда поклониться земле, давшей родине писателя-патриота Александра Яшина, оставившего в советской литературе неповторимый след.

Здесь, на Бобришном, он мальчиком катался с горы; на чистой, как слеза, Юг-реке ловил рыбу; бродил по окрестным лесам с ружьем и корзиной. Сюда поведет многих светлая память... А благодарные сограждане будут снова и снова вчитываться в беспрокойные яшинские страницы, постигая его тревожную совестливую душу, осваивая нелегкую науку правды и добра.

СТАНОВЛЕНИЕ

При всем сходстве творческих путей, которое определяется временем, у каждого истинного таланта есть своя дорога и своя судьба. Мера самостоятельности и определяет в конечном счете масштаб дарования художника и значимость его произведений.

Примечательна жизнь в литературе Александра Яшина.

К двадцати годам, всего-то-навсего закончивши учительский институт (по нынешним меркам — два курса педвуза), еще не имея опытных литературных наставников, он издает первую книжку, пишет стихи, поэмы, рассказы. Ставши на путь приобщения к книжной культуре и мастерству, Яшин работает много и упорно, активно учится. Его новые стихи и поэмы становятся заметным явлением в литературе конца 30-х годов.

Войну Яшин прошел, как многие, — корреспондентом и политработником, в то же время не оставляя стихов. А после войны — широкое признание, Государственная премия, книги — одна за другой.

Очень велик был риск стать таким, как многие. Но почему этого не произошло? Важно отметить, что А. Яшин нашел в себе силы понять цену внешнего успеха. И сам процесс переработки его представлений — уже есть явление литературы, подлинной, высокой, драматичной. В новых условиях, которые определил двадцатый съезд партии, А. Яшин добился качественного перелома в себе и своей творческой работе.

Признанный мастер стиха Николай Асеев еще на пороге работы молодого Яшина в поэзии отметил его несомненную творческую одаренность. И все-таки тот мог остаться заурядным литератором, чей удел в потомстве — пылиться на полках книгохранилищ да время от времени упоминаться в работах историков литературы. Будущее художника всегда определяют время и склад его личности. Если во времени каждый отдельный человек властен относительно, то каким быть — целиком и полностью дело его ума и гражданской совести. Творческая судьба, которую в остройней борьбе определяет сам писатель, выбирая пути и нормы жизненного и творческого поведения вполне сознательно, — такая судьба всегда особенно поучительна. Зерно драматизма, неизбежно прорастающее в этом случае, дает живительные всходы.

Такова судьба и Александра Яшина.

К КУЛЬТУРЕ И МАСТЕРСТВУ

1

В стороне от большой дороги, в тридцати верстах от глухого уездного городка Никольска, вблизи светлой реки Юг, раскинулась большая деревня Блудново. А кругом таежные леса, лишь в двух-шести верстах другие деревни: Липово, Скачково, Пермас, Березовка, Осиново, — а дальше леса, кажется, уходят в сказочную бесконечность.

Сказкою рождено и само название деревни — Блудново, происхождение которого светло и поэтично. Закружил лещий-лесовой охотника в суземах, и нет ему пути: «Все та же грива, речка, бор, налево — зыбуны, туман, направо — синий свет озер...» И появляется лесная царевна, что зовет охотника под свой навес, истосковавшись в тайге по человеку, ведь «без него и лес — не лес, без человека свет — не свет». Так и начался здесь новый род человеческий.

И вот,
Где раньше был сосняк сплошной —
Рожь колосится, лен цветет;
Где он блуждал и жег смолье
И меж корней ложился спать —
Деревня выросла.
Ее
Блуднобым люди стали звать.

Так в конце войны рассказал Александр Яшин о земле отцов в стихотворении «Деревня Блудново» (1944). Здесь в 1913 году и родился будущий писатель. Отец его Яков Попов погиб в первую мировую войну, его мальчик и не помнил совсем. Семье жилось трудно, и детям рано пришлось работать в полную силу. И все-таки первые впечатления о жизни светлы и ярки, этому во многом обязан А. Яшин природе, своеобразному укладу жизни земляков. Вот как об этом пишет в зрелости сам писатель:

«Таинственные волока, медвежьи буераки, жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

Летними вечерами в мою родную деревню нередко вместе с коровами заходили с выгона лоси. И, кажется, нигде на свете не было такого множества грибов, ягод и таких прозрачных родников с живой водой (конечно, с живой!), как у нас.

Новое и старое, самобытное, как бы сплелось у нас в затейливые кружевые узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят еще деревянные шатровые церкви, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники...»

Своеобразие бытового уклада отчего края во многом предопределило и мировосприятие будущего поэта.

Учился Александр Яшин в Никольске, в школе при детдоме, а потом — в педтехникуме. Интересно, что отчим, человек в общем неплохой, не хотел отдавать мальчика в учение: хозяйство требовало рабочих рук. Крестьянский сход решил иначе: раз пришел в дом вдовы — учи парня... Так и определилась судьба подростка.

Уже в школьные годы пробует мальчик сочинять стихи под прямым влиянием народно-поэтических образов, хорошо ему знакомых. В заметке «Немного о себе» (1958) А. Яшин пишет: «Сказочные сюжеты воспринимались мною с детства как что-то очень близкое, обжитое, свое. И стихи складывать я начал очень рано. Помню свою первую ученическую поэму «Про Арсению-батрака», про то, как он «за осминку табака робил год у кулака». Все, о чем рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодежь, нередко заставляли меня читать вслух эту «складную бывальщину». Им, тогда в большинстве неграмотным, казалось удивительным, что не только про Илью Муромца и Алешу Поповича, но и про Арсению-батрака, про свое близкое, житейское могут быть сложены стихи».

Насыщенная жизнь техникума побуждала паренька к творчеству: работали кружки драматический и литературный, выпускалась стенгазета, вызывавшая интерес учащихся. Всему заводилой была учительница Раиса Ивановна Ширунова, к которой А. Яшин на всю жизнь сохранил чувство глубокого уважения. Она дала ему первые литературные уроки; под ее руководством студенческий драмкружок ставил пьесы в стихах Саши Попова, стихи которого друзья постоянно читали в стенгазете.

Конечно, далеко не все было безоблачно в жизни юноши в ту пору. «Я сейчас не могу без улыбки вспоминать, — писал позже А. Яшин, — как году в 1928—1929-м, когда я учился в педагогическом техникуме, страстно любил Есенина и сам начинал писать стихи о природе, конечно, с явными есенинскими интонациями, в газете «Советская мысль» города Великого Устюга вдруг появилась подavalная статья: «Дадим бой чужой идеологии». Мне тогда было 16 лет, стихи мои печатались только в стенной газете, и вряд ли я отчетливо понимал, что такое «чужая идеология» и почему все это может относиться ко мне.

Из-за увлечения Есениным, а в этом я не был оригинален среди своих сверстников, — меня в техникуме не приняли в комсомол; но без комсомола я жить не мог и потому вступил в него позже, в сельской организации, где мои единомышленники понятия не имели о «вреде» Есенина и судили об общественном лице своего товарища по тому, как он участвует в коллективизации деревни и в раскулачивании¹.

В те же годы стихи Александра Яшина были впервые опубликованы в районной газете «Никольский коммунар», в газетах Великого Устюга «Ленинская смена», «Советская мысль», «Северные огни» и в журнале «Колхозник». Юноша живет интересами и студенческой молодежи, и своих деревенских сверстников, участвует в организации и укреплении колхозов, — все это во многом предопределило тематику его стихов. Его связь с жизнью деревни крепнет, когда он становится учителем сельской школы в Чебарском районе. В 1932 году в Вологде создан Оргкомитет Союза советских писателей, председателем которого стал Яшин. Потом он был переведен на работу в Архангельск, где печатался в журнале «Звезда Севера», а в 1934 году издал и свою первую книжку «Песни Северу».

Первые опубликованные стихи А. Яшина далеко не самостоятельны, однако удивления достойно уже то, как быстро освоил

¹ Яшин А. Сны сбываются... (На родине поэта. К 70-летию С. Есенина). — «Лит. Россия», 1965, 1 окт.

молодой поэт литературную грамоту, не имея еще и учителей з творчестве, как он активно стремился к освоению жизни средствами и стиха и прозы. Так, в год своего двадцатилетия он опубликовал в «Звезде Севера» стихи, поэму, рассказы. Пусть не в плане творческом, а в биографическом — они все-таки заслуживают внимания.

Поэму «Партизаны» А. Яшин писал в Чебсаре и Вологде в 1931—1932 годах. В ней молодой поэт подражает Н. Тихонову, В. Маяковскому.

Поле
Окопами взрыто,
В воздухе свист
и звон,
Втотпано копытами жито...
Это —
Фронт.

С первых строк чувствуется заемная интонация, но нельзя не отметить напряженность ритма, умелую инструментовку стиха. Аллитерация — «п...т...п...т...» — отчетливо передает стук копыт, хотя при этом не очень точно сопрягаются зрительные и звуковые детали (это описание, а не динамическая картина боя). Умело пользуется он и рифмовкой... Молодой поэт рисует сборы партизан и бесчинства белогвардейцев, ночной бой... Все это уже в прошлом, поэт не был очевидцем классовых битв, он с позиций своей молодости оценивает исторические свершения.

Завершается поэма «под Маяковского»:

Двинулись
миллионы
в социализм
Шагами
больших
пятилетий...

И пусть от лексики до лесенки в этих строчках все заемное, технику стиха молодой поэт усваивал настойчиво иочно.

Уверенной рукой писал в ту пору А. Яшин и рассказы, хотя опубликованы были только два из них. В этих рассказах он отражал реальные характеры и конфликты, в любом наблюдении шел от жизни. В рассказе «Андрей Иванович» мы видим старого крестьянина, который вступил в колхоз, но от собственных привычек еще не избавился. Два его сына убиты на гражданской войне, сам старик осознает себя вполне советским человеком. Он порою и поворчit на новые порядки, но когда молодой парень сомневается в нем, старик дает ему отповедь: «Власть — она наша, а свое и побранить можно, ежели где худо. Лучше будет. И в колхоз — я сам шел. Силком не тащили... Потому и не «колхозничек» я — языком не мели, — а колхозник — самый доподлинный!» И Яшин дает возможность убедиться в этом. Близок Андрею Ивановичу и дед Михайло («Заводная ручка»)... Спору нет, рассказы иллюстративны, не без просчетов в композиции. Но молодой писатель и конфликты обозначил четко, и характеры лепить умеет, и языком владеет уверенно.

Много было дано ему от природы, и учился он охотно, жадно, настойчиво.. Однако решающим стало для него участие в работе первого Всесоюзного съезда советских писателей. Позже он писал о себе: «Становление литератора — процесс трудный и длительный. Немало лет проходит со дня опубликования в периодике стихов молодого поэта до появления его первой книги. А на поверку нередко оказывается, что эта первая книга — лишь проба пера». Это и почувствовал А. Яшин, принимая участие в работе первого писательского съезда. Он поступает в Литературный институт, переезжает в Москву.

Работая много и напряженно, А. Яшин первые годы в Москве не торопится печататься. Лишь в последние предвоенные годы издается его книга стихов «Северянка» (1938), собственно и открывающая творческую биографию поэта, а в журналах публикуются большие поэмы «Клад» (1938) и «Мать» (1940) и целый ряд интересных стихотворений.

Первое слово безоговорочного признания Александр Яшин, напомним, узнал еще в 1937 году: его стихотворение «Вологда» обратило на себя доброжелательное внимание Николая Асеева. Открывая «Отдел молодых» в журнале «Октябрь» стихами Ксении Некрасовой и Александра Яшина, Асеев ратует за самобытность в поэзии. Стихи К. Некрасовой трудно пробивали себе дорогу в журналы — литконсультантам они казались сырьими, недоделанными. Но это же «сырость росы на листьях, сырость взрыхленной земли, сырость морского ветра», со страстью уверяет Н. Асеев. Убедительные точные слова находит он и для характеристики стихов Александра Яшина, их своеобразия.

«Чувство языка, чувство речи — силы ее звучания — выделяет Яшина из множества пишущих стихи. Знание родной речи, ее особенностей, ее характерности — в пренебрежении у большинства наших молодых поэтов. Яшин дает им наглядный урок, что можно сделать, имея чуткое ухо, слыша окружающий говор, понимая звук, связь, образ речи. Можно, конечно, подойти холодно, по-казенному к Яшину, объявить его формалистом, наговорить кучу упреков по поводу игры слов. Но думаю, что все это будет здесь безвредно, так как тематика у Яшина, как и у Некрасовой, советско-народная, так как слышат и видят они отчетливо и точно и умеют уже смолоду понимать, что значит великая русская речь, великий народный говор, без связи с которым нет и не будет поэзии»¹.

Глубинное знание родного языка и близость к народной жизни в ее современных формах и явлениях — вот то главное, что ценит Н. Асеев в стихах молодого Яшина еще до выхода «Северянки». И тем не менее новая книга А. Яшина была принята далеко не однозначно, не безоговорочно.

Критик из «Литературного обозрения» увидел в стихах поэта не только подражания Багрицкому, Пастернаку, Прокофьеву — тут есть доля правоты, от подражаний Яшин еще не свободен, — но даже народно-поэтическую традицию оценил односторонне: «не проникая в самую суть народных мыслей и чувств, отложившихся в фольклоре, он ограничивается в передаче местного колорита ис-

¹ Асеев Н. Об «отделе молодых». — «Октябрь», 1937, № 3, с. 164.

пользованием чисто типографических средств...»¹ Верно, был такой «грех»: в ряде стихов, например в «Вологде», поэт выделяет, акцентирует диалектное произношение², однако надо быть слепым и не иметь слуха, чтобы заметить только это.

Гораздо внимательнее прочел «Северянку» и точнее оценил ее Л. Тимофеев. Вспоминая «Песни Севера» (1934) А. Яшина, критик пишет: «...книга была настолько ученической, что ее можно спокойно не принимать во внимание», и утверждает, что в новой «обозначилась определенная творческая индивидуальность, со своим материалом, конечно, еще небольшим, со своей манерой, конечно, еще смутной». По словам Тимофеева, «Север с его природой, нравами, обычаями и говором, с его боевым прошлым хорошо известен Яшину, и это определяет конкретность и выразительность его стихов», и тут намечается для молодого поэта «реальная и большая поэтическая тема». Отметив «несомненные эпические данные» А. Яшина, его умение «войти» в чужой характер, рассказать о переживаниях его словами, его голосом³, критик выделяет как сильные, так и слабые вещи А. Яшина.

В самом деле, как в материале — преобразование деревенской жизни на новый социалистический лад, так и в форме — освоение стихом живого и гибкого русского языка, народно-поэтической традиции поэт еще не достаточно глубок, но самобытен и неповторим в своих лучших произведениях, что не сразу и не до конца поняли даже близкие ему люди.

Константин Симонов позже, вспоминая студенческие годы в литеинституте, писал о стихах А. Яшина той поры: «Стихи были уже тогда — мастерские, с инструментовкой на «О», с озорным и метким использованием окающегося вологодского говора. Не просто в чтении, а в самом тексте стихов. Помню, что тогда по первому впечатлению это казалось нам, ровесникам Яшина, чуть ли не самым примечательным в его стихах и лишь потом стало понятно, что инструментовка стихов лишь самое первое, самое очевидное, бросающееся в глаза выражение привязанности к родным местам, душевной неотделимости от них.

Но чем дальше, тем все ясней становилось, что эта неотделимость имеет куда более глубокий, коренной характер, что эта неотделимость составляет содержание стихов, что это не их внешность, а сама их строчечная суть⁴. Потом «с большой силой почувствовалось» это К. Симонову в довоенной поэме А. Яшина «Мать». Однако и стихи давали серьезные основания для таких суждений.

К концу тридцатых годов русская северная деревня жила уже на коллективных началах, и Александр Яшин ставит себе целью показать перемены, открывая старое и новое в контрасте, яркой противоположности в «Вологде», и «Авдотьушке», и в более раннем стихотворении «Ленок», и во многих других. Поэт рассказы-

¹ Беркутов Е. «Северянка». — «Лит. обозрение», 1938, № 24.

² Кстати, в рукописи, представленной в «Октябрь», к стихотворению «Вологда» сделана сноска: «Читается с акцентом на «О». (ЦГАЛИ, ф. 619, д. 3575, оп. 1, л. 1).

³ Тимофеев Л. Первая книга. — «Октябрь», 1938, № 12.

⁴ Симонов К. Об Александре Яшине. — В кн.: А. Яшин. Избр. в 2-х т., т. 1. М., «Худож. лит.», 1972, с. 6—7.

вает, как былая недоля отступила, как человек распрямляет и спину и характер. Отсюда ощущение ликования: село в довоенных стихах А. Яшина работает свободно, пляшет и веселится.

Ночь темна и звездами богата.
За селом опять костер горит:
Рожь — в сусеках, яровина ската,
И шумят всю ночь в полях ребята,
И поют девчата до зари.

Почему бы и не веселиться молодым? А она, Авдотьушка, не знала такой жизни на своем долгом веку: «...обряжала не свои дворы, столько горюшка изгоревала, что хватило б на десятерых». И удивительно ли, что «не любилось, даже не плясалось», и мечтается — теперь бы вот так же, как молодые-то! Но «былую не воротишь стать, и болит спина — опять к погоде...» Такая доля миновала нынешних, «девчата ходят в хороводе — никакой погоде не унять».

Радость жизни — и в коллективном труде:

Выспели да выстояли золотые льны,
Желтые от солнца, высоки, шумны.
Семя в забубенчиках на ветру звенит...
Наступили страдные,
Но какие дни!
Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
Деревня вся.

(Ленок)

Человек почувствовал себя необходимым в жизни и уверенным в себе. Обучает мастериц в кружевсоюзе Авдотья («Вологда»), и о ней лучше всего говорит поэт ее же словами: «Была не в чине долго, а теперь вот — на большом счету: завела сношенья со Внешторгом, новую тематику плету». О новом в жизни и в сознании женщины тут говорит каждое слово. Умеет постоять за себя деревенская девушка Олена, уверенная в себе, в прочности своего счастья («Олена»). Потому-то во всем праздник видит поэт, праздник яркий и ликующий. И если тройки летят (а какой праздник без тройки!), то «в кольцах, пряжках, в бубенцах» («Призыв»). Не удивишься, когда А. Яшин вдруг с веселым вызовом скажет: «Для текущего момента надо б радугу запрячь!» Гипербола здесь уместна, как в сказке, а у Яшина многое идет как раз от яркой пестроты сказки. И в жизни природы мы ощущаем ее могучую щедрость:

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть ведерком черпай рыбу в речке,
Хоть лопатой ягоды греби...

(Невеста)

Жизнь северной деревни, столь близко знакомая А. Яшину с детских лет, открывается в подробных приметах труда и быта, но и сказочный колорит не случаен. Складывается новое сознание, однако духовное наследство не оскудело и живет в привычных

формах — песне, сказке, частушке. Цикл «Присказки», посвященный бабушке Авдотье Павловне Поповой, — как раз о бытованиях сказки в жизни современной деревни.

Зимой, когда метут-завивают метели, «хорошо в одном дому собраться, курить, да сеть артельную плести, да песни петь...», тогда и сказке внимаю стар и млад. Кстати и у костра после доброй охоты острыя охотничья побаска. И в сплавную пору на плоту дед-сказочник «необходим, как свет, и обожаем, словно бог удачи». И на сенокосе... Радует А. Яшин, что в новой жизни есть место сказке, еще нужна она людям:

...по суземам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных
Окуренные на века в овинах
Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски старины...

Для самого поэта фольклор стал почвой и базой поэтического освоения современности. «Начало искусства слова в фольклоре»¹, — говорил А. М. Горький, и обращение к этому первоисточнику всегда плодотворно. По такому пути и пошел А. Яшин. «Опираясь на частушку, припевку, побывальщину, историческую песню, он прежде всего хотел передать новизну бытового уклада северян, новизну их мироощущения, их характера», — пишет В. Дементьев, отмечая как достоинства, так и издержки такой направленности. По его словам, А. Яшин «стремился подчеркнуть отличие, а не сходство между людьми старой и новой деревни. Его грани между старым и новым, между нашим «вчера» и нашим «сегодня» резки и определены, хотя и не всегда оправданы с точки зрения сложнейшего диалектического взаимовложения и взаимодействия между этим «вчера» и этим «сегодня»².

Заметим, просчеты острее дали знать себя в поэмах. Стихи А. Яшина более условны по форме, нередко подсвечены лукавством. В них поэтвольно варьирует формы, способы, средства поэтического отражения жизни, основываясь прежде всего на народно-поэтической традиции. Этот ранний опыт не оказался бесследным и для поздней лирики А. Яшина.

Он разнообразно, всегда очень гибко использует средства народной поэтики и далек арханки. А. Яшин добивается полной естественности традиционных приемов в системе стиха, по духу современного. Близки композиционно и по характеру поэтики «Вологда» и «Ленок». Оба стихотворения складываются из двух контрастных частей. В первой из них поэт, кажется, целиком во власти традиционной поэтики — сказа («Вологда») и народной лирической песни («Ленок»). Мелодика, стилистика, лексика — все выдержаны в одном ключе. Во второй части А. Яшин отказывается от этих приемов — здесь ритм иной и словарь тоже — ради того, чтобы острее оттенить новое. Поэт понимает, что старое не всегда к новому льнет; это ясно и героям стихов Яшина — обитателям новой деревни («Слова-то красивого...»):

¹ Горький М. Соч., т. 27, с. 342.

² Дементьев В. Дар Севера. М., «Современник», 1973, с. 148.

Что там ни загадывай —
Лучше нету пары мне.
Приголубить надо бы,
А слова все старые...

И в самом деле, девушку из колхозной деревни не устраивают старые обращения «соколик», «дролечка», «державушка» — отжили эти слова свой век.

А вместе с тем древние обычан еще живы и в отправлении их проявляется характер современника. На такой основе складывается стихотворение «Мета», привлекательное веселым лукавством. В другом случае, пользуясь параллелизмом, древнейшим из средств поэтики, А. Яшин откроет независимый характер девушки наших дней («Шла я нынче заимкой...»). Кстати использует поэт поговорки, чаще всего — в переложении. «Даже на пиру все порой кому-нибудь взгрустнется, сосны тоже разные в бору» («Никогда так низко не свисали...»), — скажет Яшин, следя за поговоркой «бог и леса не уровнял»; в другом случае: «мы не поверили», что «из большого из такого веревки женщина вила» («В минуту гнева») и т. д.

Охотно следует А. Яшин за частушкой, в которой привлекательны и бойкий ритм и метафоричность. При необходимости, однако, монотонность частушечной ритмики нарушается, поэт свободен в интонации даже в пределах одного стихотворения:

Ходят пары честь по чести,
Разговорчивые,
Городские в моде вести,
Женихи форсят: невесты
Разборчивые.

С естественностью использует А. Яшин традиционные приемы и средства народного творчества в любовной лирике, которая в конце тридцатых годов начинает оживать в советской поэзии. В узко личном плане, отстаивая право на субъективность, писала об интимных чувствах М. Алигер. Напротив, Е. Долматовский в стихах о любви готов, кажется, вовсе отречься от интимного, пытаясь найти общественный смысл любви. Между этими крайностями не пришлось мучиться А. Яшину: у него есть свой герой — крестьянка, охотник, зверолов... Работа в повествовательном ключе помогла ему найти свою меру.

В условной манере обыгрывает А. Яшин сказочный сюжет в стихотворении «Заречная красавица». И обычная для фольклора инверсия, и внешние атрибуты («поясок малиновый, неношенный», «голова бедовая», «кофточка атласная») — все настраивает на восприятие сказки. И легко принимаешь ее финал: спасая утонувшего суженого, девушка ведром вычерпывает реку, не дает ему погибнуть. И только концовка от автора возвращает нас к реальности: «Если б жены нас любили так, нас водою не разлив бы с женами».

А вот в «Балладе о рыбаках» А. Яшин пишет уже о своих современниках, стилизую стихи под сказ; этому служит и построение фразы (часто с глагольной формы начинается), и интонация.

Свежестью чувств отличается цикл «Первые письма», в полном смысле — лирический. В нем поэт не описывает, не показывает, а

стремится выразить переживание, передать настроение. Яшин избегает прямых высказываний — и тут параллелизм приходит ему на помощь:

Сумерки.

Тоска в душе такая,
Что часы остановили ход.
Ласточек щебечущая стая
Над землей из края в край летает
И нигде покоя не найдет.

Сдержанность чувства — выражение его глубины; здесь душевная сила сказочных героев озаряет светом стихи А. Яшина. А идет он от допущений, характерных как раз для сказки, но и вполне уместных в реальности. В них-то и обнажена сложность чувства;

Коль одна живешь в чужом kraю,
Отзовись, я клятвы не нарушу,
В прах все расстоянья разобью...
Если ж не одна, тогда мою
Отпусти на покаянье душу.

В любовной лирике А. Яшин, открывая в интимных переживаниях характер лирического героя-современника, нередко пользуется, как видим, средствами народной поэтики. Свообразие стихов Яшина во многом определяется именно этим. Стремясь показать жизнь чувства своих героев — крестьянки, охотника — поэт избегает излишнего субъективизма и, кроме того, готовит себя к работе над развернутыми эпическими произведениями.

Склонность Александра Яшина к эпическому отражению жизненных явлений проявилась уже в книге «Северянка». В конце 30-х годов он интенсивно работает и в жанре поэмы. Тогда появляются такие вещи, как «Евдокия Петровна» (1937) и «Слово охотника» (1939), в центре которых один характер, и развернутые сюжетные повествования «Клад» и «Мать». И вот эти две повести в стихах вместе с третьей — «Сон Макара», написанной спустя десятилетие, и говорят об А. Яшине более всего как о поэте новой деревни. Говорят не только черты поэтики, приемы сюжетоисложения, но главное — характеры и направленность. Заметим, поэмы А. Яшина о становлении коллективистской психологии неравноценны, разноречивы о них и суждения критики. Более всего это кажется поэмы «Мать» (в позднейшем, 1948 года варианте — «Мать и сын»), самого сильного из всех эпических произведений Александра Яшина.

«Поэма Яшина лежит за пределами поэтического искусства»¹, — пишет один из критиков. А вот иного порядка оценка: «Яшин владеет кладом подлинным, неподдельным, — писала Вера Инбер. — Это его знание деревни. Умение показать ее изнутри сложно и многообразно». И в поэме «Клад» В. Инбер привлекает «серьезность и глубина замысла», а в поэме «Мать», по ее мнению, «отдельные места просто превосходны»². Позже Б. Соловьев скажет,

¹ Спасский Б. Мать. — «Звезда», 1941, № 1, с. 166.

² Инбер В. Две поэмы Александра Яшина. — «Лит. газ.», 1940, 13 окт.

что поэма «Мать и сын» (в доработанном варианте) «словно бы высечена из одного твердого самородка, является цельным сплавом»¹.

В самом деле, поэмы А. Яшина не лишены слабости, но по-своему интересны. В каждой из них в той или иной ситуации происходит перерождение собственника. Поэт исследует процесс изменения психологии, противопоставляя героев в напряженном сюжете: одни еще обременены грузом собственных привычек, другие уже усвоили нормы социалистического общежития и новую мораль. В любом случае новое торжествует, и в любом же — увы! — есть у Яшина доля схематизма и иллюстративности. Поэмы многословны, но описания в них живы и выразительны, диалог гибкий и психологически напряженный.

Поэма «Клад» — о судьбе крестьянина в революции — воссоздает образы двух мужиков Степана и Ивана, пути которых в конце концов сходятся. Они приятели, но как не похожи друг на друга! Если Степан «ходил, опустив глаза», был тих и себе на уме, желая лишь сколотить собственное хозяйство, то Иван — другой: «Ему за одну поглядку — тюрьма», — как говаривали люди, отмечая смелость мужика. Они дружны, но путь у каждого свой: Степан ищет клад, а Иван уходит в город в поисках иного счастья. К гражданской войне они пришли, оставаясь каждый при своем. Иван — в партизанском отряде, а Степан надеется удержаться «надхваткой».

Вот, кажется, и достиг Степан своего — нашел клад, только не добрый — склад с оружием в лесу. А кому выгоднее сбыть, красным? На ту пору Иван из лесу вышел, сказал, что партизаны нуждаются в оружии. Но какие же у них деньги... Напряженно рисует А. Яшин сцену встречи: не дано еще понять Степану ход явлений в этом мире. Оружие — пока осмотрительно, половину! — запрордал он за обесцененные деньги белогвардейскому полковнику. Тяжело обошлось Степану прозрение: белогвардейцы при налете на деревню порубили и его детей. Жестокие психологические детали находит поэт, показывая горе мужика. И с подъемом пишет А. Яшин эпilog, переходя на торжественный лад баллады: пути героев сошлись, и два старика люто мстят врагу...

Отдельные удачи есть в поэме «Клад», но в ней все в верхнем слое, а глубинные пласти остались не затронутыми. Гораздо основательнее поэма «Мать». В ней, по словам Б. Соловьева, «показано, что правда новой жизни рождалась не в идеальном согласии всех людей, хотя бы и социально близких друг другу, а в спорах, расприях, жестоких схватках»².

...Забитая вдова — крестьянка Огрена прожила жизнь в батрачках, и только новое время открыло дорогу ее сыну к учению. А ей самой вдруг выпала доля стать женой богатого мужика. Еще недавно соседи считали бы, что повезло бабе, теперь же ее путь — от людей, обочиню, и даже возмужавший сын не в силах помочь матери вернуться в мир.

«Мать» — это повесть в стихах, и столкновение героев в сюжете — главное для решения темы. Далеко не безразличен, однако,

¹ Соловьев Б. Герои действующие и бездействующие. — «Звезда», 1957, № 9, с. 196.

² Там же, с. 195.

и фон — жизнь деревни. При этом, вся поэма в каждой черточке: в отборе материала, оценках, направленности — явление 30-х годов. Но все-таки от привычной тенденциозности А. Яшин уходит во многом, самобытно намечая характеры, неоднозначно — без нажима — открывая различные точки зрения.

Себе на уме немолодой мужик Михайла, который скоро понял меняющуюся ситуацию. Его позицию выражает автор средствами нес собственно авторской речи. В ней — стремление героя выглядеть в эту строгую пору «как все».

Нет, кулаком себя он не считал:
Ведь — дом как дом...
Ну — пять коров... ну — лошадь...
Он обхождением славился хорошим.
Работал сам,
Работе цену знал,
А батраков держал двух-трех, не
больше.

Пытался Михайла держать мыловарню, пристраивался на службу в волость продавцом, служащим; он не из тех, кто возьмется за обрез, однако «ждал войны, ох как он ждал войны!» И выживая, нашел способ «перекраситься», женившись на батрачке. Он и сына ее, коммуниста, встретил поначалу приветливо, надеясь на сотрудничество... Но время его прошло. И лучше всего об этом свидетельствует одна броская, вариативно повторяющаяся деталь: у Михайлы во дворе «пес с белою кокардою на лбу, как будочник, сидит, развесив уши».

И в прошлое, как в пропасть, шагнула Огрена. Она «состарилась под окнами чужими» и хорошо усвоила, что «не поклонившись до земли, поганку, мухомора не подымешь». Единственная надежда Огрены на сына: «вырастет и матери поможет, не сглазили бы лишь его судьбы». А тут вдруг хозяйкой богатого двора стала! Только власть ее иллюзорна, а ей пришлось лишь выступать ходатаем по делам Михайлы: снять ли «твердое задание», на службу ли помочь ему пролезть... Как была Огрена батрачкой, так и осталась, но призрак богатства, хозяйствской власти темным пятном ложится на ее душу.

Очень точно А. Яшин выдерживает характер Огрены в самой раздвоенности. Хозяин от нее свое добро под замком держит, а между тем и она «баб к своему колодцу не пускала», «второй замок повесила к ограде», нищему и то с упреком кусок подает, а ведь давно ли сама под окнами «христа ради» молила! От мира отрешилась Огрена, и хозяин воли не дал, да разве теперь в этом-то перед людьми признаешься! Засмеют... И остается, чтобы сохранить хотя бы иллюзию счастья, беречь добро Михайлы и повторять его слова. Уж если он скажет ей сегодня, что «коли есть на свете кулаки, то разве на одной Украине», — завтра она повторит эти слова перед людьми и сыном. И будет объяснять неприязнь к Михайле только низкой завистью.

— И, полно, сын! Как будто я не знаю:
И каждый бы работницу держал.
Да ведь не выдюжить, достаток мал;
Ну — зло берет...
Вот бабы-то и лают.

Столкнувшись с упорным сопротивлением матери, сын ее Василий не может сразу определиться. Друзья-студенты распорядились лихо: «Ты ей не сын! Она тебе не мать!» — в этом легко почувствовать резкие отголоски максимализма молодежи в переломную эпоху. Однако Василий не растратил традиционных свойств трудовой крестьянской деревни — совестливости, ответственности за стариков-родителей: «Нет, мать забыть, что Родину предать», — и эти слова пойдут в поэме рефреном.

Матери Василий не оттолкнет, хотя постарается переубедить ее. Конечно, живя во время каникул на кулацком подворье, заметит он насмешливую снисходительность к себе со стороны соседей, поймет настороженное отношение активистов сельсовета, но будет повторять себе: «...мать позабыть, что Родину предать». И все-таки, когда поймет, что мать ему не переубедить, сделает выбор: «У меня семья одна со всеми. Сирота не я. Вот мама у меня осиротела».

Вернувшись в деревню учителем и избранный затем членом сельсовета, Василий сам раскулачивает нежданного отчима. Тот сбегает, прихватив все ценное, а Огрена встает на защиту его оставшегося добра. Натравив собаку на одного из активистов, Петра Валова, Огрена окончательно отрешается от людей. И беда не приходит одна: бешеный пес бросается на детей — большого греха совершивший против односельчан, кажется, и невозможно. И Огрена повесилась, не допустив к себе соседей, — не было у нее выхода..

Звали люди Огрену с собой — не пошла, и судьбу ее верно понял Петр Валов, с которым когда-то Огрена вместе батрачила и которого, став «богатой», ненавидела больше других. В его словах — и прощение:

Отбилась баба от людей. С тоски
И жизнь не в жизнь...
А мы не отстояли.
Давайте ж хоть схороним по-людски.

Кстати, первоначально А. Яшин не рассчитывал кончать поэму гибелю Огрены. Она попадала в больницу, ее вина прощена и «...словно все, что пережито, небыль»¹. Нет необходимости пояснять, насколько логичнее, правдивее окончательное решение поэта. «Старая деревня с болью и мукой умирает в образе матери»², — писала Вера Инбер. Поэма А. Яшина «Мать» и своим драматизмом, и гуманистическим пафосом ответственности за каждого человека — заметное явление в советской поэзии конца 30-х годов. В ней очевиднее всего сказалось эпическое дарование А. Яшина, она и сейчас будит живой интерес.

В конце 40-х годов имя Александра Яшина обретает в поэзии свое место, наряду с именами его литературных сверстников, таких как, например, Константин Симонов, Дмитрий Кедрин, Маргарита Алигер, Петр Семынин, Евгений Долматовский... И можно с уверенностью утверждать, что войну Александр Яшин встретил поэтом, уже вполне сложившимся. Он творчески освоил определенный круг жизненных явлений и типов, о которых сумел сказать своим голосом, в манере оригинальной, самостоятельной.

¹ ЦГАЛИ, ф. 619, д. 675, оп. 1, л. 73.

² Инбер В. Две поэмы Александра Яшина. — «Лит. газ.», 1940, 13 окт.

С каждым годом Александр Яшин набирал мастерство, все глубже постигая характер современника, все увереннее пользуясь поэтическим словом. Война обратила поэта к еще неведомой ему стороне действительности, показала ему сограждан в обстановке, небывалой по трудностям и драматизму.

Постижение современности продолжалось.

2

Весной и летом 1941 года А. Яшин живет обычной жизнью студента, литератора. Работает он над новыми стихами и пишет большую лирическую поэму «У самого Белого моря» (так и не была завершена). В апреле его стихи вместе с произведениями Юрия Крымова, Сергея Бородина, Вадима Стрельченко и других молодых прозаиков и поэтов обсуждаются на конференции московских писателей. В мае—июне он сдает зачеты в Литературном институте, читает — в который уже раз — «Войну и мир» Льва Толстого...

Думал ли он о неминуемой войне? Конечно, как и многие в ту пору. Вот что записал А. Яшин 22 июня 1941 года, открывая свой военный дневник: «Итак, началась война, большая, и именно с Германией, война, которую мы ждали и знали, что она будет, рано или поздно...»¹ А прежде о войне он, гражданинский человек, не писал и не пытался представлять, какой она будет. И, думается, напрасно критик А. Павловский усмотрел легковесное, несерьезное отношение к надвигающейся опасности в стихотворении А. Яшина «Призыв».

У колхозного правленья —
Вся деревня,
Все селенье.
По дороге мчатся кони,
Словно в гонках на призы,
Заливаются гармони —
Парни едут на призыв...

«Вот как встретил войну и Александр Яшин», — укоряет Павловский и комментирует: «Как все это легковесно, неуместно-плясово и даже по форме своей совершенно безлично, а вместе с тем в известной мере и правдиво, поскольку не один Яшин, а и многие его товарищи по сорок первому году войну представляли себе не иначе, как в виде легкой блестательной победы»².

Для иллюстрации верного по сути тезиса следовало бы поискать иных примеров хотя бы потому, что стихотворение А. Яшина написано еще в 1939 году и посвящено ежегодному призыву молодежи на срочную службу в армию, а вовсе не началу войны; правдиво — без оговорок — рисует он привычную для деревни 30-х годов сцену. Поэтому военной темы А. Яшин становится лишь с первым днем войны.

¹ Яшин А. Дневники. 1941—1945. — М., «Сов. Россия», 1977, с. 8.

² Павловский А. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., «Наука», 1967, с. 90.

Вся советская поэзия с исключительным сознанием чувства своего патриотического долга решительно обратила оружие стиха на защиту Родины. В строй встают поэты, которые уже имели боевой опыт, как, например, К. Симонов — участник боев на Халхин-Голе или А. Твардовский — участник финской кампании. А рядом с ними — новое пополнение — и, все они с первого дня войны сознавали себя мобилизованными. Замечу кстати, что песня «Священная война», которая и до сих пор звучит для нас как символ той поры, родилась в содружестве В. Лебедева-Кумача и А. Александрова уже на второй день войны. Александр Яшин тоже включился в работу: уже 10 июля «Правда» печатает его стихотворение «Пусть в каждом забьется сердце героя».

Москва сурово и сосредоточенно перестраивается на военный лад, маскируется, возводит укрепления, и Яшин не только других призывает в стихах быть героями, а с первых дней добивается отправки на фронт, однако состояние здоровья не позволяет ему стать призывником первой очереди. 28 июня его принимают из кандидатов в члены партии, но лишь 16 июля получает он назначение и выезжает в Ленинград.

В августе 1941 года А. Яшин редактирует краснофлотскую газету «Залп балтийцев» Запольского укрепрайона. Типография и редакция газеты размещались в подвале. Поэт сам собирал оборудование, искал бумагу, ездил в Ленинград за наборщиками, — не было абсолютно ничего. Приходилось от руки переписывать заметки, вручную вертеть «американку». А кроме того, ведь надо еще и собирать материал. Немало времени А. Яшин проводит среди краснофлотцев; уже 14 августа получил он боевое крещение: участвовал в отражении психической атаки фашистов.

Нередко встречавший А. Яшина в ту пору В. Азаров писал: «Когда Яшин ночью под огнем переползал из землянки в землянку, собирая материал для газеты, бойцы часто просили его почитать стихи. Он читал только что написанные свои боевые строки, читал наизусть Пушкина, Лермонтова, Маяковского. В эти часы он понял, может быть, в первый раз по-настоящему, как нужна поэзия, какое это разящее оружие»¹.

Первый номер газеты вышел 10 августа, за ним следующие. Одновременно поэт пишет листовки, учится воинской науке, задумывает новые стихи. А вскоре его переводят поэтом-корреспондентом в политуправление Ижорского укрепрайона. Он часто бывает на передовой, в подразделениях морской пехоты, участвует в бою в районе деревни Средние Лужки, ходит в разведку. Однажды Яшин с группой разведчиков был зажат фашистами на скотном дворе, на оконице деревни Елизаветино. Немцы пытались оцепить двор, но А. Яшин, оказавшийся за старшего, сумел предотвратить панику и вывести всех. Зимой 1941—1942 года поэт не раз участвовал в операциях бронепоезда Кропачева. 19 сентября А. Яшин записывает в дневнике: «Себя я уже проверил: был не в одном бою и в очень серьезной разведке».

А между тем А. Яшина подводят здоровье — открывается туберкулезный процесс. В октябре 1941 года он в госпитале. В ноябре уже ездит по частям. 7 декабря читает стихи для населения деревни Красная Горка. А в феврале 1942 года — снова госпиталь. В это время поэт работает в самом Ленинграде в оперативной

¹ Азаров В. Письма с Балтики. — «Звезда», 1943, № 1, с. 118.

группе писателей, возглавляемой Всеволодом Вишневским. Он участвует в радиопередачах, бывает на встречах и выступает со своими стихами.

6 февраля 1942 года Александр Яшин принимает участие в совещании поэтов в Ленинграде. Вот что писал в своем дневнике корреспондент газеты «Красный Балтийский флот» Анатолий Тарасенков, известный литературный критик:

«Сам удивляюсь, как — но сегодня открываем большое писательское совещание, с большой выставкой, с уймой делегатов... здесь вся наша опергруппа — Вишневский, Мирошниченко, Крон, Азаров, Михайловский, Зонт, Амурский, Вишневская, затем спокойный седой Успенский... Яшин — молодой поэт, Чуковский Николай, работающий в авиации... В качестве одного из гостей — Вера Инбер...

Под конец заседания Инбер, Успенский, Яшин, Азаров, я, Браун читали стихи. Инбер замечательна. Трагические, глубоко правдивые новые главы «Путевого дневника» — об осаде Ленинграда, о голоде. Строки о хлебе, о тепле... Это почти величественно, это трагедийно в лучшем смысле слова»¹.

И Яшин в этот день записывает в своем дневнике, что «Путевой дневник» В. Инбер — «поэма огромной правды и силы». Он вообще внимателен к тому, что пишут другие, следит за работой друзей. Так, судя по газете «Красная звезда», он отмечает, что К. Симонов побывал и на Северном, и на Западном фронтах, печатает стихи — «средние стихи», как оценит Яшин, но зато с удовольствием прочитает в «Правде» «Жди меня» и запишет, что стихотворение друга «очень хорошее, человеческое. Многие будут рады ему» (Дневник, 20 января 1942).

Сам Александр Яшин в Ленинграде постоянно работает над стихами, хотя другие обязанности и частые болезни отвлекают от главного дела жизни. «Признаться, я сам огорчаюсь порой оттого, что в дни войны моя фамилия почти не фигурирует в печати», — писал А. Яшин в письме парторгрупе Славе Щириной в лнтинститут. — А полезное дело я делал все время и был нужен всегда, пусть незамечен. Во фронтовой многотиражке печатался беспрерывно и много»². За время пребывания в осажденном Ленинграде А. Яшин подготовил сборники стихов «Красная Горка» и «На Балтике было», опубликованных уже в 1942 году, работал над новыми поэмами.

В апреле 1942 года Александр Яшин по состоянию здоровья переводится на Сталинградский фронт. По пути он побывал в Москве. «Мой дом снаружи цел, а внутри развалины», — отметил он в дневнике. Поэт навестил С. Я. Маршака, побывал в родном литеинституте и в редакциях, читал стихи в ЦК комсомола, начал в эти дни «Ленинградскую поэму», которую намерен был закончить на Волге. А в замысле — новые сборники стихов, хотя поэт постоянно сетует на себя: «Как я не умею работать!»

Через Ульяновск и Саратов А. Яшин приезжает в Сталинград, где в августе начинается ожесточенный натиск фашистов. И снова боевые будни: поэт пишет очерки, принимает участие в военных действиях. «Большую часть времени, — сообщает он в одном из

¹ Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 2. М., «Наука», 1966, с. 23—24.

² Свидание с юностью. — «Дружба народов», 1975, № 5, с. 32.

писем в Москву, — нахожусь на кораблях Волжской военной флотилии в районе Сталинграда в качестве инструктора политотдела флотилии и поэта. Мое звание — старший политрук...»

Вот в этих условиях, когда шли бои на улицах города, А. Яшин с 27 августа по 23 сентября 1942 года писал поэму «Город гнева». Сам он в дневнике отмечает: «Начал писать в автомашине командующего на левом берегу Волги. Закончил на «Туре». Писал даже на броневике по пути из Райгорода в Ушаковку (НП), писал на «Федосеенко», «Кирове», на плавбазе ОБТ, в Солодниках, в Черном Яру, в Никольском». Когда 24 сентября машинистка редакции перепечатывала на «Туре» поэму, был налет двадцати пикировщиков — судно спасла только маскировка, а поэма в суматохе едва не была утеряна.

В тот же день А. Яшин читает поэму бригадному комиссару, а вечером — коллективу газеты «Сталинское знамя» Юго-Западного фронта. Выступили Марк Колесов и другие, высказали свои замечания, но в целом одобрили. В дневнике 4 октября поэт записал: «Закончил правку поэмы. В первую часть включил три новые строфы. Написал новую, 6-ю главу о записи в добровольные рабочие дружины». 16 октября фронтовая газета начала печатать поэму, а позже она была опубликована в «Сталинградской правде» и издана отдельной книгой.

И здесь последствия болезни не оставляют Александра Яшина, но он мужественно ведет фронтовую страду политработника, поэта и солдата. Только с августа по декабрь 1942 года провел капитан Яшин около 60 выступлений и бесед, напечатал около 70 стихотворений, «многие из них, — отмечает он сам, — имели характер эпизодический, как это и бывает в таких случаях, и в сборники мои не вошли».

Еще 19 октября 1942 года получил А. Яшин медаль «За оборону Ленинграда», а 30 января 1943 года узнал о награждении медалью «За боевые заслуги». Знаменательным днем стало 2 февраля 1943 года — завершилась полная ликвидация немецких войск под Сталинградом, а накануне поэт получил разрешение навестить семью в Казахской ССР.

Итак, фронтовой путь капитана Александра Яшина — это прежде всего две, едва ли не самые грандиозные кампании Великой Отечественной — оборона Ленинграда и Сталинградская битва. Из армии поэт демобилизовался по инвалидности в 1944 году, а итоговым его сборником стала книга «Земля богатырей» (1945), объединившая стихи А. Яшина военных лет, получившая высокую оценку критики¹.

Поэзия, поставившая стих на службу победе, активно откликалась на героические деяния воюющего современника, и поначалу — наряду с призывом безжалостно бить врага — это было главным. Хроника с неизбежностью вытесняла лирику. Со временем соотношение менялось — такой была общая закономерность. У Александра Яшина — наоборот: с первых дней войны мы найдем тонкую, проникновенную лирику, а в более позднее время он по прежнему не станет отказываться от хроники.

¹ Соловьев Б. Лирика и хроника. — «Лит. газ.», 1946, 9 марта; Тимофеев Л. Среди стихов. Ст. 4. — «Знамя», 1945, № 7.

Хроника, очерковость свободно уживались в его творчестве с лирикой; он жил тем и другим.

Поэт работал стихом, служил, и сам понимал, что не каждая из его вещей, необходимых сегодня, окажется нужной в будущем. Многие его стихи так и остались разбросанными по фронтовым многотиражкам, но его боевая хроника по-своему примечательна, в чем, например, убеждает поэма «Город гнева». Впрочем сам Яшин поэмой эту вещь не считал и определил как «Сталинградские эпизоды».

Не только свидетель, но и участник героической обороны, Александр Яшин ведет репортаж, рассказывая, как это было, не скрывая правды о страшном разрушении города-героя, который он видел цветущим весной 1941 года и который открылся ему в огне сражения.

Бешеные артобстрелы, беспрерывные бомбёжки, когда даже «деревья с насиженных мест снялись, железо и камни летели ввысь», пожары, вызванные фашистскими «зажигалками» и охватившие весь город: «Слепящая взвихренная метла счищала дома догола, дотла...» Но город жил, и мирные люди, загнанные в подвалы и щели, не собирались сдаваться, обживались во фронтовой обстановке: «В садах белели тут и там пеленки мокрые, как сети, раскинутые по кустам»; «...у обгоревшего ствола месила женщина лепешки и тут же на костре пекла». Поэт видел, как беда поднимает людей, делает их героями.

Вот девушка, которая никогда не помышляла стать бойцом, — она собиралась покинуть город. Поэт не осуждает ее, нет — мы слышим голос мужчины, воина: «Ей внове была война, она хотела уйти от огня: девушка она». И поэт понял бы ее, если б она действительно ушла. Но увидела она раненых на пристани, охваченной огнем, — сотни их, тысячи! И вот — «бросилась к одному в черном низком дыму...» Потом к другому... Так и нашла она свое место в строю защитников.

А на защиту поднялся весь город. Александр Яшин живо почувствовал преемственность традиций советского патриотизма. Его поэма пронизана чувством истории. Как тогда, в 1918—1919 годах, «В скверике, у заводской стены, столик дощатый, толпа народа...» — идет запись в рабочие батальоны. К партийному обкому «рабочницы шли и рабочие, сражавшиеся за Царицын», шли и молодые люди, они знали, они понимали, о чем Ленин «в грозный час молнировал на Волгу». И снова шли ополченцы от каждого района батальонами:

- Чей батальон?
- Заводского района.
- Кто ведет?
- Секретарь райкома...

Здесь нельзя не отметить прямую информацию, поданную умело, по-журналистски, но не поэтически. Поэт рассказывает о чудесах храбрости и героизма, о воинской смекалке защитников города, ставшего неприступной крепостью. Он, участник обороны, видел их ежедневно в боевом деле, видел в обыденной обстановке. И это дало ему возможность понять истоки их силы и мужества.

Если и раньше русские люди «любой уголок родимой земли... от чужеземца врага берегли», то теперь, хозяева в своей стране,

когда «все стало втройрат родное», они не уступят врагу. Содержанной гордостью, с верой в силы и возможности своего народа пишет Александр Яшин:

Мы не мешали жить никому,
Мы сами только учились жить,
Себя уважать,
За друга тужить,
В своей Отчизне, в своем дому
Учились большому делу служить.
И как бы мы научились жить!..

Враг помешал строить и жить мирному народу-созиателю. И встал народ несокрушимой стеной, обрушив на врага всю силу своего гнева, уверенный в своей святой правоте и непобедимости: «...сжечь наш город — не значит взять!» Поэт, проникнутый теми же чувствами и настроениями, что и все защитники Сталинграда, поддерживал их мужество своими стихами. Вот почему номера «Сталинградской правды» с отрывками из поэмы Яшина передавались из рук в руки, пользовались исключительным успехом.

Сейчас, спустя тридцать пять лет, мы заметим, что «Сталинградские эпизоды» неровны, стихи нередко плакатны. Лишь иногда интонация, то раздумчивая, то по-мужски сердечная, намечает начала, характерные для лирики позднего Яшина. Вряд ли мог думать тогда поэт, как добиться художественной завершенности поэмы. Он воевал стихом — это была его цель, это был и социальный заказ, принятый сердцем. Заказ выполнен в срок, цель достигнута. Сам поэт уже вскоре понял: «...поэма несовершenna, ...но была нужна»¹. А для нас она — свидетельство тех лет, правдивый документ суровых дней войны, сохраняющий его горячее дыхание.

Живя напряженной боевой жизнью, А. Яшин много размышляет, многое становится ему понятным по-новому. Он хорошо понимает сам цену стихам, которые пишет. В дневнике за 16 августа 1942 года мы встречаем такую запись: «Есть живые стихи и стихи мертвые. **Мертвые стихи** — это робкое повторение азов, зарифмование готовых фраз. **Живые стихи** — те, в которых бьется живое человеческое сердце и чувство; неповторимое, яростное восприятие грозовых событий, свое живое слово». Тут же поэт признается: «сбиваюсь, уступаю антипоэтической стихии», и все-таки он мало-помалу находит свое.

Для Яшина, гражданско-человека, как и для многих, были свойственны опасения, как-то сможет он выдержать непривычные трудности, найдет ли в себе силы быть стойким перед врагом:

И убедившись, встав под дула, .
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,
Что я ни в чем других не хуже...

От сомнений поэт приходит к уверенности в себе — он проверил себя на опыте и вправе сказать: «Кто эти чувства не изведал, тот просто не был на войне» («Не позабыть мне первых схваток...»).

¹ Свидание с юностью. — «Дружба народов», 1975, № 5, с. 34.

Он и в самом деле не раз показал себя в боевой обстановке че ловеком незаурядной храбрости. Интересно сравнить вывод Яшина со словами Юлии Друниной: «Кто говорит, что на войне не страш но, тот ничего не знает о войне» («Я только раз видела рукопаш ный...»). Казалось бы, выводы по мысли и эмоциональному настроению контрастны, но противоположность здесь только видимая: схвачены разные состояния, которые приводят к выдержке, но правда чувства есть равно в том и другом случае.

В условиях фронта А. Яшин вырабатывает не только нормы жизненного поведения, но и творческого. «Именно сейчас, в дни великих испытаний для Родины, как никогда можно проверить силу своего характера и свою способность на большие дела. А сопротивляемость надо воспитывать в себе, без нее литератору жить нельзя», — записывает он в дневнике 14 октября 1941 года. А 1 марта 1942 года снова, размышляя о характере писателя, его силе и слабости, пишет: «Сила литературы в умении видеть душу человека в ее первозданности, сила — в прямоте, в честном отношении к себе, к другим, к явлениям жизни».

Отпечаток личных раздумий наложился и на стихи поэта, прежде всего там, где он отражает лицо войны («Атака», «После боя», «Высота» и другие). Так, рисуя высоту, А. Яшин словно бы отрешается от примет войны, которая отступила перед буйным дыханием жизни природы: «...прозрачные облака ветер над самой вершиной гонит», плывут «запахи чабра и молочая»... И представляется, «словно бои здесь не проходили». Но концовкой — только в двух строчках — поэт возвращается к трудной, драматической реальности: «Но у меня на той высоте брата родного немцы убили».

В выверенных собственным опытом психологических деталях открывает А. Яшин самосознание и мир переживаний фронтовика. Вот он, который «в боях держался смело», но все-таки «каждый раз, как в первый раз, в нем все сжималось, холодело, лишь наступал сраженья час». Но боец умеет держать себя в руках, он знает, что ему делать на войне, и его состояние передает А. Яшин в динамичных глагольных формах, завершающих строфы:

Все проплыvalо, как в тумане,
Порой рвалась сознанья нить.
Увидев немца на кургане,
Он думал об одном:
«Убить!»

Пережитое на войне, личный опыт сообщает стихам А. Яшина особую убедительность. Он считает вправе обратиться к воюющему современнику со словами призыва. Таких стихов тогда было много написано, в начале войны особенно. Среди них «Бей фашистские танки» А. Твардовского, «Я верю в свой народ» Д. Бедного, «Убей его!» К. Симонова и т. д. Сродни стихам-призывам такие ведущие Яшина, как «Русские мы», «Товарищу по окопу».

Примечательно, что стихотворение «Русские мы» написано еще в начале октября 1941 года, в самых суровых условиях начала войны (правда, название его пришло позже). Оно было замечено сразу. Н. Никитин отмечал, что «поэт нашел простой и сильный

образ войны, отраженный в сознании бойца»¹. А. Яшин с уверенностью говорит о выдержке и стойкости русского солдата, о готовности перенести любые трудности ради победы над врагом. Сочетая точные детали суровой обстановки с лозунговыми формами призыва, А. Яшин добивается остройшей экспрессивности стиха.

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы враг наш оклевал!

Обращаясь к товарищу по окопу, поэт словно бы еще дома, в родных краях, в мирной жизни, из которой всех и каждого выбрала война; в той жизни, о которой он сам грустит и не скрывает грусти. Рисуя картины оставшегося позади уюта и мирного труда, А. Яшин зовет к ненависти и добивается эмоциональной напряженности, контрастно сталкивая образы памяти и приметы реальности («Не умру»). Патриотическое чувство обретает интимность, и в этом его особая глубина.

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна, —
Война все чувства наши обострила.

На полном накале чувств живут фронтовики, помня мирный дом, и эта память питает силу солдата:

...потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

Обостренность чувств А. Яшина находит выход в его стихе. В нем отражаются самые суровые, самые горькие стороны жизни. Таково стихотворение «Ленинград, 1942 год», опубликованное только в шестидесятые годы. Оно и не могло появиться в ходе войны: поэт понимал, что картина его может произвести гнетущее впечатление. Он сам сполна пережил все, о чем пишет: семья, в которой осталось двое — старик при смерти и его младшая дочь, заледеневшая квартира, где вся мебель уже истоплена; трупы в дровяном сарае... «Я не могу об этом укладывать в рифму слова», — говорит поэт и не живописует сцен, леденящих кровь, но и без того картины тяжелы. А родилось стихотворение в результате посещения Рожавиных; одна из сестер — Анна была другом Александра Яшина, и он отдал свой больничный паек ее сестре и отцу, помог устроить старика в больницу и эвакуировать его дочь. (Этому эпизоду посвящено несколько записей в военном дневнике А. Яшина).

«Ленинград в дни блокады — не тема для сочинений, — писал А. Яшин 25 августа 1964 года, просматривая свой военный днев-

¹ Никитин И. На Балтике было. — «Лит. и искусство», 1942, 19 дек.

ник. — Тут все пахнет кровью и не требует домыслов. Более сильных картин людского горя и героизма не может представить самое воспаленное воображение. В этом случае надо писать либо так, как все было, как ты видел, либо не писать совсем».

Трудная правда жизни настраивает душу поэта на взаимопонимание с людьми, обогащает его переживания. «Нравственные категории приобретают решающую роль в этой войне»¹, — писал А. Н. Толстой, и это мы почувствуем в каждом стихотворении А. Яшина, как и в стихах К. Симонова, С. Щипачева и многих других поэтов в ту пору. Симоновскому «Жди меня» очень близко стихотворение А. Яшина «Назови меня именем светлым...», в котором, по словам А. Абрамова, «отчетливо выступает поэтика русской народной сказки»². Но сказочная поэтика целиком служит выражению актуального на войне нравственного содержания. Заклиная, поэт обращается к подруге, будучи уверен, что «донесется, как песня, с ветром, до окопов голос любви». В любви находит он животворящую силу:

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
оживу.

Очень показательны записи А. Яшина в дневнике, отражающие его нравственные искания и находки, которые непосредственно сказываются и в стихах. Так, 10 ноября 1941 года поэт записывает: «Настоящая любовь, к которой приходят, как я убедился, только на войне, в жестоких боях, когда каждый человек в любую минуту может быть убитым. Многое мы раньше не понимали и не умели ценить, часто мелочи заслоняли от нас главное, и это главное сейчас стало для всех до слез родным, близким, за что радостно идти в бой и не жалко отдать жизни своей».

Отзвук, поэтическое развитие этих раздумий заметны во многих стихах Яшина. В тот же день появляется набросок стихотворения: «...Все наши ссоры, недомолвки и обиды сейчас мне кажутся такими маленькими. Все думается, как мы могли так не дорожить жизнью друг с другом, собою, временем своим, своим счастьем». А в 1942 году складывается и стихотворение, реализующее этот замысел А. Яшина:

Нынче наши нелады
И не вспоминаются.
Пред лицом большой беды
Мелочи стираются.
(Наши нелады)

Развивая тему в обобщающем плане, поэт завершает стихотворение обращением к любимой:

¹ Толстой А. Н. Полн. собр. соч., т. 14. М., Гослитиздат, 1950, с. 111.

² Абрамов А. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. М., «Сов. писатель», 1975, с. 94.

В блиндаже, в чужой избе
Иль под хвойным пологом
Вспоминаю о тебе:
Все в тебе мне дорого,
Все любимые черты,
Странности и слабости...

И пусть «весь свет в дыму, вся земля в огне» («Дым, дым окрест...»), но и «здесь на войне», скажет поэт, «ярче всех огней мне сияешь ты». Образ любимой олицетворяет для поэта родину: «Ты и Россия для меня одно» — вот это и оказывается в конечном счете определяющим («Хмелит на бражный полдень, не вино...»). Поэт не утратил на фронте дорогих ему жизненных связей, которые стали источником его нравственной стойкости.

Об этом же говорит и целый ряд фронтовых стихотворений Александра Яшина, в которых мы чувствуем его крестьянскую родословную. Именно в них ощущимее всего собственно яшинский голос, а вместе с тем поэт прикоснулся здесь к важнейшей теме, которая прозвучала, например, и в стихотворении К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Однако то, что для Симонова стало открытием на фронтовых дорогах, было судьбой и биографией Яшина, потому и нашло отражение даже в его поэтике.

Вот характерное стихотворение — «Поле». Эпиграф из Пушкина «О поле, поле!» (помните, дальше: «кто тебя усекл мертвыми kostями?») — настраивает на восприятие трагической картины этого побоища. И мы наблюдаем такую картину глазами крестьянина, выходца из деревни, которому больно видеть, как «рожь лежит» не ветром сваленная — «танки с глиною смешали рожь». И в обращении «Полюшко родное!..» будто вся жизнь солдата отразилась. И в этом вот сравнении «как трупы, желтые снопы», пусть не очень точном, отсвет крестьянской биографии.

Аналогично воспринимается стихотворение «Не умру», созданное на контрасте картин сельской жизни и бытия на войне. Но самое примечательное стихотворение — «Не разучился ль ходить за плугом?»

Живя на фронте, вдали от родных мест, поэт мечтает снова побывать в родных краях. Непрятательны его желания: «Скоро ли буду в родном лесу, ягод наемся, увижу косого, в старый слопец изловлю лису, туес ершей принесу из ночного?» И как самое сокровенное, даже чуть-чуть тревожное, звучит надежда:

Всех увидать,
Обо всем расспросить,
Полем пройти, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..

Стихотворение «Не разучился ль ходить за плугом?» написано уже в конце Великой Отечественной.

Во многих фронтовых стихах голос Александра Яшина слышится уже таким, каким позже мы узнаем его в книгах 60-х годов, — возмужанию поэта способствовала война, вернее, жизнь на войне в единстве со своим народом.

Демобилизовавшись из армии по инвалидности в мае 1944 года, Александр Яшин вскоре приезжает в родную деревню Блудново. Поэт радуется долгожданному покою, ходит на рыбалку, лечится. Не забывает он и о делах: выступает перед земляками, хлопочет о пенсии для старушки матери, достает гвозди для своего колхоза «Красный пахарь», работает над книгой стихов «Земляки», которая и вышла в 1946 году.

После суровых фронтовых будней по-новому, свежо открывается родной с детских лет мир, воспринимается с какой-то юношеской восторженностью. Этим чувством определяется и подбор материала, и сказочная окрашенность образов, и сама интонация стихотворений (таковы «Деревня Блудново», «Осень-красавица» и другие). Поэт отмечает и своеобразие жизни после войны («Зеркальце», «Хозяева»).

Книга стихов о родном колхозе («Земляки») вобрала как до-военные вещи Яшина, так и лучшие из фронтовых лирических записей и первые послевоенные. Она разнообразно представляла поэта, и отклики не заставили себя ждать. «Яшина — певца колхоза заменить трудно», — писала В. Инбер, подчеркивая, что его стихи «сильны живым чувством сегодняшнего дня... Колхозная деревня в изображении Яшина не теряет своих глубоких «сказочных» корней. Но эти старинные корни питают дерево современности»¹.

Вера Инбер, как мы видели ранее, хорошо знала и дооценное творчество А. Яшина, в том числе и его поэмы. Они не выходили отдельными изданиями, для большинства остались неизвестными. Для многих книга «Земляки» и явилась открытием Яшина-поэта, которого они узнали только в годы войны и теперь увидели как бы в новом свете. Имя Яшина как «певца колхоза» становится в ряд с именами М. Исаковского и А. Твардовского, он уже широко известен. Поэт участвует в литературных встречах вместе с Н. Асеевым, М. Исаковским, А. Твардовским, К. Симоновым, С. Михалковым, О. Бергольц и другими поэтами. Стихи Яшина звучат по радио, нередко появляются в «Правде».

Например, 5 сентября 1945 года в «Правде» публикуется стихотворение А. Яшина «Год победы», в следующем номере — «Крылатый народ», а 15 сентября — «На осенних дорогах». В этом последнем поэт, показывая возвращение фронтовиков и движение хлебных обозов, в едином образе передает и радость победы и счастье мирного труда.

Едут воины — из Европы,
Из Маньчжурии — по домам.
На порожних мешках сидят,
Зерна свежие пробуют на зуб,
На родные поля глядят —
Сладко сердцу, отрадно глазу.

Пусть обозы скорей идут,
Их не только солдаты ждут.

¹ Инбер В. На верном пути. — «Лит. газ.», 1947, I февр.

Как видим, Александр Яшин, закончив фронтовой путь, возвращается к своей основной теме.

В первые послевоенные годы поэт создает и целый цикл интимной лирики. Это стихи «Если б ты в реку упала...», «Пожелай — и останусь навеки...», «Скрутит тебя любовь...», «Все расскажи», «Я тебя не хочу встречать...», «О дружбе» и другие. В них есть правда сокровенных переживаний и мужская сдержанность в слове, углубление в жизнь души и широта духовного кругозора. Поэт естествен в каждом сердечном движении и ни в чем не допускает фальши.

Искренняя натура поэта, чуткая к жизни чувства, открывается в острой противоречивости. «Я тебя не хочу любить», — резко звучит одна строка, а другая — как мольба: «Если б мне тебя позабыть!» Или: «Вся — сказка ты, вся — песня ты, бесспорно... Но до чего ж мне трудно жить с тобой». Поэт ищет в любви гармонии, ясности, но в чем-то уже пробивается и зрелое сознание того, что гармония и ясность в отношениях двоих легко не даются.

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода! —
Как солнечный свет, как живая вода,
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико —
Размолвки, обиды давили грудь...
Но как это все теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?!

Сказочные мотивы ощущимы во многих стихах А. Яшина о любви. Это прежде всего готовность бороться за свою любовь («К девятнадцатому змею я бы просек пути, даже из рук Кашея смог бы тебя спасти...»). В стихотворении «И что из того, что уходят года...» отражается уже не внешняя событийная колоритность сказки, а — в обобщении — своего рода философия жизни, сказке свойственная. И складывается она на основе личного опыта самого поэта, рождается из постоянства будней.

В последующие годы поэт уже редко пишет и публикует стихи о любви, поскольку тема эта тогда «спросом не пользовалась». В эту пору больше всего забот доставляет А. Яшину работа над поэмами. Уже 12 июня 1945 года поэт отмечает в своем дневнике: «Закончил повесть в стихах «Николай Козлов». И 14 июня: «Написал концовку «Николая Козлова» и в 10 часов утра читал Федяеву А. А. Он считает удачей, только нужно кое-что развернуть...». Однако работа над поэмой затянулась, уточнялся замысел, сменялись заглавия: «Возвращение», «После войны», потом уже — «Алена Фомина»...

Раньше появилась другая поэма — «Сон Макара», опубликованная в 1948 году в журнале «Октябрь» и тематически примыкающая к довоенным колхозным поэмам А. Яшина.

В муках, в борьбе противоречий родился колхозный строй. Родился, однако это вовсе не значило, что каждый так сразу и освоил социалистическое сознание: путь его утверждения труден и долг. Поэма Яшина «Сон Макара» как раз об этом. Уже в экспозиции

намечаются два контрастных — как и в предшествующих поэмах — характера: немолодой мужик Макар и его сноха Настя. В колхоз когда-то пришел Макар добровольно, однако от прежних привычек отрешиться не успел, хотя и против нового ничего не имеет. «Хлеб растет, скота немало, новый двор сооружен» — все вроде бы ладно и рваться вперед незачем. «Для него в крестьянском деле разумение одно: почему живет в артели? Потому, что выгодно!» — отмечает А. Яшин. Одно желание владеет стариком — после бедствий войны «накопить муку в подвале, чтоб под самый потолок». Жизненный опыт и традиционная осторожность определяют позицию Макара.

Не такова Настена, которая «на диво нерадива к пользе дома своего», но в колхозе чувствует себя по-хозяйски: «до всего ей дело есть, обо всем — свое сужденье». И хочется ей движения вперед, и, конечно, инертность свекра ее раздражает. «Я б таких не допускала к коммунизму на сто верст!» — в запальчивости заявляет она Макару. И обиделся старый, и не пошел на работу, а лег, забывши тяжелым сном...

А сон возвращает Макара в дооктябрьскую деревню — условным приемом А. Яшин решает тему в прямой противоположности А. Твардовскому (*«Страна Муравия»*). Если Никита Моргунок в начале 30-х годов должен был увидеть образцовую артель — образ будущего, чтоб узнать в ней свою страну Муравию, то Макару возвращение вспять помогает оценить достигнутое уже в настоящем. По-разному использованный условный прием и у А. Твардовского и у А. Яшина преследует одинаковые цели.

...Видит себя Макар в избе, ищет и не находит выключателя — светец горит, лучина. А тут корову медведь задрал; надеется Макар на правление колхоза, на сельсовет, а нет их. Смех и недоумение вызывает у него мужик в лаптях, за сохой... Все еще не верит такой реальности Макар, а жene представляется — с горя свихнулся. И лечат Макара по старинке — в печи парят, с наговором.

А вот Макар и сам на борозде за сохой, да на межу наехал и с соседом разодрался... Вот идет к кулаку-соседу, и тот готов «прийти на помощь»... Живо и динамично развертываются картины былого, и не может принять Макар некогда привычной жизни, и возмущением взрывается старик:

— Иль не в своей стране-отчине я,
Порядков не знаю,
Или не видел лучшей жизни я,
Что все терплю-принимаю?!

Словно свет в душе вспыхнул — вдруг проснулся Макар с облегчением, с прояснившимся сознанием. В тот же день в правлении речь зашла, дожинать ли поля, — ведь престольный праздник подошел. «Подождать престольный должен три или четыре дня», — выносит Макар свое суждение. И даже излишки заработанного зерна, оставив намерение копить, решил он свезти государству. «Видно, добрый сон приснился», — удивлялась сноха. А Макар, как и она, теперь любой непорядок заметит, и до всего ему дело стало.

«В интересной по замыслу поэме Александра Яшина заложена благотворная цель: показать пропасть, разделяющую дореволюцион-

ную русскую деревню и современное село, — писал Сергей Наровчатов, в то же время упрекая поэта: — Не смог бы наш человек без активного протesta и борьбы принять снова то, перед чем капитулирует Макар¹. Оценка С. Наровчатого любопытна тем, что вторым утверждением снимается первое: взбунтуйся Макар, возвращенный в старую деревню, и условный прием утратит силу — поэма станет совсем другой и «пропасть» не покажет...

Просчет А. Яшина, думается, в ином. Он интересно и сочно описывает прошлое — образ старой деревни красноречив. Так, поэт пишет, нагнетая эпитеты в развернутом сравнении: «А полосынька узка, словно тонкая, истлевшая, гробовая — почерневшая, полу-сгнившая доска». Это сильно сказано о крестьянском наделе, и таких строк немало. Правда, поэт порою многословен, иногда небрежен в языке. Однако заметим, что и достоинства служат лишь утверждением заданного тезиса, за которым утратилось ощущение реальной жизни — вот в чем беда...

Первые послевоенные годы. Теперь-то многие из нас их представляют, припомнив романы Ф. Абрамова или повесть В. Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы». Деревня бедствовала. В это время и создавалась поэма, и что же: хлеба излишки, скот упитанный, везде электричество — и все счастливы. Стоит лишь обратить внимание, как отмечается праздник последнего снопа: «...одетые с иголочки, серпами стар и млад последние метелочки срезают нарасхват», а так-то «все убрано машинами!» В таком же роде поэт и концовку дает: «А кто в соревновании победу одержал, тот о геройском звании, об ордене мечтал». До этого ли им, колхозникам, было в ту пору...

Надо признать, что тенденции «облегченного» отражения действительности как в творчестве Александра Яшина, так и в произведениях других советских поэтов тех лет наметилась гораздо раньше, и очевиднее она заметна в работах эпического характера. Еще в конце 30-х годов пишет А. Яшин очерки в стихах «Евдокия Петровна» (1937) и «Слово охотника» (1939), в них-то, наряду с реальными сторонами действительности, и отразились настроения парадности. Больнее всего они сказалось как раз в поэме «Алена Фомина».

Уже в 1947 году поэма (вариант «После войны») обсуждалась на заседании поэтической секции Союза писателей, вызвала ряд замечаний, но была принята более чем благожелательно. Так, Павел Антокольский считал, что «вся вещь должна быть доведена до наиболее удачных ее частей, где поэт достигает почти виртуозного владения стихом»². К этому времени уже появилась в печати поэма А. Недогонова «Флаг над сельсоветом», близкая яшинской по теме, и Александр Яшин счел себя обязанным найти новый поворот сюжета. На первый план выходит образ Алены Фоминой. Работа продолжалась, время шло, а в литературе все увереннее заявляли себя настроения бесконфликтности, во многом определяя требования к автору со стороны редакторов, критиков да и самого себя, наконец. Общественные настроения создаются не в одиночку, а коллективными усилиями. В ряду многих и многих был А. Яшин,

¹ Наровчатов С. Дурной сон. — «Комс. правда», 1948, 25 сент.

² Шубин П. Повесть в стихах о советской деревне. «Лит. газ.», 1947, 19 нояб.

и ошибки его имели не столько индивидуальный, сколько общий характер.

Схематичны и иллюстративны поэмы Н. Грибачева «Колхоз «Большевик» (1947) и В. Замятин «Зеленый заслон» (1950) — проблеме реальной жизни в них едва угадываются. Ближе к жизни поэмы А. Недогонова «Флаг над сельсоветом» (1947) и В. Замятин «Солдаты дома» (1947). Эти произведения о вчерашних воинах, вернувшихся к мирному труду, содержат немало свежих наблюдений. Счастье мирного труда определяет их оптимистический пафос, отсюда, например, у А. Недогонова ощущение яркого праздника. Жизнь без войны представляется не как отдых без конца, но как трудовой фронт:

Из одного металла льют
Медаль за бой,
Медаль за труд...

Оба поэта — и Недогонов, и Замятин — не избежали, однако, идилличности. То же самое происходит и с А. Яшиным, хотя он в поэме «Алена Фомина» отразил некоторые стороны действительной жизни и противоречия первых послевоенных лет.

...Возвращается с фронта бывший председатель колхоза Николай Козлов. Надеется он, что «здесь тишь да благодать», что он, заслуженный, вправе рассчитывать на особый почет и уж, разумеется, на прежнее, председательское кресло. Только в деревне за годы войны многое переменилось: женщины почувствовали себя хозяевами, успешно руководят артелью Алена Фомина, даже подростки видят себя равноправными среди тружеников.

Черты биографии и характера Алены Фоминой А. Яшин показывает убедительно. Заслуженно пользуется она уважением за сметливость и требовательность. Верно показывает поэт трудности адаптации бывших фронтовиков в новых для них условиях мирной жизни. Но по мере работы над поэмой реальные противоречия колхозной деревни все более отступали в тень, а на первый план выходили иллюстративные, описательные главы, в которых господствовала риторика.

Вот в чем, например, видит А. Яшин хозяйские способности Фоминой: она то пустошь намеревается распахать, то клубнику выращивать или карпов разводить... А ведь тракторов пока не прибавилось. И куда же клубнику возить продавать?.. Сейчас наивность хозяйственных намерений Фоминой очевидна, тогда они ни у кого не вызвали ни малейшего сомнения.

Показательно обсуждение рукописи поэмы с главным редактором «Нового мира» 1 и 15 сентября 1949 года. Скажем, были у Яшина строки о том, как во время войны женщины на себе пахали. По поводу их следует замечание: «...надо ли сейчас об этом писать, — я не убежден. Это надо снять. Это могут использовать против нас». Или: говоря об отдаленности района, Яшин написал строки: «Сто проселочных дорог, ни одной железной», — и тут возникает сомнение: «Это надо как-то иначе сказать. Надо сделать так, что это не вековечная категория. — Пока нет»¹.

Сам поэт, видимо, был в некоторой растерянности. То он в досаде оставил на полях черновика сердитое попутное замечание:

¹ ГБЛ. ф. 647, к. 3, л. 47, 33.

«Ох, и глуп же этот мой гражданский пафос»¹, то с жаром возьмется «дорабатывать». Во всяком случае, сказать, что он творил, не ведая сомнений, нельзя. Наверное, ушли сомнения с публикацией поэмы и появлением многочисленных, большей частью восторженных откликов в критике.

Разумеется, и в ту пору появлялось немало интересных, отмеченных живой мыслью произведений, скажем, поэма «Дом у дороги» А. Твардовского и «Хозяйка» М. Дудина, пусть и неравнозначные по своим масштабам, стихи Н. Заболоцкого, С. Наровчатова, М. Луконина и других поэтов. Однако попытки писать произведения, решая в них «конфликт между хорошим и отличным», нанесли нашей литературе серьезный ущерб. Первые отрезвляющие мысли по этому поводу появились в «Правде» еще в 1952 году. И Яшину пришлось очень серьезно подумать о своем творческом пути.

«Первое послевоенное десятилетие не было самым удачным, самым благоприятным в творческом развитии Яшина, — писал позже Ал. Михайлов. — Внешне как раз все обстояло хорошо: поэт много писал и издавал, критика благоволила к нему... Но жизненные противоречия, столь резко обозначенные в военной лирике, словно бы потеряли очертания»². Заметим, однако, что к концу этого десятилетия, в 1953—1954 годах в сознании А. Яшина и проходит та огромная внутренняя работа, которая подготовила новый, самый значительный этап в творчестве писателя. Хотя, разумеется, что, едва начавшись, переоценка ценностей не могла сразу же и во всем отразиться на его собственно поэтической работе — инерция старых представлений давала себя знать еще довольно долго.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

1

Не без оснований писал однажды Александр Яшин: «Страну свою я искалесил вдоль и поперек». И чаще всего он ездит в первой половине пятидесятых годов, видимо, все острее чувствуя ветер надвигающихся перемен. Он желает все видеть своими глазами и при этом неустанно размышляет о месте поэта в жизни, о его общественной роли. Подспудная работа мысли отражается и в стихах А. Яшина, таких как «На взморье» (1953—1954), «Товарищам по оружию» (1953—1956). Созерцательную пассивность резко отрицает поэт и настойчиво утверждает необходимость видеть подлинное, неприглаженное обличье жизни.

Вот набросал А. Яшин динамичную картину взбушевавшегося прибоя в неповторимой переменчивости красок, в беспредельной мощи, перед которой, кажется, бессильны средства искусства.

— Зачем не поэт я? — сказал художник.
— Владеть бы мне кистью! — вздохнул поэт...

¹ ГБЛ. ф. 647, к. 24, л. 11.

² Михайлов А.л. Живут на Руси поэты. М., «Современник», 1973, с. 114.

Нет, не созерцателям подвластна могучая стихия, а тем, кто деятелен, — им и откроется красота.

Одни рыбаки следили сурово
За гребнем на каждой крутой волне:
Им утром идти за новым уловом,
Любить красоту не с суши,
А снова
Остаться с нею наедине.

Истинная красота только там, где живая стихия природы, а «что за лес, если в нем не страшно, ни волков, ни медведей нет!» Парк, расчерченный по линейке, «вдоль опушки травы немножко», «павильончики да беседки» — разве это природа? Ведь «здесь и птицы живут, как в клетке!» Неожиданным сравнением поэт выходит на второй план: «прикатанная дорожка, как стихи моего дружка», — саркастически замечает он. Такой ли, приглаженной и бескровной, должна действительность открываться поэту? Нет и нет... «Если в лес не ходить из дома, душу где свою отводить?» — задается вопросом А. Яшин и с убежденностью отвечает:

Ведь не в парках же нам, поэтам,
Не в беседках век вековать!
Хоть не часто, должны и в этом,
В настоящем бору бывать.

Поэт обязан знать истинный облик жизни — таков в общем виде смысл этих стихов.

Припомним, несколько раньше побывал А. Яшин на строительстве Волго-Донского канала, жил там долго, над стихами работал мучительно, трудно. Это чаще всего стихотворный портрет-очерк («Поля Батракова», «Учетчица на льду», «Романтик», «В гостях у сына») или хроника, репортаж («Взрыв», «Шлюз открыт»). В стихах со стройки немало свежих наблюдений, и они доброжелательно, хотя и не безоговорочно, были приняты критикой.

«Вниманием к своим современникам, стремлением увидеть их в лицо, заглянуть в их душу»¹, по словам В. Куриленкова, стихи А. Яшина о людях, преобразующих природу, выделяются среди стихов Е. Долматовского, Б. Кежуна, М. Львова. Соглашаясь с ним, Б. Соловьев вместе с тем замечает, что «упрощенно изображаются командиры этой армии»².

А в том ли дело, рядовые или командиры...

Стихи А. Яшина со стройки — это стихи про... каменщика, плотника, лоцмана... Сквозной принцип в них — прозанческий, а точнее — описательный. Самозадание воспеть героев стройки во что бы то ни стало ведет к иллюстративности. Понятно, что бледные поэтические искры высекаются, да и то лишь изредка. А ведь экзамен на право зваться поэтом Яшин сдавал не раз. И все-таки:

¹ Куриленков В. Полнее и глубже отображать нашу жизнь. — «Известия», 1952, 22 февр.

² Соловьев Б. Советский человек. — «Комс. правда», 1952, 6 февр.

С грохотом подходят самосвалы.
Как не рухнет под такими лед?!
Только ведь водители — бывалый,
Смелый и выносливый народ.

(1951).

Чувствовал он непоэтичность этих строк, пробовал иной вариант — и что же:

Трудно шоферам на гидрострое —
Вдруг осядет под машиной лед!
Вот они действительно герои,
Дружный и выносливый народ!

Общие слова, слова без духовной содержательности, риторика. А вот другое стихотворение — «Извечное» (1952). Как будто иной человек писал! Камерное по звучанию, но чистое, ясное в каждом своем звуке, эмоционально напряженное стихотворение открывает душевную жизнь человека во всей ее сложной противоречивости. Двое: он и она. Он представлен длинной взволнованной речью против ревности («радость не в радость, коль веры нет...»). Он, кажется, получает даже («надо, чтоб на сердце был покой...»)... И вдруг:

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

Заключительными строчками «все возвращается на круги своя»: в переживаниях не может быть застоя. Стихотворение завершено композиционно, в живой плоти схвачен образ чувства, в его подвижности и противоречивости, в неожиданных взаимопереходах.

Голос поэта «ломается», а юношеский возраст давно прошел — и тем труднеедалась эта «ломка».

Сейчас трудно еще говорить, что явилось для Александра Яшина первым толчком на пути осознания реальной сложности жизни. Может быть, собственная неудовлетворенность написанным, которая, что ни говори, давала себя знать довольно часто; может быть, статьи в «Правде», направленные против «приглаживания» жизненных конфликтов в искусстве или какие-то собственные выводы о явлениях действительности и развитии литературы — скорее всего, сказалось разом многое. И жажда разобраться во всем самому снова позвала поэта в дорогу.

С весны до конца августа 1954 года Александр Яшин жил на Алтае, куда приехал он вместе с Галиной Николаевой, Михаилом Бубеновым, Анатолием Злобыним. Из Барнаула разъехались они по разным районам: Яшин отправился в Гилевский, потом в Благовещенский и Троицкий. Поэт встречается с разными людьми, много ездит по бригадам, и не праздным наблюдателем — он сам садится за трактор.

Впрочем, вот некоторые записи из дневника.

«4 мая. Утром был в мастерских МТС. Днем — в бригадах в степи с парторгом Михалевым. Каждая туча со своим ветром ходит — на нас в пути налетел град, потом ливень; холодно, много еще снегу в степи и в колках».

«15 мая. Вечером я работал на тракторе «ДТ-54» на культивации. Сделал круг — всего около 5,5 км. Значит, я закультивировал 13 гектаров. Вернулся пыльный, довольный уже ночью к 11.30, и здесь — концерт завьяловского дома культуры»¹.

Таких записей много. Вскоре появляются и стихи, навеянные алтайскими впечатлениями. Не увлекаясь описаниями, поэт стремится передать свои настроения. В каждой детали чувствуется доподлинное знание того, как живут и трудятся новоселы в степи, каких усилий стоит им урожай. Знакомо поэту все, вплоть до капризов погоды, и непостоянство алтайской весны покажет Яшин в нескольких словах.

Прогноза верного
на сутки —
И то не дашь,
У всех просчет:
Поналетели с юга утки,
А в камышах озерных лед.

Поэт, уроженец лесных таежных краев, не только привык к новым для него местам, он испытывает отраду, когда видит, что «в сырой ложбинке иль на припеке близ реки стоят березки и осинки среди хлебов, как островки» («Березовые колки»). И во всем чувствуется надежда хлебороба, вложившего вместе с другими людьми свой труд в эту землю:

Еще посевы не взошли,
Еще трава не зелнеет,
А кажется, что от земли
Уже пшеницей свежей веет.
(«Снег наконец сошел на нет...»)

В тех местах, где работал Яшин, «где его каждый помнил», вскоре побывала группа писателей, в числе которых был поэт Василий Субботин, хорошо знавший Яшина. Со слов тех людей, с кем вместе работал Яшин, Субботин пишет: «Работник он был упорный... Вместе со всеми он, мучимый язвой, выгонял гектары, спал в борозде. Было тяжело, но не уезжать же ему в самый разгар всего, не бросать товарищей. Лето уже подходило к концу, уже даже зябь вспахали, а он все работал, наравне со всеми поднимаясь до света»².

При этом А. Яшин объездил весь край, всюду тянула его неуемная страсть все узнать, все увидеть своими глазами. Между посевной и уборкой А. Яшин ездил в Горный Алтай, по Чуйскому тракту до Кош-Агача, потом через перевал на Телецкое озеро, а оттуда лодкой по реке Бие — в Бийск и снова в Барнаул. Побывал поэт на Змеиногородском руднике и Золотухинской обогатительной фабрике, спускался в шахту...

И снова — по бригадам в степи...

¹ Из Алтайских дневников Александра Яшина. — «Лит. Россия», 1974, 15 марта.

² Субботин В. Силуэты. М., «Сов. писатель», 1973, с. 106.

Поездка дала ему чрезвычайно много. Не только стихи и материал для повести «Стечение обстоятельств» (в основном написанной уже через год, но так и оставшейся незавершенной) — главное, что вынес поэт, это сознание необходимости своей работы, живущие впечатления от встреч с людьми. Их он не раз припомнит вскоре...

2

С Алтая Александр Яшин вернулся в горячую пору — полным ходом шла подготовка ко второму Всесоюзному съезду советских писателей. Переполненный впечатлениями, многое передумавший, поэт с жаром включается в предсъездовские дискуссии. В его выступлениях той поры складывается целая система представлений о минувшем периоде развития литературы, и о роли писателя в жизни общества, и о перспективах литературной жизни в будущем. В них не только содержится трезвая, самокритичная оценка собственной работы, но и отчетливо прослеживается выработка партийной позиции писателя-коммуниста Александра Яшина.

В поиски более точных жизненных и художественных критериев А. Яшин пустился не один. Памятна острые дискуссии той поры о лирической поэзии. В статьях Владимира Луговского, Ольги Бергольц, Владимира Орлова и других писателей выражались жажда самобытности, искренности в творчестве, высокие представления о роли поэта в жизни. Владимир Луговской мечтал тогда о поэзии «мудрой, помогающей жить, делающей человека лучше, счастливее»¹. Созвучен с ним и Александр Яшин. «Настоящим поэтом, при всех прочих данных, — писал он, — становится лишь тот, кто не сочиняет стихи, а живет в них, кто избрал их как форму своей активной общественной жизнедеятельности»².

Особенно важным в этих условиях оказалось то, что зашел серьезный разговор и о традициях, уточняющий крайние точки зрения и предостерегающий от нигилизма. «Традиция, если она освоена не эпигонски, а творчески, художественно самобытно, — писал Владимир Орлов, — никогда не помешает новаторским иска-ниям художника, но, напротив, поможет наиболее успешному решению творческой задачи. Забвение же традиции, пренебрежение ею приводит на практике к обеднению творчества, к «однообразному пейзажу» в поэзии»³. Критик ставит проблему в общем виде, а поэт Яшин размышляет об одном из аспектов ее, когда замечает, что «слишком беспечны мы в отношении сохранения русского национального духа в современной советской поэзии». Для него проблема народности — в связи с собственной творческой практикой — особо важна, и он считает нужным пояснить:

«Речь идет не о внешнем колорите, не о сарафанах, тальяниках и прочих архаических побрякушках псевдонародности. Передовая русская литература и поэзия отличалась широтой социальных тем, умением поднимать самые волнующие вопросы современности. Это и определило своеобразие формы русского стиха. Отказ от вековых

¹ Луговской В. Раздумье о поэзии. — «Лит. газ.», 1954, 16 нояб.

² Яшин А. Жизнь требует. — «Лит. газ.», 1954, 13 нояб.

³ Орлов В. Большие традиции. — «Лит. газ.», 1954, 27 нояб.

традиций русской поэзии, пренебрежение широтой ее души, отказ от понимания и усвоения специфики русской речи, богатой образным строем, не сделают поэта народным¹. В чем-то эти представления в недалеком будущем изменятся, но тогда поэт говорил о главном, о самом волнующем — о современности поэзии.

В статье «Разговор перед съездом» А. Яшин осмысливает потери, просчеты нашей литературы в послевоенные годы. «Война закончилась великим праздником, — писал он. — И печать праздника надолго легла на наши стихи.

Начался новый этап в жизни советских людей, требовавший нового трудового напряжения всех сил, появились новые трудности и испытания. А поэзия не перестроилась, атмосфера праздничности затянулась. А жизнь оказалась шире наших стихов. Во многих из них появились элементы лакировки действительности, ненужного хвастовства, праздничных преувеличений, риторики. Нам казалось, что мы глядим в будущее, заботясь об исключительно хороших концовках, о ситуациях исключительного благоденствия. Приукрашивая же явления действительности, можно только обеднить ее».

Давая в этой статье своего рода отчет об алтайской командировке, поэт призывает писателей «жить той же жизнью, что и герои наши, и так же активно, как они». Яшину приятно, что люди смотрят на поэта «как на газетного корреспондента, на рядового труженика и своего собрата, идут к нему с жалобами, с вопросами, требуют, чтобы он не проходил мимо явных нелепостей и недостатков». И говорит о нелепостях, которые видел: молоко сливают на землю, бидонов не хватает, в ряде степных хозяйств люди живут в землянках — сборные же домики везут в лесные районы и т. д. — говорит, надеясь, что после его слов положение исправят.

Развивая наболевшие мысли в своем выступлении на съезде писателей, А. Яшин обращается к опыту нашей фронтовой поэзии. «Во время войны, — говорил он, — большая и трудная жизнь с ее потом, кровью, слезами — вошла в наши стихи: их принял и полюбил народ. Мы все, бывшие в это время в гуще жизни, в той или иной мере испытали счастье глубокого творческого единения с читателями». Такой контакт, по словам А. Яшина, утратился в первые послевоенные годы. «Давно уже было пора воевать вместе с народом за лучшие условия его жизни, а мы сглаживали противоречия и жизненные конфликты и часто подменяли изображение подлинной жизни и борьбы схоластическими представлениями, какую она должна быть, отрывали мечту от действительности.

Мы сочиняли слова о завтрашнем дне и слабо, плохо воевали за сегодняшний день».

И снова говорит о необходимости прямого вмешательства писателя в жизнь, ссылаясь на факты жизни на Вологодчине. Писатель должен обладать убежденностью, что «в наших советских условиях все, что в той или иной мере мешает людям жить счастливо и работать спокойно, все, что не соответствует нашим понятиям о справедливости, ничем не может быть оправдано». И с глубоким убеждением А. Яшин утверждает: «Необходимо, чтобы партийное, активное отношение к жизни пронизывало всю нашу работу».

В этом убеждении А. Яшин был не одинок — многие делегаты и в их числе такие мастера, как М. Шолохов, Л. Леонов, А. Фадеев, В. Овечкин, выступили за усиление связи литературы с жизнью.

¹ Яшин А. Жизнь требует. — «Лит. газ.», 1954, 13 нояб.

«На развитие нашей литературы, — говорилось в приветствии ЦК КПСС съезду, — отрицательно повлияли проявившиеся в ряде произведений тенденции к некоторому приукрашиванию действительности, к замалчиванию противоречий развития и трудностей роста»; партия призывала писателей «...видеть во всей сложности и полноте подлинную правду жизни»¹.

Оживленно велось обсуждение проблем литературной жизни накануне XX съезда КПСС. Дискуссия не замкнулась на вопросах мастерства, но подняла серьезные нравственно-этические проблемы. У нас «появились и приспособленцы, поэты-чиновники, у которых энергичность и нахрапистость восполнили талант», с негодованием писал А. Яшин; тогда он жил большими перспективами, хотя не обольщал себя и других надеждами на легкую жизнь. «Вероятно, мы будем по-новому писать, — размышлял поэт. — По-новому зазвучит и наша гражданская лирика. Конечно, будет и сопротивление. Кое-кому будет и трудно и невыгодно отказаться от парадности, искать подлинных жизненных конфликтов, углубляться в сложный духовный мир советского человека, ибо для этого потребуется не одна энергичность, но и талант, и размышлении, и настоящее общение с народом»².

Рассчитываясь с прошлым, Яшин думал о будущем вместе с друзьями по творческому цеху. Поначалу еще приходилось встречаться с инерцией, сопротивлением — вот почему был силен накал страсти и реальной оказывалась опасность впасть в крайность.

Вспоминая дискуссию той поры, Владимир Луговской писал, что двадцатый съезд партии «оказал животворящее влияние на всю советскую литературу, а следовательно, в первую очередь на поэзию, так как поэзия быстрее и острее всего реагирует на основные процессы, совершающиеся в обществе»³. И прогнозы Александра Яшина во многом оправдались: вся наша поэзия за два десятилетия прошла большой путь, и сам поэт как бы пережил второе рождение, его творчество предстало свежо и неожиданно.

3

Предсъездовская дискуссия помогла Александру Яшину во многом разобраться, многое понять и выработать свои литературные взгляды. А становление гражданских позиций поэта отражает Лениниану А. Яшина. Заметим, кстати, что большинство стихов о В. И. Ленине написано поэтом в год XX съезда партии.

К образу вождя революции Александр Яшин обращался неоднократно в своем творчестве. Здесь найдено самое существенное для поэта: требовательность к себе, способность самозабвенно отдавать силы для переустройства мира, пока еще «далекого от завершения», страстное желание защитить ленинское наследие от своих и чужих «лжечегиев», для которых важно не столько настоящее дело, сколько велеречивое слово.

¹ Второй Всесоюзный съезд писателей. Стенограф. отчет. 1956, сс. 8—9.

² Яшин А. Что такое структурная почва в поэзии. — «День поэзии». М., 1956, с. 160.

³ Луговской В. Собр. соч. в 3-х т., т. 3. М., «Худож. лит.», 1971, с. 389.

Можно с уверенностью утверждать, что те мысли, выводы, к которым пришел А. Яшин, работая над стихами об Ильиче, своеобразно преломились во всем творчестве поэта. От этих размышлений — страстное утверждение гражданственности, бескомпромиссность, острая публицистичность творчества Александра Яшина, особенно в последние годы.

К такой позиции поэт, однако, пришел не сразу.

Первое стихотворение на ленинскую тему — «Пуговка» (1939). Это сюжетный рассказ, который ведется от лица старушки, припоминающей для внуков дорогие и памятные мелочи о единственной встрече с Ильичем. Поэту удалось проникнуть в переживания женщины, понять ее материнскую заботу о Владимире Ильиче, ее скромность, внимательность к мелочам, присущую рабочему человеку. И стих заиграл, наполнившись большим смыслом.

Здесь ни одна строка не прозвучала фальшиво. Мы за словами работницы легко различаем ее характер, понимаем искренность, может быть, даже наивную непосредственность ее побуждений:

Думаю, вождь, а пуговки нет!..
Я от жакетки своей откусила
И толстой ниткой — на много лет
На Ильичево пальто пришла.

Ей отрадно, что Ленин не заметил такой безделицы. Теперь, спустя годы, она умело признается, что о своем «секрете» даже родным не похвастала. Без громких слов, без деклараций Александру Яшину удалось тогда выразить отношение простого рабочего человека к вождю, я бы даже сказал, что в самом интимном, сокровенном.

Поэт стремился выразить мысли и переживания человека, побывавшего в ленинских местах («В его городе», «Красная площадь»), человека, задумавшегося у портрета вождя («Зимний фотоснимок»), — ведь именно так входит Владимир Ильич в жизнь советских людей. Интересуют Яшина порой самые неприметные события, приоткрывающие существо ленинского образа («У кабинета Ильича»). Из этих стихотворений-раздумий складывается отчетливое представление о том, что образ В. И. Ленина значит для поэта, чем прежде всего ему интересен.

Иного плана стихотворения «С годами», «Глазами Ленина», «Напутствие сыну». Образ Ленина в них — мерило истинности сегодняшних дел, событий, людей. «Стали мы внимательней и строже жизнь сверять с безмерностью мечты» — эта мысль сквозная в стихотворениях Яшина. Мы понимаем тревогу поэта, принимаем его жесткую интонацию, когда он пишет такие строки:

Ненавидя ханжество отроду,
Презирая болтовню и спесь,
Он делил с народом хлеб и воду
И хвалился только тем, что есть...

Понятно, что побудило поэта в 1956 году писать именно так, а не иначе...

Напутствуя сына, которому «начать пришла пора свое второе летоисчисление», поэт ведет суровый и требовательный разговор.

Не на готовое идешь, мой сын:
Иные дни — иные и заботы.
Всем честным людям хватит до седин
И радостей, и горя, и работы...

В словах поэта нет поучительного высокомерия старшего по возрасту. Честный и проникновенный смысл их убеждает, потому что мы верим: его речами и поступками действительно руководит не корысть, а «смелость, самоотреченье и ленинского сердца чистота». Это и побуждает видеть жизнь прямо, как она есть на самом деле, учит готовиться «не к парадам, а к походам». Отсюда — утверждение светлых, чистых идеалов, вера в жизнь.

А повстречаешь, сын мой, на пути
Стяжателей, каких и мы встречали,
Знай — это просто накипь на металле,
Окалина,
Ее должны смести.

Имя Ленина, его образ поддерживали в поэте эту веру:

Пусть мир, что мы творим,
Далек от завершения.
Но мы глазами Ленина
В грядущее глядим...

Александру Яшину дорога чистота имени вождя, потому что в его образе ищет поэт свой идеал: в способности всю жизнь работать «к себе без послабления», «до самозабвения людей, народ любить», Отечеству служить так, чтоб «ни дня без вдохновенья». Ясен, прост и полемически заострен образ вождя революции в этих стихотворениях Александра Яшина. Позиция поэта гражданственна в лучшем понимании этого слова. И, может быть, особенно хорошо то, что такая позиция в стихах и прозе последнего десятилетия, вне зависимости от темы, стала главной, определяющей существо поэзии Александра Яшина.

4

Освобождение от былых, неоправданно оптимистических предубеждений явилось итогом большой внутренней работы А. Яшина, результатом влияния многих факторов и явлений. Разумеется, для формирования гражданской позиции чрезвычайно многое дали А. Яшину по-новому основательные связи с жизнью народа, участие в предъездовских дискуссиях, раздумья в работе над образом вождя революции (замечу, кстати, что красные томики сочинений В. И. Ленина в личной библиотеке Яшина буквально пестрят его пометками). Сказалось и влияние узкой литературной микросреды: среди близких и друзей А. Яшина в эти годы были Михаил Пришвин, Константин Паустовский, Михаил Светлов, а эти люди знали свою меру человеческим и художественным ценностям.

Условия и предпосылки, спору нет, играют значительную роль, но главное, конечно, в личности самого поэта. Сложность и трагичность собственной биографии сделали его душу особенно чут-

кой и внимательной к жизни и людям. При всех своих заблуждениях А. Яшин сохранил цельность своей натуры и завидное постоянство характера. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить хотя бы процесс развития его любовной лирики от начала до конца. Ни в чем другом, как в этой вечной теме поэзии, не отражается так полно и естественно личность самого поэта (впрочем, и характер героя-современника — тоже).

Не случайно в середине 50-х годов А. Яшин неоднократно обращается к проблемам лирического отражения жизни. Выступая на вечере в Политехническом музее в сентябре 1955 года по поводу 60-летия Сергея Есенина, он отметил: «Нам не хватает есенинской взволнованности в стихах, его удивительно любовного отношения к человеку, к природе, ко всему живому на земле». В такой направленности, заметим, сам Яшин подхватывает традицию Есенина, не будучи хоть немного близким ему в поэтике.

В лирических стихах отчетливее всего сказывается становление и развитие личности поэта, если он действительно искренен в каждой строке (а иначе он и не поэт). Надо было уже иметь достаточно широкий взгляд на явления действительности, чтобы оказаться вровень со временем, сразу совершившим огромный шаг. В отличие от многих других писателей, Яшин сам духовно готов был принять наступавшие перемены и честно содействовать им. Он — поэт, и хотя серьезно обдумывал насущные проблемы творческой работы, готовность не сводилась для него к сумме каких-то определенных заповедей.

«Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться»¹, — писал в одном из писем Лев Толстой накануне своего сорокалетия. И Александру Яшину, который бесконечно любил великого правдоискателя, пришлось пройти через сомнения и заблуждения, через ошибки и прозрения. Острая неуспокоенность, пробудившаяся в нем в ту пору, определила по сути весь последний период его жизни и творчества. Если раньше он, как представлялось, не знал неуверенности, то теперь, кажется, сомнения его не оставляют.

Не слабым слыву,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

К качественному перелому А. Яшин шел сам, медленно и постепенно нащупывая свою дорогу. «Томлюсь, окруженный пустыми вопросами, конечно, проклятыми, конечно, не модными, давно — бородатыми, и все — переходными», — снова пишет он в 1966 году в стихотворении, посвященном К. Г. Паустовскому. Пишет с какой-то иронией к себе, но глубоко серьезно: в его душе постоянно шла основательная внутренняя работа. Она не мешала ему, однако, быть внимательным к другим людям, и они тянулись к поэту, как на огонек. Вспоминая недавнее прошлое, дочь Александра Яковлевича пишет:

«...Я думаю, как отец всегда умел находить общий язык и с лесорубами, и с академиками? Как он, попадая даже в незнакомую

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 54. М., 1935, с. 74

компанию, незаметно становился тамадой, и все слушали его с не-поддельным вниманием, интересом. Диапазон общения. Удивительно умел найти какую-то необыкновенную значительность в ничего не значащем случае. Умел почувствовать настроение людей, рассказать обыкновенное так, что все увлеченно слушали его»¹.

Как создается, как воспитывается склад восприятия человека, открытого другим людям? Академик А. А. Ухтомский, физиолог, писал: «...он создается большим, чисто физическим насилием над собою, готовность ломать себя без жалости; затем преданием от других, прежде всего от простого народа; наконец, детским отношением к миру как близкому, интимно-любимому, уважаемому собеседнику и другу»; такой тип восприятия «удерживается лишь большим трудом, самодисциплиной, осторожным охранением совести», но и ценен — «люди льнут», так как он «оказывается необычайно чутким и отзывчивым к жизни других людей»².

Как-то удивительно точно эти, в известной мере общие, рассуждения отражают натуру Александра Яшина. Да, стереотип личности общественной, открытой был в нем заложен с детства, закреплен всем укладом жизни «на миру» еще в родной семье. Но, как часто бывает с деревенскими людьми, оставляющими родное без большого еще жизненного опыта, внешний успех «на городах» они оценивают как духовный рост, а их здоровая основа начинает глохнуть. Годы и жизненные потрясения, которых немало выпало на долю Яшина, помогли ему понять свою ошибку. Тогда-то и произошла переоценка ценностей, и в ломке их складывался тот поэтический характер, который открывает лирическая поэзия позднего Яшина.

Думается, по-особому важной для формирования духовного облика Яшина оказалась близость с М. М. Пришвиным (в лице которого, кстати, и А. Ухтомский находит себе единомышленника, — и опыт этих двух, кажется, столь разных людей во многом помогает лучше понять своеобразие личности и творчества А. Яшина). Большой жизнерадостный, обладающий глубоким душевным опытом, Михаил Пришвин вошел в жизнь Александра Яшина в начале 50-х годов. Цикл коротких рассказов «Вместе с Пришвеним» написан поэтом спустя десятилетие, но он дает ясное представление об их отношениях, которые поначалу были, пожалуй, только внешними. Серьезных творческих перекличек рассказы не обнаруживают, в них скорее отразилась та искренняя житейская симпатия, от зерна которой завязался прочный росточек в душе А. Яшина.

Характерен образ, завершающий эти рассказы-воспоминания: последняя тропинка в жизни Пришвина — в снегу за балконной решеткой на уровне шестого этажа — ширится дорогой «в гущу народную, к тем, кто работает на земле и в лесах, и сказки складывает, и песни поет, и на ком вся земля держится, — к людям, к людям. Бежит и разветвляется на много разных тропинок, таких же бесконечных и не похожих одна на другую».

«И кажется мне, — заключает Александр Яшин, — что по одной из этих тропинок, уже не по пришвинской, а по своей, иду я сам. И может статься, еще не поздно, я расскажу людям обо всем, что увижу и услышу на своей родной стороне...»

¹ Яшина Н. О моем отце. — «Север», 1973, № 4, с. 69.

² Ухтомский А. А. Письма, «Новый мир», 1973, № 1, с. 263.

«Для любого поэта дороги места, где он родился и вырос, будь это дальневосточные сопки с их пышной растительностью или блеклые тундровые пейзажи в районе Архангельска и Северодвинска. Всю свою жизнь он будет воспевать их, и, что бы ни говорили, ни писали об этих местах другие, для поэта они всегда останутся самыми лучшими, самыми примечательными местами на свете. И это естественно: здесь ему посчастливилось родиться, здесь складывалась его судьба».

Так Александр Яшин говорил, выступая в Осетии в 1960 году, и мысли его вынощены, проверены собственной творческой практикой, начиная еще с военной поры. И одиночество душит, и болезни подступают, «когда я к отчemu порогу две весны подряд не загляну», пишет поэт позже в стихотворении «Ностальгия» (1948).

Тянет в край, где я родился,
К детству,
В ягодные мицкие места,
Где тайга с деревней жу соседству
И угар от прелого листа.

И снова па Алтае в 1954 году:

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни...

Возвращение и стало не только возрождением, но и периодом мужественной зрелости, временем больших поэтических открытий, которое осознается А. Яшиным как второе рождение. Это не просто слова, не поэтическая метафора — за ними свежесть и новизна мироощущения, открывающая все, даже издавна знакомое, как бы сызнова, в ином свете, чем раньше. Уже по-новому узнавая привычное («Дом отцовский — как он был высок, а теперь смотрю — изба — избою!»), поэт задумывается и о себе: «Отчий дом с годами в землю врос, или вырос я за эти годы?» Да, поэт вырос, но это рост нравственный, вызванный не высокомерием, а чуткостью к жизни народной, к народному мироощущению.

К миру, от рождения близкому, родному поэт идет уже не с чужими мерками, а с собственными. Уважая самоценный мир своей личности, цепя его как непременное условие поэтического, вообще художественного творчества, поэт смог и подняться над неизбежной для каждого ограниченностью. В стихотворении «Только на Родине» усиленные местоимения и выражают подобную ограниченность: «Да, только здесь, на севере моем, такие дали и такие зори...»; и уж, конечно, «нет нигде людей такой души и прямоты, и силы...». Поэт откровенен — это его умонастроение и душевное чувство, оно ему дорого, он верит в его истинность. Однако остановившись он именно тут, мы бы говорили о провинциальной ограниченности, и только. Однако Яшин видит не только себя, но и других людей, а внимание к миру своей души помогает ему понять ближнего верно и создать глубокое по мысли и чувству стихотворение.

ние, найдя точную концовку. В ней единичное — мир одной души — сливается с общим, при этом не растворяясь, а обретая истинное значение:

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край другой —
На родину мою.

Само по себе возвращение к родным истокам, конечно же, не гарантировало Александру Яшину нового качества творческой работы. Но поэт шел теперь к земле отцов человеком, сызнова многое передумавшим и о своей судьбе, и о жизни своих земляков. Шел, надеясь здесь обрести себе опору и стремясь быть необходимым, полезным своим землякам. Он знал уже свое предназначение в этом мире:

Счастливый дар не на года
Дается
И не в одолженье.
Не для забав и развлеченья,
А навсегда —
Со дня рождения
Для непрестанного труда.

И происходит неповторимое как чудо — приобщение к отчизне, неповторимое как чудо — преображение личности художника, неповторимое как чудо — явление поэзии истинной и совершенной, которой долго суждено волновать беспокойные души людские. А, наверное, сам писатель всей полноты своего огромного счастья испытать так никогда и не смог. Он собирал его по крохам, мучимый сомнениями, никогда не знавший успокоенности, накапливал и в стихах, и в прозе — для нас...

В последние десятилетия своей жизни Александр Яшин особенно часто жил в родных краях. Там, на берегу Юг-реки, вынашивались и писались многие его вещи.

Он вспоминал:

«Как это случилось — я сейчас и сам уже понять не могу. Вдруг представилось, что построить избу в лесу дело не трудное. Изба ведь из лесу, деревянная, а лес — вот он, строевой, сосна к сосне... Только бы колхоз согласился помочь. А как он может не согласиться: колхоз-то ведь «мой». Здесь я родился и вырос, и кроме пользы от меня никому ничего не было. Я не только стихи всю жизнь об этом колхозе пишу, но делал для него кое-что и более серьезное: после войны в Москве через Министерство сельского хозяйства доставал строительные гвозди, которые тогда ценились на вес золота, однажды помог приобрести грузовую машину, а это уже несколько десятков лошадиных сил, а не какие-то там не всем понятные рифмы.

Представилось так же, что изба эта на высоком берегу реки мне совершенно необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так, как никогда и нигде мне еще не писалось. Это будет рабочий домик поэта. Да что поэта — я решил, что именно здесь-то и смогу стать настоящим прозаиком. Давно уже задуман и выно-

шен мною большой роман, — где же его писать, как не на Бобришном угоре, знакомом и родном мне с детства. Даже названия окрестных деревень здесь миль: Липово, Блудново, Сторожевая, Скоково, Осиново. А пожни какие кругом: Лебяжье, Смиряжиха, Бобриха, Вязовики... Герои мои сами будут приходить ко мне на дом, в гости, это мои земляки, сверстники, бывшие однокашники — Горчаковы, Коноплевы, Цыпышевы, Мишеневы, Поповы, Поникаровы, Залесовы...»

От той земли пришел Александр Попов — Яшин в литературу, с нею делил свои последние, не всегда отрадные думы...

6

Теперь писатель открыл себя настоящего и, хотя никогда не порывал с крестьянским корнем, почувствовал его с какой-то особенной значительностью. В рассказе «Угощаю рябиной» по поводу разницы в мирпонимании между собой и детьми он пишет:

«Нет, дело не в возрасте. Дело в том, что я был и остаюсь деревенским, а дети мои городские и что тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них — любимая родина. И еще дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани, — а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поньне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется. Меня касается все, что делается на этой земле, на которой я не одну тропинку босыми пятками выбил; на полях, которые еще плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога».

В эти годы А. Яшин проникается глубочайшим сознанием ответственности писателя перед своей профессией, перед своим народом. Его представления отразились в дневниковых записях и стихах. 25 апреля 1958 года он писал:

«Чем больше всевозможных развлечений и забав, тем меньше сосредоточенности в себе и меньше творческой работы. У меня разболтанность появилась с приобретением «Москвича». Сейчас есть автомобиль, фото- и киноаппараты, телевизор, магнитофон, охота, собака, рыбная ловля и прочие увлечения... И нет писателя».

Работает А. Яшин в свое последнее десятилетие много, напряженно, но со срывами: недели и месяцы плодотворного труда сменяются длительными перерывами, изнурительными сомнениями. Да и просто-напросто создать обстановку, необходимую для творчества, задача не из легких. А кто не мечтает о часах тишины и досуга, «во время которых вокруг тебя устанавливается понемногу ничем не нарушающаяся собственная атмосфера, и в той атмосфере все жизненные явления начинают размещаться так, как они должны быть и суть для тебя...»¹ В домике на Бобришном угоре надеялся Яшин обрести душевное равновесие, без которого нет плодотворной работы.

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти т., т. 17. М., «Худож. лит.», 1965, с. 348.

В дневнике 21 ноября 1959 года он записывает:

«С возрастом к нам приходит потребность большей душевной сосредоточенности, когда для каждого нового стихотворения требуется необходим материал уже многих лет жизни, а не одного-двух дней. Для поэта наступает как бы заново своеобразный переходный возраст со всеми, так называемыми, проклятыми вопросами.

Писать в это время труднее, но радостней. Острее и глубже становятся чувства, любовь к родной земле и родному языку, острее ощущение причастности к жизни и делам своего народа и ответственности за все. Хочется быть предельно правдивым, я бы сказал — совестливее и искреннее перед самим собой и перед людьми, как на исповеди».

Как видим, поиски и сомнения Александра Яшина не оказались напрасными. Они определили его путь, образ жизни, нормы жизненного и творческого поведения.

Позже, 21 июня 1961 года, он писал в дневнике: «Раз поэзия — форма жизнедеятельности, то поэт прежде всего должен быть в своем творчестве самим собой, и это определит его форму, его творческое лицо». К этому времени А. Яшин окончательно сложился, не утратив способности к развитию, как своеобразная личность, как самобытный художник слова. Поэзия для него — не сочинение стихов, напротив — сочинительство вызывает его иронию:

В дни юности ранней
Отдался я слепо
Профессии странной
И даже нелепой.
Смешное влеченье!
И что за мученья —
Писать сочиненья
До отупленья?

Не искусство ради искусства занимает Яшина: «Что — счастье? Что — тленье? В чем жизни значение?» — вот какие вечные проблемы становятся предметом его раздумий, его стихов. Вечные проблемы, которые решаются каждым поколением съзнова и всегда остаются нерешенными, требующими ответов. И можно понять трудное признание поэта:

Нелепо сочинительство, а поэзия для Яшина в зрелости — это сама жизнь, сама правда. «Во всем в жизни, и в особенности в искусстве, — писал Л. Н. Толстой, — нужно только одно отрица-

тельное качество — не лгать»¹. И этот завет великого художника принял А. Яшин по большому счету, сурово оценивая свой жизненный опыт. Определяя самое главное в литературе, он писал:

«Умение войти в атмосферу правды жизни, почувствовать ее в самом начале каждой работы. Об этом особенно должны заботиться те, кто уже не молод и в свое время добросовестно служил ложным литературным схемам. Никогда не следует недооценивать этого нашего заплечного груза. Избавляться от него нелегко.

Атмосфера правды жизни, готовность бесстрашно следовать велениям собственной совести — начало всех начал в нашем деле. Все остальное — производное»². Все строго взведено, продумано в этих словах Яшина, и, думается, справедливо писал Николай Атаров о том, что «к чувству правды у него отношение конкретное: применима ли она к делу, то есть к народной необходимости»³. Правдивость Александра Яшина — равнозначна народности.

*
* *

К своему сорокалетию Александр Яшин был уже сложившимся, опытным поэтом, познавшим успех и славу. Его голос выделялся в нашей советской поэзии, и устойчивой была его репутация певца колхозной деревни. Он был современен, а традиция фольклора, своеобразно преломлявшаяся в стихах и поэмах, придавала им своеобразный колорит. И все-таки, думается, «Алена Фомина» — признанная вершина творчества Яшина — не вывела бы его к будущим читателям. Решающим в творческой судьбе писателя стал перелом в середине 50-х годов, в результате которого А. Яшин по-новому взглянул на явления современной действительности и на роль поэта в обществе.

«В сущности, после каждого более или менее крутого перелома жизни склад дальнейшего восприятия и опыта уже не тот, что был до сих пор»⁴, — писал А. А. Ухтомский. Конечно, характер и склад личности А. Яшина не изменились коренным образом, но получили иную, четко осознанную направленность. От былого, «розового» оптимизма не осталось и следа — пришло трезвое осмысление жизни, ее неоднозначности и противоречивости. Писатель предъявляет к себе максимальные требования, и это отражается в его стихах и прозе.

Лирика А. Яшина полностью избавляется от описательности — в ней остаются лишь настроения, диалектика живого чувства. На первый план выходит напряженная мысль, эмоционально пережитая, остро пульсирующая. Она не нуждается в украшениях, в орнаментальности, и это во многом определяет поэтику зрелой лирики Яшина. Новой поэтике не соответствует жанр поэмы, во всяком случае в том виде, какой имел место у раннего Яшина, — повести в стихах. Функция социального исследования переходит к прозе поэта, аналитичной и детализированной. Поэзия и проза А. Яшина,

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти т., т. 17. М., «Худож. лит.», 1965, с. 444.

² «Литература и язык», анкета. — «Вопросы лит.», 1967, № 6.

³ Атаров Н. Угошаю рябиной... — «Лит. газ.», 1968, 29 мая.

⁴ Ухтомский А. А. Письма, с. 263.

развиваясь параллельно, уточняют, дополняют и углубляют друг друга.

Личность художника оказывается решающим условием на новом этапе творческой работы А. Яшина. Он живо откликается на явления современности, и время, преломившись сквозь призму миропонимания художника, отражается его неповторимыми созданиями.

Александр Яшин долгие годы формировался как поэт, и вдруг в 60-е годы, когда он создал самые сильные лирические циклы, проза в его творчестве заметно потеснила лирику. Так сказать, вес прозы А. Яшина и в его собственном творчестве, и вообще в советской литературе 60-х годов гораздо значительнее, чем это представлялось в критике до сих пор. Тем важнее уже теперь попытаться оценить вклад писателя в развитие русской прозы, направление его художественного поиска и своеобразие его творческой манеры.

Об ученичестве А. Яшина в прозе говорить почти не приходится — до рассказа «Рычаги» нынешний читатель знал его только как поэта. А тут поэт заявил себя зрелым мастером прозы, реалистически жесткой, в чем-то даже сознательно приземленной. В те же годы А. Яшин, видимо, не помышляя о публикации, работал над циклом «Вместе с Пришвирным». В 1962 году появились повесть «Сирота», очерк «Вологодская свадьба» и рассказ «Две берлоги», затем рассказ «Угощаю рябиной» (1965). Уже посмертно опубликованы цикл миниатюр «Сладкий остров», несколько рассказов и поэма «Короткое дыхание».

Над прозой А. Яшин работает систематически с середины пятидесятых годов. Уже в 1955 году им были написаны повести «Стеченье обстоятельств» и «В гостях у сына». В последующие годы возникают новые и новые замыслы, и для каждого из них накапливаются заметки и в дневниках, и на отдельных листках, пишутся заготовки. Периоды активной работы над прозой сменялись временами сомнений и трудных раздумий. Это было неизбежно, потому что шел А. Яшин своим путем, оглядываясь только на русскую классику, особенно на опыт Л. Н. Толстого, которого он читал и перечитывал постоянно.

«Великий Толстой! Тебе молюсь...» — эта фраза, записанная еще в военном дневнике¹, не была случайной обмолвкой. В самом конце жизни А. Яшина мы найдем в его дневнике такую запись (16 апреля 1968 г.): «Молился только на Льва Толстого, и только, пожалуй, на него одного всю жизнь... Кто же и бог, если не Лев Толстой»². Нелегкую школу выбрал себе Александр Яшин, но он многому научился...

Проза А. Яшина продолжала лирику — в повестях и рассказах он брался за то, что невыразимо стихом. Потому-то и жестока его

¹ Яшин А. Дневники. 1941—1945. М., «Сов. Россия», 1977, с. 65.

² «Вологодский комсомолец», 1975, 13 июля.

проза нередко: в «Сироте» и рассказах писатель — строгий аналитик. Но и опыт мастера лирики не прошел даром: во многих вещах А. Яшина в прозе мы услышим голос, знакомый нам по его стихам.

Вот в этих двух направлениях и пойдет речь о прозе Александра Яшина.

ОБЫДЕННОЕ КАК ДРАМА

1

Как прозаик Александр Яшин начинается рассказом «Рычаги» (1956). Это не дебют новичка, а выступление зрелого, опытного писателя, знающего и жизнь и тайны ремесла. Он заговорил о самом повседневном, ординарном и в обыденности увидел глубочайшую драму, — эту серьезность исследования действительности Яшин сохранил до конца. Он не вошел, а вломился в прозу, сразу заставил говорить о себе, никого не оставив равнодушным. Спорили, бывало, о нем и как о поэте: не раз отмечали, что жизнь колхозной деревни он знает доподлинно. Здесь он явился на самом рубеже преобразований в общественной жизни — и это многое предопределило и в оценке рассказа и в дальнейшем пути А. Яшина в литературе.

...Сидят в канторе четыре мужика и толкуют про свои колхозные дела с полной откровенностью и доверием друг к другу. Многое им не по душе в том, как ведется хозяйство и как направляется оно из района, но говорят они о своем, желая лучшего. И вдруг оказалось, в избе есть «лишний» — и все будто онемели, замялись и, продолжая разговор, уже не могли избавиться от скованности. А началось собрание — и заговорили они тем языком, что сами осуждали, явились в своей противоположности, и обрели свои голоса только с концом собрания. Почему?..

Еще сравнительно недавно прозвучали слова о культе личности, о том, что он подавлял инициативу масс и демократизм, о том... Впрочем ныне нам это все общеизвестно и понятно, а тогда еще ничего не устоялось, новые нормы жизненного поведения не отработались, жива еще была инерция старого. Не удивительно, что появление альманаха «Литературная Москва» (1956) было встреченено в штыки, вернее, некоторые вещи в нем, такие, как рассказы Н. Жданова «Поездка на родину» и Ю. Нагибина «Свет в окне», третья часть романа В. Каверина «Открытая книга», поэма П. Севака «Нелегкий разговор», «Заметки писателя» А. Крона, статья И. Эренбурга о поэзии Марины Цветаевой и рассказ А. Яшина в их числе.

Одна за другой появляются резкие критические статьи. Так Ю. Зубков предполагает, что подобные произведения могут кому-то показаться смелыми и правдивыми, а на самом деле в них «советская действительность изображена крайне односторонне и в силу этого неправдиво и уродливо»¹. В этом тезисе выражалось общее мнение критиков, а складывалось оно для каждого из них

¹ Зубков Ю. Пафос жизнеутверждения. — «Знамя», 1957, № 10, с. 216.

по-разному. Скажем, Д. Еремин откровенно выдает схоластическую нормативность своей позиции в оценке стихов Н. Заболоцкого, отмечая в них «тяготение к горестному в жизни, своеобразный сердечный надрыв, желание автора быть печальником, а не певцом своего времени»¹. Тут комментарии излишни, тем более, что стихи Н. Заболоцкого ныне не нуждаются в защите. В других случаях позиции гибче.

«Борясь против упрощений, против формального толкования вопросов взаимоотношений личности и коллектива, авторы иной раз сами допускают упрощения»², — писал Н. Шамота, и эти его слова безусловно справедливы. Короче, в оценках было немало верного, но общий тон критических выступлений явно не отвечал духу перемен. Заметим, далеко не во всем были правы и писатели, попавшие под огонь критики.

Ну а что же рассказ А. Яшина?

«Рычаги» не были случайным эпизодом в творчестве писателя, а явились выражением его поисков в середине 50-х годов, одним из первых результатов переоценки ценностей, «заплечного груза». То же самое имело место в лирике Яшина, скажем, в стихотворении «Показуха» (1956). Иронизируя над тем, как отражается жизнь деревни в искусстве, поэт так заканчивал свое «письмо из родной деревни»:

Вот какая жизнь у нас,
Прямо — слезы из глаз,
Тиши да гладь,
Достигли цели,
Все имеем, что хотели,
Больше не о чем тужить.

Нам бы в этакой артели
Хоть денек пожить!

«Рычаги» как раз и детализировали то, что не высказано в «Показухе», обобщая и подводя к мысли социальной. Рассказ выплынулся с полной откровенностью: прямо и без оглядки все на-болевшее — разом. Не очень заботясь о внешнем эффекте, А. Яшин предельно прост в композиции: три разговора, разные по характеру, сменяют друг друга в силу обычных житейских обстоятельств, — в их контрастности и рождается мысль, а плоть она обретает в реальных деталях, диалогах, характерах персонажей. Простота рассказа идет не от беспомощности и примитива, а от необходимости, скучая точность в отборе деталей свидетельствует о четкой ясности замысла.

...Горит керосиновая лампа в полумгле, стоит горшок для окурков, прикрытый осколком настольного стекла, потрескивает батарейный приемник — передают марши, только их слышно плохо. Говорят мужики «обо всем понемногу и доверительно, как старые добрые товарищи». О чем говорят? О том, что планирование снизу остается пока надеждой, а не реальность еще, говорят об отноше-

¹ Еремин Дм. Заметки о сборнике «Литературная Москва». — «Лит. газ.», 1957, 5 марта.

² Шамота Н. Человек в коллективе. — «Коммунист», 1957, № 5.

ниях районных руководителей с колхозниками... Их видишь при этом, сельских коммунистов, — А. Яшин находит выразительные, отвечающие характерам портретные детали. Вот бородатый животновод Ципышев — борода у него «росла не только на подбородке, но и на щеках и за ушами, сливалась с густыми рыжеватыми бровями, нависала на глаза, и когда Ципышев смеялся — смеялось все его лицо, вся борода, а глаза поблескивали откуда-то из глубины волос». Беспрестанно курит «человек средних лет, но уже с сединой и, по-видимому, не очень здоровый» — это бригадир-полевод Иван Коноплев, «слыт он мужиком справедливым, но злым, говорил едко, но редко». Кладовщик Щукин молод, отметит Яшин, у него «густые, молодые, непокорные волосы», а в одежде — «городская школа»: галстук, расческа с авторучкой в кармашке. Петр Кузьмич — его одного по имени и отчеству называют — однорук; он председатель колхоза.

Рассказывая о посещении секретаря райкома, Петр Кузьмич со-крушаются, что у того «только и заботы, чтобы в сводках все цифры были круглые», и передает его слова: «Вы, — говорит он, — теперь наши рычаги в деревне» и, следовательно, обязаны проводить партийную линию. «Люди для него — только рычаги, — подхватывает Ципышев. — А я так понимаю, что это и есть бюрократизм». Разговор для начала 50-х годов очень актуален — тогда об этом все заговорили. И тут — раз оказался в районе секретарь, который не умеет пусты и горькой, но правдой поднять народ — не могли мужики не говорить об этом.

Ключевыми оказываются слова Коноплева: «Пока нет доверия к самому рядовому мужику в колхозе, не будет и настоящих порядков, еще хлебнем горя немало. И тут у нас появился новый человек. Верно, — появился! Колхоз переделал крестьянина. Верно, — переделал! Мужик уже не тот стал. Хорошо! Так этому мужику доверять надо. У него тоже ум есть». Коноплев совершенно правильно представляет тот курс преобразований общественной жизни, который и взяла партия на XX съезде. Видят мужики и добрые ростки и ссылаются на соседний район, где «у председателей поджишки не дрожат, когда начальство их в район вызывает. Нет этого страха. Секретарь в колхоз приходит запросто, разговаривает с людьми не по бумажке».

Что ж, все верно говорили мужики, и А. Яшин в жизни нашел те приметы нового, благодаря которым новое и могло пойти в жизнь. Но почему же, когда обнаружила себя на печке сторожиха Марфа, «разговор друзей оборвался, словно они почувствовали себя в чем-то друг перед другом виноватыми»? Почему, когда заговорили снова, «это были уже пустые фразы — ни о чем и ни для кого»?.. Заметим, только у Щукина «глаза молодые, озорные, с хитринкой — блестели и смотрели на всех с вызовом»?

Сознают мужики нелепость своих страхов и потому чувствуют неловкость, а быть самими собою уже не могут, тем более на собрании.

Пришла учительница, и Степан Ципышев — он оказался секретарем парторганизации — заговорил с ней «преувеличенно строго». Даже внешность его изменилась (вот роль портрета у Яшина, мастерское его использование). «Голос Ципышева окончательно приобрел твердость и властность... Борода его расправилась, удлинилась, глаза посупровели, в них исчез живой огонек». Марфе говорит он уже тоном приказа: «Ты, Марфа, выйди!..» — и та, недавно

грубо прикрикнувшая на мужиков, безропотно вышла. И не только в Степане перемена...

«Когда за притихшей Марфой тихо закрылась дверь, Ципышев встал и произнес те самые слова, которые в подобных случаях произносил секретарь райкома партии, и даже тем же сухим, строгим и словно бы заговорщическим голосом, каким говорил перед началом собраний секретарь райкома:

— Начнем, товариши! Все в сборе?

Сказал он это и будто щелкнул выключателем какого-то чудо-действенного механизма: все в избе начало преображаться до неузнаваемости — люди, и вещи, и, кажется, даже воздух... Лица у всех стали сосредоточенными, напряженными и скучными, будто люди приготовились к чему-то очень давно знакомому, но все же торжественному и важному. Все земное, естественное исчезло, действие перенеслось в другой мир, в обстановку сложную и не совсем еще привычную и понятную для этих простых, сердечных людей».

Заговорили люди как по-писаному. Председатель Петр Кузьмич — о необходимости снова переделать план: де, «не предусмотрели», «пустили на самотек», а ведь «мы с вами являемся рычагами партии в колхозной деревне — на это нам указали в райкоме и райисполкоме». И снова улыбается Щукин, а едкий Коноплев уже без задней мысли ему поясняет: «Петр Кузьмич сейчас в своей должности. Как в районе, так и у нас». В прениях «расхождений во мнениях не обнаружилось», как не было их и во время той дружеской беседы до начала партийного собрания...

Так что, может быть, в самом деле, Яшин «дал карикатуру на народ, на рядовых членов партии, колхозников»¹, рисует всех их «трусами и приспособленцами, двуликими людьми»².. А стоило, наверное, задуматься: разве Яшин не понимал, как можно истолковать двойственность поведения его героев? Понимал, и объяснения мы найдем в структуре самого рассказа.

«И чего мы боимся, мужики? — раздумчиво и немного грустно произнес вдруг Петр Кузьмич. — Ведь самих себя уже боимся!» Здесь все верно и неизбежно, кроме одного слова: не «уже», а «еще» — не надо забывать, какое время уходило и еще не совсем ушло. Об этом напоминает и Ципышев, одергивая засмеявшегося Щукина: «Молод ты еще, чтобы над этим смеяться! Поживи с наше!..» Новое чуть назревало, и, конечно, мужики, не слишком грамотные, линии своего поведения выработать не успели и не умели. Заметим еще, что и Ципышев — секретарь без опыта и, будучи человеком неискушенным, невольно начал подражать «хозяину района», который в образцы явно не годился.

Так что все и жизненно и художественно обосновано в рассказе А. Яшина, в котором «продумана каждая деталь», по верному замечанию Д. Еремина. И безоговорочные обвинения Яшина в пессимизме были явно несправедливыми. Конечно, в ту пору мало кто представлял пути дальнейшего развития деревни. И в «Рычагах» надежды мужиков покоятся на немногих пока фактах: знают они,

¹ Серебровская Е. Против нигилизма и всеядности. — «Звезда», 1957, № 6, с. 199.

² Зубков Ю. Пафос жизнеутверждения. — «Знамя», 1957, № 10, с. 217.

что в соседнем районе руководство ведется гораздо более разумно; есть и надежда на близкий уже ХХ съезд партии, которого ждут мужики, и, наконец, и в их умах и душах мало-помалу созревает готовность к переменам. А это уже немало, — во всяком случае, увернее, чем Яшин, ни один другой писатель тогда не смог высказаться. Он был первый, вот в чем дело, а первым всегда труднее приходится.

И думается мне, что ясность здесь могут внести слова М. Горького о трудностях работы на материале современности из его письма К. Федину: «Почти все современные молодые писатели и поголовно все критики не могут понять, что ведь писатель-то ныне работает с материалом, который зыблется, изменяется, фантастически соединяя в себе красное с черным и белым. Соединяя не только фантастически, но и неразрывно. И современное искусство слова еще не настолько мощно и всевластно, чтобы преодолеть эту сложность бытия, где правда с неправдою танцуют весьма запутанный и мрачный танец»¹.

Конечно, Яшину далеко не во всем удалось «преодолеть эту сложность бытия». Теперь, спустя годы, о деревне многие пишут, добиваясь гармоничной ясности взгляда на мир. По отадим должное и Александру Яшину: в этом его рассказе — начало трезвого пересмотра отношений писателя к жизни, пусть и с горячей головой.

2

Среди написанных в разные годы прозаических вещей Александра Яшина повесть «Сирота» занимает место особое. Несомненно, это самое значительное его произведение, наиболее полно представившее и понимание писателем жизненных явлений и его незаурядное мастерство в прозе. Опубликованная в 1962 году, повесть А. Яшина резко выделялась среди произведений той поры, особенно о деревне, являя новый подход и к жизни, и к литературе.

Сейчас очевидно, насколько необычна повесть А. Яшина в своем литературном окружении, а тогда это уловили очень немногие. «Хорошая повесть», — с душевным удовлетворением отмечал в письме А. Яшину от 21 июля 1964 года Валентин Овечкин и с подлинно художественной тонкостью мотивировал свою оценку:

«Всех людей написал хорошо. Особенно понравилось мне, что для этой темы ты взял не сынка богатых родителей. Тут нет «дурного влияния» семьи или школы, нет вообще пресловутых «отцов и детей», пошел не по проторенной схеме, а совсем по-другому все повернул. А тема — богатая, много дал читателю для раздумья. И отлично, что не «перевоспитал» ты Павла, и даже не намекнул на возможность перевоспитания, таким его и оставил. И дом он разорил, и бабушка померла, и с Нюркой неизвестно что будет. Конец правильный, и житейски, и литературно. Примирением Шурки с Павлом погубил бы все. Пусть он, гад, Павел этот, так и ходит, как волк на воле, и ничем его не возьмешь, кроме капкана или стихнина...»².

¹ М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Лит. наследство, т. 70. М., АН СССР, 1963, с. 497.

² Овечкин В. Статьи, дневники, письма. М., «Сов. писатель», 1972, с. 355.

Точность прицела — не случайная находка, скажем, сюжетная. Нет, А. Яшин работал над повестью, всесторонне продумывая ее смысл, звучание, структуру, добиваясь многомерности каждой детали, пластичности в любом переходе. Характерен для писателя строжайший отбор материала, и позиция его просматривается в любой клеточке единого организма повести, хотя ни в чем декларативно и не заявлена. Между тем в критике «Сирота» не нашла значительного отклика. Лишь в обобщающих статьях спустя годы ей было воздано должное, да и то — должное ли? Так, скажем, в обстоятельной статье В. Кондратовича¹ очерку «Вологодская сироты» уделено в несколько раз больше места и внимания, нежели «Сироте». Впрочем, много ли, мало ли места уделено — это ведь не самое главное. Порою и толкуется повесть как-то зауженно: жанровые определения имеют ведь все-таки какой-то реальный смысл, точно так же, как и тематические. А что можно прочесть о «Сироте»?

В повести «Сирота» Александра Яшина, по мнению Федора Абрамова, «пожалуй, с наибольшей полнотой развернулся сатирический талант писателя»². Такое несколько неожиданное приобщение Яшина к цеху сатириков уже безоговорочно утверждает и Ф. Кузнецов. «В своей сатирической повести А. Яшин, — пишет он, — до-скончально исследует жизненные обстоятельства вызревания доподлинного, жестокого и бессердечного стяжателя»³. Сводя к обличительству смысл повести А. Яшина, мы невольно приижаем ее социальное значение, а если что и есть в ней от сатиры, кроме немногих внешних элементов, то это правда, правда жизни, которая нередко, если уж очень горька, у нас называется сатирой.

Появляются и иного порядка ограничительные оценки «Сироты». А. Рулева пишет: «Нигде, как в этой повести, Яшин не ставит вопросы, связанные с осознанием перспектив общественного развития в деревне, в зависимости от нравственных устоев людей»⁴. Верно, но только ли в деревне? А не в городе ли подвизается директор ремесленного училища, и что даст городу возросший захребетник Пашута?

Преодолев, а вернее отбросив ограниченность колхозного, производственного романа, Александр Яшин должен был обратиться и обратился к вечно живому опыту русской классики. Особенно близким оказался ему опыт Л. Толстого и А. Чехова, одержимых мыслью о правде и верою в человека. Чутко вняв им, Яшин вполне выразил себя и свои представления, по крайней мере, о некоторых существенных явлениях современности. И написал он не очередную повесть о деревне, — нормативные определения не для него. В «Сироте» нам явлена повесть социально-психологическая, главное в которой — пульс нравственного здоровья современников. Вот почему повесть и не оказалась еще одним из многих ординарных произведений в литературе начала шестидесятых годов.

¹ Кондратович В. Верность жизни, верность себе.— «Наш современник», 1975, № 11.

² Абрамов Ф. Александр Яшин, поэт и прозаик.— «Новый мир», 1973, № 4, с. 252.

³ Кузнецов Ф. За все в ответе. М., «Сов. писатель», 1975, с. 132.

⁴ Рулева А. «Люблю все живое...» — «Звезда», 1973, № 9, с. 210.

«Сирота» во многом предвосхитила и предопределила развитие русской прозы в следующее десятилетие, и это уже само по себе — свидетельство большого успеха писателя. Бесконечного разнообразия бытовых картин нет в повести А. Яшина, но внимательный исторический подход к проблеме быта уже намечен. Язык русской деревни знает писатель и пользуется им уверенно, но лишь в меру необходимости, предпочитая традиционные способы работы над стилем. Определился в «Сироте» даже тип деревенской старухи, подобные которой через несколько лет будут кочевать из книги в книгу, но Яшин, хорошо понимая и уважая ее, не стал дотошно углубляться в характер и, тем более, глядеть на нее со снисходительностью...

В повести А. Яшина мы найдем в зародыше все признаки того направления, что вскоре уверенно заявило себя в прозе. Однако писателем эти признаки заявлены ограниченно — в пределах своей художественной задачи, и повествование он ведет в жестких рамках традиционного жанра повести. Семейная история таково и выглядит, не растворяясь в безграничности «свободного повествования», как позже бывало нередко в так называемой лирической прозе. Поэт Яшин, взявшийся за прозу, принял целиком ее суровые законы и был далек «лирической» необязательности.

Впрочем отсвет лиризма есть в повести А. Яшина: писатель не показывает, а рассказывает, хотя и от третьего лица, дает жизнеописание братьев Мамыкиных. При этом он комментирует, поясняет, размышляет по поводу, всегда с предельной сдержанностью и лаконичностью, лишь иногда — для наглядности — иллюстрирует свой рассказ предметным показом. Писатель не стремится любой отрезок времени равно представить, но последовательен в развитии действия, хотя временные переходы строят свободно: «А в последний год...» — скажет А. Яшин, нередко опуская описания предшествующих лет, и поведет речь о том, что в этот момент ему представляется важным.

Не считая нужным равно показывать каждый период в жизни своих героев, А. Яшин берет не всегда значительные по видимости эпизоды, но всегда важные для него. В отборе материала он заметно идет за Чеховым, который «не ищет событий, он, наоборот, сосредоточен на воспроизведении того, что в быту является самым обыкновенным»¹. Уж куда обыкновеннее: драка Павлушки, открывающая повесть; Шурка и директор школы; Павел «на откорме» — в деревне на каникулах и в доме отдыха; Шурка и лыноводческое звено... В каждом случае А. Яшину важно разглядеть зерно завязывающихся характеров — их логика как раз и есть главное для писателя.

Образы Павла и Шурки развиваются параллельно, но их линии многократно связаны через бабушку Аницию и Нюрку, директора школы Аристарха Николаевича и председателя колхоза Прокофия Кузьмича. Это определяет композиционное единство повести: все силовые линии которой сходятся в finale, казалось бы, неожиданно, поскольку антагонизма между братьями не обнаруживается до конца, но вполне оправданно, с художественно обоснованностью.

¹ Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., «Сов. писатель», 1972, с. 412.

Занятым решением локальной художественной задачи, Александр Яшин нечасто говорит о жизни колхоза «Красный боровик», но в немногословных репликах по поводу или в попутных пояснениях он выходит за пределы семейного повествования: тут граница открыта, воздух пульсирует свободно... Да и какая семья ныне замкнута наглухо от внешнего мира!

...Идет война, и сын Анисьи — отец Павла и Шурки погибает, а вскоре от недоедания и непосильной работы умирает их мать. Казалось бы, не выжить и остальным Мамыкиным, но тут-то им на помощь приходят люди — коллективизм проявляет себя на деле как норма социалистической жизни.

Или вот всего несколько строк: «Озимые вымокли еще осенью. Яровые посевы были слишком рано, задолго до окончания заморозков, — Прокофий Кузьмич очень хотел отчитаться первым, — и проку от яровых тоже не предвиделось. Колхозники могли надеяться только на лен...» Беспристрастно и просто, даже суховато пишет А. Яшин, но в нескольких словах — характер председателя, и течение сельского времени, и благосостояние колхоза отражено — надо ли пояснять, что от посевов урожай зависит... И уже не удивит, когда бабка Анисья, томимая хозяйственными заботами, подумает: «А трудодни тебе двор не перестроят, крышу не закроют...»

В другом случае обмолвится А. Яшин об уполномоченных, о том, как председатель тактику поведения в отношении их отрабатывал, или о том, как приехал в колхоз газетчик из районки и что из этого вышло... Так жизнь маленького семейства оказывается тесно связанный с ежедневными буднями артели и шире, всего района. Да и района ли только? — ведь и Павел ходит уже не по родным деревенским тропинкам.

Казалось бы, длительно ли прошлое братьев Мамыкиных, которые во время войны под стол пешком ходили. Тем не менее А. Яшин находит поводы не только в пространственном объеме жизнь открывать, но и во времени. Ведь быт деревни и до сих пор кое в чем сохраняет устойчивость, в ином же меняется совершенно. Приметы меняющегося бытового уклада насыщают повесть, сообщают ей масштаб, объемность.

Вот Пашка, приехав учиться в семилетку, оглядывается в доме, где ему придется жить. «Изба как изба», — заметит А. Яшин по этому поводу, но тем не менее глазами своего героя покажет ее всю — от входа до красного, сутного угла. А в другом случае писатель расскажет о беседах, которые в ту пору еще не исчезли из обихода, от себя расскажет, обращая внимание на то, как все велось.

С особым удовольствием пишет А. Яшин о том, как еще недавно работали со льном девки и бабы. Упаси бог, писатель вовсе не ратует за восстановление натурального хозяйства — напротив, «каторжная это была работа», заметит он, но при этом видит и другое: «А вот не стало своего льна, и затосковала Анисья по этой каторге». Что-то есть же в этом?..

А вот заходит речь о маеете доярок с пастьбой. «Так велось от века: по утрам подоенных коров выгоняли из оград на улицу, иногда провожали их до околицы, а дальше они шли, позвякивая колокольцами, уже одни, без пастухов, и кормились до вечера, разбившись на небольшие стада». Так было когда-то, а теперь изгороди, опоясывавшие и делившие угодья деревни, разрушались и не ремонтируются, а пастушество еще не привилось...

Так складывается своего рода обмер деревенского мирка со всех сторон, во времени и пространстве, в качественных изменениях.

Жизненность художественного произведения Лев Толстой видел «в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства»¹. И повесть Александра Яшина живет не только линиями сюжетных связей, но и внутренними сцеплениями, ассоциациями, что рождаются из сопоставления бытовых и производственных картин, из сходства и контраста характеров.

Заселена повесть «Сирота», очень небольшая по объему, плотно. Неизменно занимают А. Яшина только Мамыкины, остальные персонажи — второстепенные, может быть, Прокофий Кузьмич да Нюрка Молчунья чаще других заявляют о себе, но отчетливо видится каждый из героев. Отец Васяшки, колхозный активист, который горд тем, что сумел ни за что ни про что в Москве деньги получить. Девушка-возница с ямочкой на подбородке, замученная тяжелой дорогой, залепленная грязью. Рыжий бородатый лесоруб, у которого даже пальцы рук в рыжеватых волосах. Медлительная и уверенная в себе старуха врач в доме отдыха... Их много, и все западают в память той или иной характерной приметой. И все эти второстепенные персонажи, появляясь всякий раз по логике развития сюжета и смены жизненных обстоятельств, помогают высветить подтекст и авторскую позицию за ним. Так, председатель колхоза любит подчеркнуть, что вывел Павла в люди — он сам отвез его учиться в семилетку. Тут заслуга его явно минимая, но свое влияние Прокофий Кузьмич несомненно оказал на Пашуку. Какое? — да он и сам этого не знает, как не сознает, что и Шурка его уроки усвоил, только иначе, чем старший брат. Ведь Шурке и доля в жизни иная выпала — с детских лет работать наравне со взрослыми.

Пути братьев разошлись, и их мирное сосуществование завершилось безобразным скандалом. Финал повести горький и жестокий: развал дома Мамыкиных, смерть бабки Анисьи, которая больше жизни любила внуков...

3

Кто виноват: Шурка ли, как считает Павел, или он сам, большак, на которого все надежды возлагала бабушка?

Недвусмысленно, прямо отвечает вытекает из всей логики художественного развития повести: Павел не погнулся делить отцовский дом с младшим братом и престарелой бабкой и погубил ее нравственной тупостью. Человек, не ведающий, что творит?.. Вряд ли... Александру Яшину «удалось открыть, схватить и запечатлеть тип в полном смысле этого слова, тип довольно распространенный, но литературой ранее не замеченный... — писал А. Макаров. — «Мирские захребетники» прошлого наживались и существовали за счет эксплуатации чужого труда, новые мирские захребетники существуют за счет морального капитала нашего общества, его заботы о человеке, его внимания к человеку»². Как в условиях советского

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 269.

² Макаров А. Писатель и критик. М., «Сов. писатель», 1974, с. 269.

образа жизни мог сформироваться такой тип? Мы найдем у Яшина точнейший ответ на этот вопрос.

...Открывается повесть эпизодом самой обыкновенной ребячей драки. Шестилетний Павел сам задел ребятшек: успел одному нос разбить, другому пинка дать и заревел от страха — и ему попадет. Но появился мужик с грязной бородой, остановил драку: «Не трогайте его ребята: он сирота». А Яшин этот момент подчеркнул особо: «Так в шесть лет Павлик понял, что быть сиротой не так уж плохо. Понял и запомнил».

Отец мальчишки погиб на фронте; от голода и непосильной работы умерла мать. Но сколько людей пережили это же самое, становясь лишь крепче душою и добре, чутче к людям... А первое жизненное открытие Павлика повело его в другую сторону. Что же в тех обстоятельствах сыграло роль? Лишняя чашка молока, выпрошенная в минуту общего горя. Случайное обстоятельство: в начальной школе проявил себя способным к учению только потому, что был на три года старше брата, а учиться начал лишь вместе с ним, что и определило предназначение Павлика — учиться...

Все это сказалось, разумеется, стихийно, однако постепенно закреплялось в сознании маленького Павлушки, подсказывало ему норму поведения. Тут ребенок неподсуден. А. Яшин далек от того, чтобы поставить ему в вину маленькие ребяческие слабости. Писатель исследует, как слабости становятся свойствами зрелого характера, вовсе не слабого.

Как раз школа стала тем переломным моментом, который определил судьбу Павла. В отличие от круглоголового крепыша Шурки, Павлик был высок, худ. «Незаметно сложилось мнение, что Павел создан для ученья, для умственного труда, а Шурка — для земли, для деревни», и в то время как младший остается при бабушке, работать в колхозе, старшего отвозит председатель в семилетку.

Учеба Павлушки не задалась, но это ничего не меняло: дома, в деревне, школьников «никто не спрашивал, какие у них отметки, — достаточно того, что учатся, значит, не зря хлеб едят, выйдут в люди и не станут носом землю рыть». Пашке и в голову не приходило, что он, второгодник, такого уважения не заслужил, да и как бы он мог понять это?

Прокофий Кузьмич, председатель колхоза, считает, что «из всех ребят его деревни, обучающихся в семилетке, самые серьезные надежды подает Павел Мамыкин». Умственное что-то видит в нем председатель, «этот своего не упустит, цепкий», — замечает он. О своих надеждах говорит председатель Павлу: «Должен оправдать доверие, вырастешь — послужишь колхозу». Даже узнав о слабостях Павла в учении, Прокофий Кузьмич не изменил своего мнения и по-прежнему видит в мальчике своего преемника.

Бабушка Анисья и Шурка тоже считают, что Павел пойдет в ученье, — деревенская привычка срабатывает, усиливая индивидучество Павлушки. Даже в ту пору, когда Павлик вынужден оставить школу — переростку по два года в каждом классе сидеть некогда — и получает направление в ремесленное училище, извечная косность продолжает играть свою роль: никто не ставит под сомнение будущее Павла и даже особые права этого будущего уже сегодня.

Осознание прав своего сиротства и способность сознательно пользоваться им отчетливо проявились в заявлении, что написал Павел, поступая в ремесленное училище. С этих пор приспособлен-

чество и развивается в нем как форма и норма жизненного поведения. Тут уж и собственные недостатки нашего героя начинают срабатывать в его пользу.

Есть такое обидное ругательство — полоротый, особенно распространенное в деревне, которое выражает и особенность внешнего облика и существа характера: недалекий, придуроватый, невнимательный. Болезненность в раннем возрасте оставила такой след на Павле, да и расторопностью особенной он не отличается. Только это и явилось причиной травмы, полученной им в цехе, но Павел оказался в центре внимания, стал героем дня и получил направление в дом отдыха для укрепления здоровья. Опять даровое благо...

Как видим, сообщив изначальные условия и мотивы формирования характера своего героя, Александр Яшин уже не позволяет себе произвола над ним, а следует логике развивающейся натуры. А обстоятельства Павла еще благоприятствуют: он оказывается попутчиком инструктора облсовпрофа Людмилы Константиновны, которая берегет его в пути и билет покупает на свои деньги; в доме отдыха подросток встретит заботу и предупредительность.

К заботе и предупредительности Павел уже привык, но со стороны родных и близких ему людей. А здесь?.. Сомнения-таки просыпаются в его душе. Шагая к дому отдыха, он «робел и переставал верить в магическую силу своей путевки». Но что значили едва осознаваемые душевые движения, если «кругом были обычные, знакомые с детства поля, и знакомо, по-обыкновенному побрякивал замочек на крышке фанерного баула».

Остree Павел почувствовал опасения, когда понял, что лечить его в доме отдыха не будут: «А если врач не считает его больным, то, спрашивается, зачем же его, молодого парня, сюда послали, за что ему бесплатную путевку дали?» Вдруг это откроется? И Павел надоедает врачу визитами, убеждает, что его надо лечить. Даже фразу нашел, видимо всплывшую из лексикона председателя: «антигосударственная практика». А однажды, когда приснился ему дурной сон, свой испуг превратил Павел в симуляцию сердечного приступа. Логика поведения уже сознательно определяется героем, исходя из его понимания самоутверждения.

Нет, А. Яшин не допускает никакма, как могло бы показаться. Притворяться чуть-чуть Пашке и несколько раньше приходилось. Напомню дорожный разговор Павла с Людмилой Константиновной.

— Тебе удобно?

— Ничего.

— Голова не болит?

— Шумит немножко.

Шумел лес по обеим сторонам дороги, шумела вода в речках, под мостиками и в канавах, шумела и шипела грязь под колесами...»

Врет Пашка, признавая свои хвори? И да, и нет. Стилистический переход от состояния героя к описанию дороги, обстановки и дает, собственно, мотивировку ответа. Пашка еще боится симулировать и просто чуть прибедняется, симулировать он станет тогда, когда поймет, что ему обязаны сочувствовать. «Психологический расчет Яшина оказался безупречно верным, — пишет Ал. Михайлов. — Он построен на доброте и жалостливости русских людей, которые уж кому-кому, а обиженному судьбой сиротинушке никогда не откажут в помощи, от себя оторвут кусок, а ему

помогут»¹. Внимание окружающих укрепляет самоуверенность Пашки, и вот он уже отказывается от своей робости. Едва появившись в доме отдыха, он заинтересовался обедом. Получая обед, пытается острить с официанткой:

«— Рыбий жир будете пить? — спросила девушка.

— Как в больнице? — вопросом ответил Павел. — Я уже не грудной, можно пить и не рыбий жир».

Еще не изжив всех страхов, складывающийся характер уже утверждает себя.

Кстати, вот это «кобедать скоро?» — первые значащие слова, что Павел произносит в доме отдыха, выражают едва ли не все существо натуры его. Лишняя чашка молока в детстве, обильные посыпки из дома в каникулы... Еда и еда — она сопровождает всю его жизнь как главное ее содержание. До Собакевича Пашке Мамыкину, конечно, далеко, и все же А. Яшин ни при каких обстоятельствах не забывает о желудочных интересах своего героя — это способ выявления его сущности. При этом писатель подчеркнуто избегает нажима, добиваясь объективности в изображении Павла.

Скажем, откармливая своего старшего, «ученого» внука в летние каникулы, бабушка поросенка молочного одному ему зажарила. А в Паше вдруг совесть пробудилась. «Такого поросенка на всех хватит. Давайте вместе!» Но так было далеко не всегда — умел Павел преодолеть свое смущение, в нем уже крепло сознание особой значительности своей персоны. А однажды он высказал бабушке, что «любит все такое, что жевать не надо». Характерное, многозначительное признание, хотя парень «пошутил, наивно», как в простоте душевной думается бабушке. Впрочем и пошутил, что ж такого...

Заслужил ли он свой хлеб, об этом Павел не задумывался. Правда, и А. Яшин злого тут не видит: мальчишка есть мальчишка. Писатель говорит о нем с пониманием, не завышая требований. «Настоящего труда до жестокой усталости, до ломоты в костях, до боли в спине Павел еще не испытывал, но работать ему хотелось». Только работа как ему представляется? Вот дадут ему выполнить правительственный заказ — и Павел сразу станет за станок и будет делать это, все будут смотреть на него и помогать ему. Из столовой в цех принесут обед: «Кушай, Мамыкин, пожалуйста, тебе сейчас надо хорошо кушать!» Он поест и все нормы выполнит и перевыполнит».

И в мечтах опять о том же!..

Других мыслей Павел просто не знает — это мы заметим не однажды. Предсказывал председатель мальчику стать руководителем, но у Пашки на сей счет «еще не было своего мнения». Мнений не окажется и в других случаях, зато все отчетливее будет прореквизитом линия приспособления к обстоятельствам. Павел думает не о том, как верно сказать, но о том, как сказать в попад. Он готов принимать заботы и внимание сам, но ему еще не приходило в голову, что людям надо платить тем же.

Кажется, Павел способен на добрые душевые порывы. Мучилась девушка-возница на пути к дому отдыха. Наш герой «с пониманием и сердечным сочувствием следил за ней из тарантаса, ког-

¹ Михайлов Ал. Разбег прозы Александра Яшина. — «Север», 1974, № 9, с. 115.

да девушка утопала в грязи и задыхалась от усталости». Да, а вот помочь он не догадается, останется сидеть в тарантасе, даже когда его чиновная спутница спрыгнет на землю. «Павел просто не успел выскочить на дорогу», — заметит А. Яшин в одном случае и в другом — стереотипно: «...Павел остался сидеть как сидел. Вероятно, он просто не успел сразу понять опасности». Ой, так ли уж просто!.. Только гневный окрик девушки выгонит его с насиженного места, но и тогда вместе со своими спутницами он не возьмется за оглобли, чтобы помочь вытащить тарантас из грязи. Оправдаться в собственных глазах люди добрые всегда помогут — вот и в этом случае найдет он утешение в словах Людмилы Константиновны. И станет думать «о своей болезни», и ничто его не выведет из нравственной дремучести.

Напротив, в доме отдыха он начнет уже капризничать (и жертвы его — официантка и старушка нянечка), не сознавая, что его поведение выглядит гадко. Позже, дома, когда бабушка будет лечить его паром, он станет выжимать сочувствие окружающих — Нюрки, ее деда-пасечника, председателя, не чувствуя, что он жалок и отвратителен. Впрочем жалок — ему это и надо...

Здоровой самооценки Павел выработать не смог, и это компенсируется сначала жалкими мечтами о своем будущем, позже — попыткой представить себя значительным лицом, хотя в известной мере мечты и реальность в этом совпадают. К тому же собственные «успехи» — он уже не как все! — дают Павлу основание сознавать себя человеком незаурядным.

Вспомним ту же дорогу к дому отдыха, когда его поначалу угнетала скромность. Но вот он освоился, «небрежно откинулся казенный туалет, высвободил левую ногу и свесил ее снаружи корзины: в этом было какое-то щегольство, так ездят люди, знающие себе цену, — председатели колхозов, районные служащие. Приятное ощущение своей значительности, незаурядности все больше и больше щекотало его самолюбие. Вот уже и начал он выходить в люди! Такую ли жизнь пророчил ему Прокофий Кузьмич или намекал на что-то другое? Конечно, он еще не служащий и зарплаты не получает, но все-таки и не простой учащийся ремесленник. Кто еще, кроме него, может вот так взять и поехать, сидя рядом с областным ответственным работником? И куда? В дом отдыха! И зачем? Отдыхать! От-ды-хать, черт возьми! И все правильно, все по закону...»

О, это Павел уже уловил, — чтоб все по закону.

Позже он не раз, пользуясь сиротством иувечьем (в общем-то мнимым да по причине собственного ротозействия и полученным, — об этом он никогда не задумался сам, а другие не напомнили), побывает на курортах и в домах отдыха. В одной из таких поездок он и жену найдет под стать себе. Возмужает, выладится Павел и вот, наконец, появится в родном доме, надеясь получить с брата и бабушки на ремонт своего городского дома.

Не тот стал Павел, даже бабушка отметит, что он «вот уже и рот больше не открывает, отучили, должно, возмужал парень». Он позволит бабушке ухаживать за собой: плащ вычистить и сапоги вымыть, спокойно спросит водочки, одарит бабку и брата дешевыми подарками — от Валерии. Вот уже и мысли у него, кажется, прорезались. Явится председатель, и Павел отметит про себя, что директор завода вот так, без стука не войдет в квартиру рабочего. «Раньше такие мысли Павлу в голову не приходили», —

признает А. Яшин. Так что же, переродился герой? Как же мы этого не увидели?

Нет, А. Яшин не допустил провалов в исследовании развития своего героя — Павел все тот же. Он и сейчас приехал домогаться: «Не оставьте сироту!» — свои интересы он может отстаивать до конца. В этом деле споровка его поокрепла, как и уверенность в себе, а ума и души не прибавилось. С председателем говорить ему не о чем, и из неловкости Павел выйдет за счет бабушки, безжалостно подтрунивая над ней в воспоминаниях о лечении паром. Самооценка его не изменилась, и Павел все так же уверен, что бабушка и брат отнесутся к нему с прежним почтением.

Недалекий человек, Павел не может уяснить, что Шурка-то теперь повзрослел и свои суждения имеет, что брат ему ничем не обязан. «Я свое требую», — заявляет старший. «Ты требуешь? Нам показалось, что ты просишь...» — ставит младший все на свои места. Невдомек Шурке, что Павел заявляет свои права на половину дома. А старшему остается только удивляться, что «младший брат может в чем-то не соглашаться с ним». Удивляется и делает по-своему — не станет же Шурка судиться с ним! И под грохот бревен разваленного дома умирает бабушка.

Павлу не дано свои поступки оценивать глазами других людей. Он знает одно — удовлетворение своих потребностей, — в этом его суть. А ведь внешне поглядеть: брезентовый дождевик, кожаные сапоги с высокими голенищами, кепка кожаная — в люди вышел!..

4

Вышел в люди законченный потребитель...

Так что же, та драка оказалась условием, определившим направление развития характера? Страх, самозащита — факторы биологические — оказались решающими? Или, может быть, бабушка с Шуркой, не умея преодолеть косности деревенских представлений, вырастили нахлебника на свою голову?.. Конечно, сказалось и то и другое; так или иначе, но не забудем, что кругом много и других людей. Ведь даже в драке шестилетних оказался судья — мужик с грязной бородой. «Не трогайте его, ребята: он сирота», — сказал мужик, не имея желания разобраться, в чем дело. Зато Павел по-своему разобрался, как и в других случаях, легко понимая способы хождения по путям наименьшего сопротивления.

Участь в семилетке, приглядывался Павел к хозяину избы, где он жил, Ивану Тимофеевичу, который «не много занимался делами, хотя среди начальства считался неплохим работником». Тот выступал на собраниях, умел критиковать других и признавать свои ошибки, руководил и, что особенно важно, «мог подолгу и помногу пить в нужной компании и не напиваться». Однажды он, будучи в Москве, сумел ни за что ни про что двести рублей получить — это главное событие в его жизни, о котором Иван Тимофеевич любил рассказывать. «Активность надо проявлять» — вот его главный жизненный урок, который он настойчиво внушиает своему сыну и Павлу. Павел этот урок усвоил.

Много было еще уроков, открытых и неявных, которые усвоил Павел. Свою толику в его становлении внесли и Прокофий Кузьмич, и Людмила Константиновна, и директор ремесленного училища. И нельзя сказать, что никто не видел, что парень развива-

ется не в ту сторону; что никто его одернуть не мог. Поняла его умная и усталая старуха врач и вежливо попыталась вразумить. Грубовато одернул Павла рыжий лесоруб. Но ведь для них Павел — лицо эпизодическое, они его и узнают чуть-чуть, а с него как с гуся вода.

Вот и сложились у него свои представления. Так, в доме отдыха «он стал считать отдых своей обязанностью, это было для него ново и приятно. Хорошо отдохнуть, восстановить свои силы — это долг». Столь же не трудны условия осуществления права на отдых: «...распишись — и на тебе путевку, еще распишись — и на тебе двести рублей! Иван Тимофеевич, его бывший квартирный хозяин, рассказывал однажды про такое же. Но то было в Москве...» Павел «переплюнул» своего учителя... Комментарий в форме нес собственно авторской речи, сливает радостное удивление Павла и грустную ironию автора. Даже вот это — «но то было в Москве» — ограничение вроде бы сообщает слушаю типичность: «сиrottам» везде одинаково вольготно.

Понятие права на отдых оформилось у Павла как выношенное убеждение, как своего рода философия — философия потребительства. Пашка и поработать-то не успел, а рабочим человеком — хозяином на земле себя уже чувствует. Его прямо захлестывают радужные мысли: «Разве не ему принадлежит все это богатство, разве не он, рабочий человек, здесь хозяин? Он! Ведь так и в газетах пишут». Он хорошо усвоил, что пишут в газетах, только не понял, что сам он не стал еще рабочим человеком. Но только ли ему достаточно всего лишь одной пометки в анкете!

Ах, как хочется Пашуте похвастаться перед Шуркой да бабушкой своим положением! И невдомек ему, что они оба, труженики, больше его заслуживают отдыха. А он, уверившись в своих особых достоинствах, и мысли такой допустить не может. Позже, при встрече, бабушка скажет:

«— Хоть бы Шурку этак-то послали куда-нибудь.

Павел удивился.

— А зачем ему это? И за что его? Он в деревне живет.

— И то верно, — согласилась бабушка. — Не за что. Да и не попросится он никогда...»

Все понимает в душе старая, и Шурке цену знает, только спорить со старшим внуком не станет, не станет отказываться и от нелепых представлений, освященных извечной привычкой.

Павлу живется спокойно не только рядом с консервативной, не привыкшей размышлять бабушкой, но и возле председателя, которому должно думать и людей понимать. Впрочем, есть причины, объясняющие, почему Прокофий Кузьмич не смог понять Павла вовремя: председатель сам «сироста», но об этом скажем позже.

А в общем-то понять такого, как Павел, просто.

«— У, гнида!» — замахивается сверстник на шестилетнего Павлушу и, промахнувшись, падает сам.

«— У, гнида!.. Иждивенец!» — бьет Павла Шурка, не промахнувшись ни в ударе, ни в точности определения, кто есть братец его.

Не так уж он глубок, Павел Иванович Мамыкин. Избавившись от ребяческого заблуждения, понял это Шурка. Приглядевшись еще в школе, истинную цену Павлушки определил директор Аристарх Николаевич. С порога точно оценили его в доме отдыха старая враачиха и рыжий лесоруб.

На том общественном уровне, на котором существует пока Павел, понять суть человека сравнительно легко. Сложнее, когда подобный тип сядет в директорское кресло, займет пост председателя колхоза или еще выше...

Директор ремесленного училища Тетеркин не хватал где и что придется, как начинающий приспособленец-дилетант Павел Мамыкин, — он нашел постоянное теплое место и «очень боялся за свой пост». Вот почему он толковал с Павлушей в больнице «весело и вроде бы непринужденно, но глаза его при этом крутились настороженно и воровато». Он скоро успокоился, когда понял, что опасности нет, что Павел удовольствуется путевкой в дом отдыха. Для директора это недорогая цена за теплое место. Лишиться своего поста ему, нéкогда «не обеспечивающему руководства» картофелесушильным, лесопильным и маслобойным заводами, — это значит потерять все блага (подчеркнем, тоже даровые, поскольку «не обеспечивает»).

Кстати, заметим за Тетеркиным характерную особенность. Только теперь дошел он до последней черты, и место менять ему уже нельзя. А в общем-то перемена мест — неплохой способ существования для человека ненадежного, которого могут быстро раскусить. Это как допинг: до той поры, пока и на новом месте поближе не узнают. «Сменишь место, и будто все в жизни твоей начинается заново», — пишет А. Яшин, как бы выражая приятные ощущения своего героя, когда начинает рассказ о жизни Павла в семилетке. И снова удовлетворение юного героя отмечает писатель, говоря о его переходе в ремесленное: «На новом месте Павлу понравилось все». Так ли уж случайна эта рано оказавшаяся склонность к перемене мест, когда начинать жизнь заново еще не с чего?..

Бывает, сиротство возводится даже в ранг государственной политики: «Слабому да отстающему вы обязаны помочь. Советская власть не позволит обижать сирых», — тут вовсе не полемический перехлест Прокофия Кузьмича, а выношенное убеждение. Да, он понимает, что к нему в артель люди возвращаться не станут, но не унывает. «Пускай не возвращаются!.. Нам надо, чтобы в каждом городе у нас были свои люди, земляки... Мы отстающие, пусть! — с пафосом развивает свою мысль председатель. — Но отстающим помогать должны, нас вызволять из беды надо. Недоимки есть? Списать! Ссуду? Выдать! С уборкой не справляемся — горожан на неделю в колхоз. Вот где главное звено на сегодняшний день...» Вот, оказывается, какая еще теория возможна! Не ставит А. Яшин своей целью социологически выяснить причины отставания деревни — это не компетенция художественной литературы, не намерен виноватых искать, но ясно дает понять, что с таким уровнем политического мышления, как у этого председателя, не найти выхода из положения.

Жрать в общественном масштабе — вот к чему зовет председатель. Впрочем так же действовать и в личном плане Прокофий Кузьмич вовсе не против: он умел, не стесняясь, «заходить то в один дом, то в другой, когда ему хотелось выпить». Он такие способы нашел удовлетворять свои потребительские потенции — другие с него пример берут. Наверное, не зря Михаило Лексеич, пасечник, жалуется: «...бидоны сюда присылают: председателю дай, кладовщику дай, бухгалтеру дай! И все — пока на весы взяточ не ставили...» Кто как, а вон Иван Тимофеевич из своего тезиса —

«активность надо проявлять» купоны стрижет, а Павел Иванович осваивает формулу «мы — рабочие...»

Разные формы существования находят иждивенцы и приспособленцы — социальная мимикрия бесконечна в своих видоизменениях. Александр Яшин открыл самую массовую разновидность этого типа — сироту казанскую и показал ее в двух ипостасях: отбившегося от деревни крестьянского парня Павла Мамыкина и опытного человека, председателя колхоза Прокофия Кузьмича. Наметил писатель и некоторые разновидности этого типа. Здесь — главное зерно повести «Сирота», социально-психологической по своему характеру. И зоркость наблюдений, глубина выводов в ней одушевлены высокой страстью художника, силой его убежденности.

5

Страшны своеокрыстные люди своей душевной пустотой, сильна тяга к приспособленчеству — многие устоять не могут, но А. Яшина это не повергает в уныние. Он знает — есть другие люди, о чем он сильно и страстно писал в стихотворении «О погожих днях и хороших людях». И в повести «Сирота» живет вера писателя в хороших людей и надежда на погожие дни. Писатель видит, знает тех людей, на которых извечно мир стоит.

В угоду начальству председатель Прокофий Кузьмич любую, самую нелепую команду выполнять станет. Его хорошо раскусил Аристарх Николаевич, и, наверное, со временем точка зрения директора школы восторжествует. В этом убеждает и тот факт, что женщины хвалят не нахваляются своевольным Шуркой, который умеет интересы дела отстаивать. И опыт бабушки, и настойчивость Нюрки Молчуньи, и молчаливое одобрение бригадира-фронтовика на его стороне. Нет, сельский мир здоров и жизнеспособен — это не замкнутый в себе консервативный дух старой деревни, а новый — колхозный.

Повесть в силу своей жанровой ограниченности не дает возможность развернуть широкую галерею образов-персонажей. К этому и не стремится А. Яшин: он набросал убедительный фон и создал несколько своеобычных характеров, которые и выражают в «Сироте» большую веру писателя в человека. С любовью и уважением рисует А. Яшин тех, кто противостоит иждивенчеству всякого рода и приспособленчеству как единственно надежная сила в обществе.

Казалось бы, всех больше повинны в том, что Павел стал явным иждивенцем, Шурка и его бабушка. «У нас так ведется, Аристарх Николаевич: если всем учиться нельзя, старший учится... скорее помочь придет», — пояснил Шурка директору школы. Но возьмемся ли судить старую неграмотную женщину, которая не смогла оценить возможности своих внуков, или парнишку, который безропотно принял удел работать с малых лет наравне со взрослыми?..

«А я — чтобы земля не осиротела», — скажет Шурка и очень точно выразит в одной фразе и горькую необходимость и свое призвание. Нелегко работать, но ему нравится. Он знает все, что делается в колхозе. Рано появились у него и самостоятельные суждения. При этом, правда, свое путается с традиционным, например, в суждениях о том, что Павел должен «выйти в люди».

Это — от бабушки, мальчик вполне усвоил жертвенность ее как нормальное состояние и не сознает этого. Но от нее же у него и здравый смысл, и своего рода хитрость: сумел же он так или иначе будущий урожай льна спасти!

В Шурке своеобразно сочетаются и деловитость, и наивность. Образ его близок образу Михаила Пряслина — оба писателя, и Федор Абрамов и Александр Яшин, самостоятельно открыли и смогли воплотить этот тип. Если Михаил Пряслин родился в литературе раньше, то Александр Мамыкин — раньше созрел (к этому времени не появилась еще вторая книга трилогии Ф. Абрамова).

Смотрите, ему тринадцать год, Шурке Мамыкину, а как свободно появляется он в школе, среди сверстников: «Он не робел, не пригибал голову, не сторонился встречных ребят и девушек, шел свободно в своем рабочем пиджаке и кирзовыми сапогах, держа кепку в руке». Заметим, идет он в роли старшего, за Павла отвечать. А его разговор с директором — это свободный, уверенный разговор труженика, может быть, ребячливый в некоторых деталях, но мужской по существу.

Неизбалованный вниманием, Шурка по-мальчишески радуется похвале: оценит ли Аристарх Николаевич его рассудительность или Нюрка Молчунья скажет, что его «бабы хвалят не нахваляются». При этом в одном случае он не утратит уважения к старшему брату («он недоумевал больше, чем негодовал»), а в другом заметит, что хвалят его за бабушкуну науку. Только позже поймет он себе цену и просчет бабушки в отношении Павла, но, не осуждая ее, старую, а жалея и надеясь уже на себя. Былая надежда: «когда брат выучится, он сразу изменит всю мою жизнь — и мою, и бабушки» — вдруг окажется наивной, иллюзорной.

Годы приносят Шурке вместе с возмужанием и горечь утраченного напрасно времени. Мог бы ведь тоже учиться, понял он, взявшись за книжки по льноводству: «Уцепился за бабушкин подол, брату помогал, смотрел в его раскрытый рот, а о себе забыл!» А. Яшин точно схватывает перелом в настроениях Шурки, но, когда говорит о накопившихся за годы боли и обиде его на Павла, допускает явный просчет: мысль эта поведением Шурки не подтверждена. Тем не менее перелом произошел.

Не ждет теперь Шурка от Павла помощи, не нуждается в его заступничестве, тем более, что понял: Пашка далеко не пойдет с домом да поросятами. «Руки свои да горб — вот наши ходатай», — резковато говорит Шурка бабушке, откращиваясь от брата, поведение которого возмущает его до глубины души. Ему не жалко дома: «Ты на меня положись, — успокаивает он бабушку, — я тебе новую избу выстрою. Пускай все берет — скорее подавится». Почему он, Павел, не принимает в расчет бабушку, — вот что бесит Шурку; бабушку, которая из последних сил старалась для него. А сам Шурка умел быть к ней на деле внимательным: не похвалить ее за вкусный обед, как Павел, а помочь, избавить от огорчений. Еще раньше, припомним: «Бабушка у нас очень плоха, я ничего не буду ей говорить. Пожалуйста, не передавайте ей ничего», — просил Шурка директора школы, ограждая Анисью от огорчений за старшего внука. И теперь Шурка умеет вовремя прийти к ней на помощь.

Если Пашка готов судиться из-за наследства, то Шурка конфликт с братом не сводит к этому: для него старший брат стал ясен и как общественный тип. Вот прочит его председатель себе

в замену. «Это еще как народ пожелает, Прокофий Кузьмич, — сказал Шурка. — Как мы пожелаем...» Хоть и одергивает его председатель, мол, «зелен еще и неучен», однако Шурка-то свое место знает: мы — народ. Общественное сознание труженика, равного с другими членами артели, у Александра Мамыкина уже созрело.

Бабушка, в отличие от своего младшего внука, до конца верила в Павла: крушение ее надежд обернулось для нее смертным концом — это обычно для таких цельных натуры, как Анисья. Не отличается она выдающимся умом, хотя вовсе не глупа и не лишена здравого практического разума. Говорить о развитой индивидуальности тут не приходится — в Анисье гораздо важнее родовое начало. Тем интереснее ее характер как выражение общих для крестьянок душевных качеств, нравственных норм, практических навыков.

Не только вынечинить внуков умела бабка Анисья, но и все крестьянские работы знала, любила работать со льном. И теперь лен на колхозном поле тревожит ее: зная условия хорошего урожая, это она «спровоцировала» срыв сева в приказные сроки, и лен был посеян в подходящую для него пору. Добиваясь своего, она и на хитрость пойдет. «А ты скажи, — советует она Шурке, зная, что председатель просто так к ней за советом не придет, — бабушке, мол, худо... он и прикатит со вниманием со своим». Залучила-таки старая председателя, сумела сыграть на его показном внимании к людям...

Не забыла еще Анисья и старых навыков. Она «сама не хуже любого фельдшера лечила в деревне всех скучающих: снимала переполохи с малых и старых, правила пупы, заговаривала гнилые зубы, чтобы не ныли, выпаривала из тела простуду и ревматизм». В опыте народной медицины немало мудрого, но достоинства своего героя А. Яшин преувеличивать не станет. Так, Анисья невестке своей не то лечение назначила, впрочем измученной непосильным трудом и голодом женщине ничего бы уже не помогло.

Узнав о женитьбе старшего внука, Анисья привычно думает: «...есть ли у него самостоятельность-то, есть ли опытность-то? Как бы чужие люди над ним верх не взяли». Так думает о своих детях каждая женщина. И, как любую из них на ее месте, особенно огорчает бабушку, что женился Павел, ей «не показав девку», да и бабку на свадьбу не позвал. В этом отразились сложившиеся веками нравственные нормы и отношения.

С такой же позиции оценивает Анисья разногласие своих внуков. «От веку так велось: женится один из братьев, и начинаются всякие ссоры да раздоры. Вот и женился Павел, и стал он больше думать о себе. Ему же надо свой дом собирать. Что же в том неладного?» И утешается старая по-своему, хотя в сознании ее перемешались «горечь и гордость, обида и радость»: «...и свах никаких не понадобилось, все сам сделал — значит, самостоятельный человек».

Нет, конечно, и любя Шурку, до конца понять его Анисья не в силах. «Думать бабушка не привыкла, она больше сердцем чувствовала, что хорошо, что плохо, что справедливо на земле, что нет» — это многое объясняет. Сама ничего не жалевшая для Павла, Анисья не может постичь его безграничного своекорыстия, готового покуситься на святая святых — разрушить отцовский дом. И смерть ее — запоздалое, но самое тяжкое обвинение Павлу.

В самом начале повести мелькнула застенчивая девочка Нюр-

ка — ее встретили братья Мамыкины на пасеке у деда ее Михаила Лексеевича. Заметной она становится как-то вдруг, потому что, как и Шурка, рано работать начала. Тихая, незаметно для себя привязалась она к Павлу, который частенько к ней на беседах подсаживался. В заботах о Шурке и бабушке Анисье живет ее чувство к Павлу. «Я так. Дай, думаю, загляну...» — в ее невразумительных репликах, как подтекст, отсвечивает скрытая душевная жизнь.

Любые «молчуны» трудно поддаются изображению. А. Яшин, создавая образ Нюрки, с задачей справился с блеском. Вот Нюрка появилась у председателя, добивается, чтобы назначили пастуха: доярки замучились коров вечерами искать. В повторяющихся репликах, в терпении, с каким пропускает она мимо ушей неловкие шуточки председателя, в аргументах, редких, но точных, — весь ее характер. Не добилась один раз, пришла снова и «держалась так же робко и так же твердо».

Нюрка молчалива, но деятельна в своем чувстве. Вот боится она за исход лечения Павла — и деда подняла, и председателя, перестаралась даже. Не без юмора, но точно определяя суть характера, по одному поводу дед Михаило Лексеич замечает: «Сейчас и доктора на себе, конечно, привезет, лошадь запрягать не надо».

Неуемна Нюрка и в работе — одна из лучших на ферме. Только А. Яшин чуть, наверное, погрешил торопливостью. «Славу создавали девушке быстро и организованно. Нюрка нравилась и председателю колхоза, и бригадирам, и всем прочим начальникам: безотказная, нестроптивая, нетребовательная, куда ни пошлешь — пойдет, что ни поручишь — сделает, нагрубишь ей — слова в ответ не скажет, роптать не станет...» Не совсем тот характер А. Яшин вывел на страницах повести — есть в Нюрке и доля строптивости, если сочтет она нужным настоять на своем, есть — как мы видели — и требовательность, когда дело касается других людей.

А. Яшин в главном сумел своеобычный характер показать, интересно развить образ. Дорисовывает его отношение других героев — и бабушки Анисьи, и Шурки, который оценил находчивость и деловую сметливость Нюрки. Меняется девушка с годами, только на словах все та же: «Может, вам что надо? Я бы сделала...»

Лишь три-четыре характера А. Яшин развернул в повести, но, умея почувствовать самый воздух времени, с выразительной простотой и сердечностью показал целый мир. Каков этот мир, чем он дышит, со всей определенностью писатель дает почувствовать в finale повести «Сирота». Дошла, наконец, до бабушки вся низость Пашки: «Господи, да он же делиться хочет! — вдруг догадалась и ужаснулась бабушка. — Он же дом разорить хочет!» Твердо решил оставить опекунство над Павлом Шурка, но еще не предчувствует, что вот-вот и его рука жестоко поднимется на старшего брата. Только Прокофий Кузьмич хорошо чувствует себя в обстановке назревающего скандала...

Только что это с председателем? Вдруг страсти успокаивать начал... А просто нельзя ему стать на одну доску с Пашкой: авторитет пострадает, люди осудят, — и отступает Прокофий Кузьмич. Слегла бабушка, речь утратила — только Пашка ничего не поймет. А в деревне раздел осуждают, соседи заботятся о старухе. Их общее мнение прямо и грубо выражает пасечник Михаило Лексе-

ич, обращаясь к Нюрке: «...дармоеда, халугу этого, не подпускай к старухе!» Здоровые нравственные чувства — против Пашки, и пусть избу он увез в город и живет себе, но он приговорен как отступник, нарушивший заповеди народной нравственности, на вечное осуждение и презрение людей.

Так заявлена позиция в повести Александра Яшина «Сирота». По мнению Л. Толстого, «...цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету»¹. Цельностью нравственной позиции и сильна более всего повесть А. Яшина.

6

Как уже отмечалось, Александр Яшин от себя, хотя и в третьем лице, ведет рассказ о том, что происходит в семействе Мамыкиных, и о других обстоятельствах, связанных с ними. Он стремится быть предельно объективным и добивается этого, но вместе с тем избранная форма позволяет ему быть очень гибким в утверждении своей позиции, а незаурядное художественное мастерство сообщает этой позиции писателя исключительную убедительность. В конечном счете оказывается, что А. Яшин не в поддаки играет, не марионеток переставляет, а исследует характеры и жизненные явления. Открещиваясь от заданности колхозного производственно-го романа, писатель учится у классиков в логике жизни и характера героев постигать художественную правду.

Главное достоинство прозы Лев Толстой видел «только в том, чтобы было просто, ясно, не было бы ничего лишнего и фальшивого»². У него учится Яшин постижению трудной простоты жизни и непримиримости к всяческим маскам; с ним сближает его нравственный максимализм, уважение к труду и презрение к захребетничеству. Чем-то неуловимо близок А. Яшин А. П. Чехову: то же неистребимое чувство юмора, та же неизбывная грусть. Близки они и лаконичностью, но уже добивался ее А. Яшин по-своему, хотя опыт Чехова и в этом не остался для него безразличным.

Повесть А. Яшина цельна в своем лафосе, но отличается бесконечным разнообразием интонаций: удивление и радость, сожаление и предостережение, ирония... А ирония в некоторых случаях даже нагнетается так, будто писатель с хитринкой подтрунивает над героем. «Случилось это так...» — попросту начнет речь А. Яшин в одном случае и по порядку расскажет о случившемся. Так было... Но даже нагнетая какие-то особенности в поступках героя, писатель снова вернется к позиции беспристрастного рассказчика и найдет оправдательные мотивы. Чаще всего с подобной двойственностью ведется разговор о Павле, даже в эпилоге: «Он, должно быть, сразу начал перестраивать городской дом, потому и не успел приехать на похороны». Оправдание, но какая в нем уничтожающая издевка!.. «Хорошо, когда автор только чуть-чуть стоит вне предмета, так что беспрестанно сомневаешься, субъективно или

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 30, с. 18.

² Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти т., т. 17. М., «Худож. лит.», 1965, с. 426.

объективно»¹ — этот принцип Л. Толстого оказался вполне по характеру Яшину.

Порою в самой структуре суждений писателя о герое, по сути объективных, звучит открытое удивление. Вот о Шурке: «Казалось, разговор с директором ничего не изменил в его отношении к брату...» «Казалось» — отмечает писатель, не решаясь утверждать с уверенностью, но предполагая, что должно же смутиться, наконец, сердце мальчишки! Такие оговорки позволяют А. Яшину закономерно подвести повесть к финалу.

А в иных случаях писатель вовсе не считает нужным себя сдерживать. Так, не нашла меры, увещевая братьев, бабка Анисья, чем и подтолкнула их к драке. «Что бы ей остановиться вовремя! Что бы ей, уставшей вконец, трясущейся, забраться на горячую печку, да прикрыться овчинным полушубком, да пожелать внукам, как раньше бывало: «Спите спокойно, ребятки!»

Нет, не могла вовремя угомониться старая...» И сожаление и досада звучат в голосе писателя, он готов хоть сам быть миротворцем, вмешаться в происходящее, но — увы! — может лишь высказыватьсь обо всем, он — рассказчик... Но уже в этой-то роли Александр Яшин умело и тонко формирует мнение своего собеседника, читателя, и не только посредством интонации, но всем разнообразием художественных превращений слова.

Впрочем оговоримся сразу, с языком А. Яшин работает традиционно, не надеясь на всесильность речевого колорита. Язык повести «Сирота» не «крестьянский», как можно было бы предполагать, ведь писатель изначально владел им, а язык писателя, то есть вполне литературный. В меру требований предмета повествования использует Яшин устаревшие слова, в меру необходимости индивидуализирует речь персонажей, очень редко прибегая к диалектной лексике.

Художественное достоинство речевого строя в повести А. Яшина — это точная, необходимая служба в создании характера, настроения, образа, удвоение или расширение смысла фразы за счет бесконечных сцеплений, которые создают пластику в прозе, но обычно очень трудно даются. Этого добивается писатель, давая слово своим персонажам. Толкуя однажды о содержании пчел, пасечник Михайло Лексевич сказал: «...А сахарный сироп для пчел все равно что веточный корм для коров». И такое высказывание, своеобразно характеризуя героя, в то же время расширяет границы повествования, выводит на иной пласт явлений действительности. «—С доброй душой всю жизнь носом землю рыть будет! — как приговор, произнес Павел». В его реплике о Нюрке мы услышим не только хамскую самоуверенность человека с извращенными представлениями о жизни, но и — в контрасте с Павлом — позитивную оценку Нюрки автором, а затем в ремарке автора и отношение Шурки к брату и девчонке.

Речь писателя гибко сочетается с диалогом, отчего последующие поступки обретают силу неизбежности. Пашка оскорбил и Нюру, и брата одной репликой, и Шурка ожесточился — это заметил Павел. «Может быть, на этом бы все и кончилось и Шурка бы не ударили Павла, если бы не увидел вдруг, как тот противно победел, струсил, но Шурка увидел это и уже не мог не ударить его, просто

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47, с. 191.

от одного отвращения...» А последующие слова подростка рождаются тем же душевным порывом и отвращением.

Тут мы видим своего рода синхронность в развитии эмоционального накала героев, параллельность. В других случаях писатель подмечает противоположность намерений и желаний героев. Это мы наблюдаем в сцене лечения паром, когда Пашка и бабушка вроде и слышат друг друга, но понимают наоборот: бабушка делает доброе дело, но ее действия внушают Павлу ужас, она же этого никак уловить не может. Так складывается своеобразный яшинский юмор, с которым исполнена вся сцена лечения.

Умеет А. Яшин чувствовать и передавать юмор в репликах персонажей, особенно часто — Михаилы Лексеича и Аристарха Николаевича. Пошутил, скажем, председатель, заметив, что его песик не любит уполномоченных, а директор кстати напомнит об этом Прокофию Кузьмичу: «Песик ваш не зря на меня лаял...» Комический эффект достигнут тем, что весь «хозяйский» запал председателя на глазах выдохся, недавнее упрямство обернулось тихой говорчivостью.

Происходит ли что-то или герои разговоры ведут — изо всего А. Яшин извлекает психологический эффект, во всем раскрываются характеры, вот почему писателю и не приходится детально заниматься анализом душевой жизни или прибегать к развернутым внутренним монологам. Герои открываются в обычной повседневности их дел и житейских разговоров.

Изредка А. Яшин прибегает к «силовому» приему, но в этом случае подготовит его через приземленность реальных обстоятельств.

Символичен сон Павла: едет он и находит деньги в бабушкином платке, деньги берет, платок выкидывает, а в нем — деньги снова; он «слезает с лошади, чтобы поднять узелок, и видит, что грязь на дороге — тоже деньги». Деньги — грязь... Очень уж прозрачный символ, а основания его реальны. Когда-то, еще в начальной школе, Павлу случалось рыться на местах коновязей, где «в вытаившей коричневой кашице нет-нет да и мелькали серебряные и медные монеты, оброненные зимой проезжими».

Создавая образ героя, А. Яшин беспощаден и не боится впасть в карикатуру — строгое чувство реализма предохраняет его. Вот вместе с бабушкой и братом Павел сидит у самовара, все вокруг отражающего в своих начищенных боках. «В выпуклой медной глубине, то уменьшаясь, то увеличиваясь до чудовищной уродливости», мелькали руки бабушки-труженицы. А Павел между тем конфету берет, и «в отражении рот его развергся до нелепых размеров и быстро захлопнулся». Вот его истинное лицо! Социальная мимикрия бесконечна в своих видоизменениях, но главное всегда — потреблять. И что из того, что писатель создал карикатуру, — он увидел ее обычным вечером во время чаепития в крестьянской семье. Карикатура вписывается с естественной пластичностью, не нарушая цельности художественной ткани.

Не гнущаясь пользоваться элементарной информационной речью там, где речь идет о само собой разумеющемся, Александр Яшин тем не менее любит красочное изображение, при этом не считая себя обязанным быть локальным в художественных средствах. Вот парк: «Стволы в один, в два обхвата, с массивной, рубчатой, пепельного цвета корой — снизу, бронзовой и медной — сверху, вздымались в небо, словно кирпичные трубы, и там их зеле-

ные кроны, как дымы, сливались в сплошной непроницаемый полог». Щедрость красок, разнообразие ассоциаций...

Между тем А. Яшину дорого стилистическое единство повести, и он стремится к пластике во всем. «Не раз менялись цвета ржи, а лен до поздней осени оставался ярко-зеленым. Во время цветения участки его превратились в бирюзовые озерца, и перед этим нежным сиянием даже леса окрестные казались черными». Две фразы, но в них не только пейзаж в контрастных фразах отразился, но и течение времени. Время неоднородно проявляется в описаниях А. Яшина, но всегда свежо и выразительно. Вечерело. «ветер замирал, и хвойные и травяные запахи, залетевшие в деревню из окрестных лесов и лугов, сменялись теплыми застойными запахами дворов и поветей. В небе проступали звезды, извечные, как слова любви, как звуки гармошки, простые и волнующие». В запахах, в их смене показав движение времени, А. Яшин несколько необычным сравнением гибко переходит к разговору о вечерних занятиях молодежи и, пластически сочетая разрозненные моменты, создает цельную картину вечера в деревне.

Пейзаж, впрочем и любое описание у Яшина одушевлены присутствием человека — это единство создает тот или иной эмоциональный настрой. В доме, где царит тягостное настроение, глаз стремится задержаться хоть на чем-нибудь, чтобы мысли отвлечь от больного, тревожного. Вот и Мамыкины, внук и бабка, молчаливо следят, как вечернее солнце высвечивает то рукомойник, то чело печи, как зайчики играют, и, наконец, темнеет. Не склонный к описательности и многословию, А. Яшин на сей раз расскажет, как лампу зажигают (тем более, эта деталь позже еще прозвучит). Открывается тягучая медлительность времени, а внимание к деталям обстановки оправдывается психологическим состоянием героев.

Как видим, герой рисуется в предметной среде, и, чтобы соблюсти единство повествования, Александр Яшин и его показывает зрительно. При этом он нередко использует повторяющиеся детали в тех или иных изменениях. Не однажды мелькнет на страницах повести «рыжий бородач с рыжими глазами и рыжими волосами на руках». Точно так же «загорелый, прокопченный» Аристарх Николаевич запомнится своим жестом: для него «прилично потягивать усы книзу». Писатель умеет вписать повторяющийся признак, так сказать, в событийном ключе. Так, директор на поле на виду у людей потеребил снопик льна — и «на загорелых руках его появился зеленый налет, медная кожа будто окислилась». Эта повторяемость не ведет к однообразию.

Писатель по-разному видит своих героев, отчего и его сравнения неоднoplановы, нередко ассоциативны не по ближнему, что ли, ряду: «Михаило Лексеич старел, длинная борода его поседела и поредела, сквозь нее был виден незастегнутый ворот рубахи. Так поздней осенью начинает просвечивать лесная опушка». В других случаях А. Яшин подает портрет совсем просто. «Председатель и Шурка не сели, стояли друг против друга: один рыхлый, приземистый, другой плотный, рослый». Мы видим героев в элементарном контрасте.

Порой в портрете героя вдруг особо значительной оказывается внешняя, как бы необязательная деталь. Набросав портрет девушки-возницы, А. Яшин отметил, что лицо ее «с ямочкой на середине подбородка». Дорога трудна, работа ее — не женская, тя-

желая, и писатель позже увидит, что «ямочка на ее подбородке была залеплена грязью». Или в другом месте: «Портфеля у него не было, но все равно и без портфеля Павел так походил на районного ответственного товарища...» — наряду с другими деталями костюма А. Яшин называет ту, которой нет, это ему необходимо для завершения образа.

В повести А. Яшина нет ни случайных слов, ни случайных событий — все определено закономерностями художественной логики. Раздумалась, скажем, бабка Анисья о ремонте дома и вспоминает Павлушу, а мы его уже знаем — и закрадывается сомнение в выполнимости бабкиных надежд. А вот Анисья лампу аккуратно, с тщанием зажигает (помните, тот тревожный вечер в избе?) — и возникает предчувствие, которое вскоре оправдывается. Гость с недобрыми помыслами, Павел, двинул самовар под лампу — и лопнуло единственное стекло (селько их давно не завозили). Так водится с нежеланными гостями: все какую-нибудь неприятность сделают, а после одной жди другую, потяжелее... Так и происходит.

Александр Яшин добивается не только пластичности слова, но и фразы, и части эпизода. Внутренние органические связи важны для него и между разными пластами повествования.

Иногда писатель будто попросту рассуждает: «Не все умеют писать заявления. Трудно бывает получить первую путевку, трудно распознать, как это делается, — научиться просить, войти в нужный список, в доверие. Павел прошел эту школу с успехом». Сухая, информационная речь. Но далее — монолог героя перед добродушной молодой врачихой: и про малолетнего брата и немощную бабку, и про дикость в деревне, и про Советскую власть, которая его, Павла, воспитала. Эти клише, бьющие на жалость и доверие, точно в характере Павла, они отрабатываются в устойчивую, постоянную форму заявлений, о которой автор и говорит дальше уже снова сухо. Эффект получается неподражаемый и опять усиливается, потому что следующая глава начинается словами: «Шурка так уставал на колхозной работе, что...»

Даже точка обзора небезразлична А. Яшину. Характерен следующий эпизод.

«— Осень поздняя, Александр, не справитесь вы со льном, много его. — Директор повел рукой вокруг. С земли (он сидит. — В. О.) ему были видны только желто-зеленый с коричневым оттенком спелый лен да мутное осеннее небо, лен и небо — ничего больше.

Шурка тоже посмотрел вокруг. Его лен не пугал своей бесконечностью: стоя, он видел границы поля — лесные опушки, стога сена на клеверицах, холмы перед спуском к реке.

— Справимся, Аристарх Николаевич, — уверенно сказал он. — Не беспокойтесь за нас».

Писатель, во-первых, интересно совместил диалог с пейзажем, а во-вторых, точка обзора здесь определяет исход разговора.

В повести легко обнаруживается не только ритм фразы в разнообразных вариациях, но и ритм более крупных образований — уже в композиции. С необходимостью выходит на первый план тот или иной герой, в свое время исчезает — и все это не произвольно. Шел, скажем, разговор о Павле, и вот оказывается, семилетку ему не кончить. В качестве опекуна появляется Шурка, о котором до сих пор речь заходила редко, и вдруг выходит, что

этот парнишка — серьезный думающий мужик. II эпизод вольно развертывается... От обыденной событийности Яшин плавно переходит или к воспоминанию, или к размышлению. Рассказав о Нюрке в досярках, писатель вспоминает об устройстве выпасов в прежние годы. Или вслед за приездом в колхоз директора школы делятся Яшин суждениями об институте уполномоченных.

Продумана насквозь внутренняя структура прозы Александра Яшина от отдельной фразы до сюжетных линий. Как в одной фразе отражается несколько героев, так и в отношении к одному и тому же делу равно отработаны и диалог, и повествование от автора. Героя видишь внешне, наблюдаешь в поступке и узнаешь изнутри. Авторский рассказ, показ в иллюстрациях, комментарий в разнообразии интонаций — все открывает события и явления в разных ракурсах. Так добивается А. Яшин полноты жизни и органичности проблемного звучания.

Силовые линии в повести «Сирота» сходятся с необходимостью закона — и в этом ее жизненная убедительность. Не повторяясь в способах использования средств поэтической выразительности, А. Яшин достигает предельного лаконизма и вместе с тем преодолевает условность, неизбежно тяготеющую над любым литературным приемом. Отсюда высокий реализм повести «Сирота» и художественное совершенство, явившее себя в форме простой и ясной. «Сирота» — произведение зрелого художника, обладающего сложившимся мастерством и цельным взглядом на жизнь.

7

Линия социально-психологического исследования нашла про должение в произведениях А. Яшина, опубликованных посмертно, — в повести «Короткое дыхание» и в некоторых рассказах, таких, как «Старый Валенок» (1962) и «Подруженька» (1965). В рассказах немало схожего не только потому, что персонажи в них — люди одной судьбы. Оба они одиноки, Лупп Егорович и Катерина Федосеевна: их дети разъехались, спутники жизни ушли в мир иной, и в удел старикам осталось горькое одиночество, тем более горькое, что умом их стариковским оно и не осознается как ненормальность. А вместе с тем образ одиночества в том и другом рассказе — основной, хотя создается в каждой из вещей несколько по-разному: писатель не позволяет себе повторяться.

О судьбе и семье Катерины Федосеевны А. Яшин пишет в форме народных, обобщающих высказываний, какие часто встречаются в крестьянской (чаще именно женской) речи, нередко метафоричных. Ее муж, поездив по свету, жить устроился все-таки поблизости от родной деревни на станции, избу перевез, да «надорвался старик — умер, в три недели свернуло, будто и живым не был». А дочь Катерины в Заполярье большие деньги с мужем зарабатывает, детей не желает иметь. Не любо это старухе, но осуждения она не выскажет: «...может, теперь так и надо, времена на другие».

Так и оказалась одинокой Катерина Федосеевна, и горечь ее одиночества А. Яшин с удивительным лаконизмом и неподражаемой точностью передает в форме несобственно авторской речи: «Дома, говорят, и стены помогают. А где они теперь, эти стены? Вышла бы во двор, в поле, забрела бы к Аграфене Мелентьевой

или к Миколихе Трошкиной — каждая слеза пополам, каждый вздох поровну! А в лесу, за коровьим выгоном, что ни березка — подружка твоя, вместе росли, вместе сок набирали, заодно и листья ронять». Прожившей жизнь на миру, в своем привычном кругу, ей тут «не с кем душу отвести», потому что «люди кругом грамотные, стрелочница — и та четыре класса кончила, книги читает», куда ей, темной старухе. Нет и хозяйства, дела, в котором незаметнее бы время бежало. «Женщине, привыкшей всю жизнь вести хозяйство и кормить семью, труднее переносить одиночество, чем мужчине, особенно если у нее и скота не осталось», — пишет А. Яшин. И поясняет: «Одинокий мужчина много времени тратит на то, чтобы покормить себя, а для женщины это не труд». Стоит ли удивляться, что прибрала Катерина Федосеевна приблудную кошку и все заботы обратила на нее.

Лупп Егорович, в свою очередь, тоже делит свое одиночество с котом, но они давно живут вместе. Они со временем даже «внешне стали походить друг на друга: Лупп Егорович, обзаведясь большой бородой и пышными бровями вроде двух кошачьих хвостов, все больше смахивал на лохматого кота, а пушистый Старый Валенок — на Луппа Егоровича». Вот это «портретное сходство» лучше всего и выражает застарелое одиночество старика. И есть ему приходится старые щи, и спать он ложится нераздетым на печи или на лавке — во всем признаки сиротства чувствуются.

Уже в том, что старые люди остались беспризорными, никому не нужными, видят Александр Яшин неблагополучие в общественных отношениях. И явление он заметил (надо сказать, одним из первых — это потом уже старики, одинокие и многодетные, заполнили прозу) жизненное, характерное для переломной поры. С одной стороны, детям, которые стали городскими, не нужны деревенские старики родители (если только нет потребности в няньке), с другой — и старикам нелегко перестроиться со старого, сельского уклада жизни на новый, городской. Вот и доживают век одиночки.

Оба старика по-своему самобытны. Катерина Федосеевна развитым сознанием не наделена, однако родовые свойства в ее характере проявляются стойко. Заметим, как она ворчит на кошку при первой встрече: «В таком лесу да голодать? Неужто и промыслить ничего не могла?»; «Сама себя прилизать не удосужилась». За ее словами и здравый смысл, и практицизм, и любовь к порядку, и чистоплотность. Строга Федосеевна в морали и недолюбливают соседку Валю, у которой дочь «нагуляна»: «...что угодно она могла простить женщине-солдатке, только не беспутную жизнь». Лупп Егорович — колоритнее, он не только философ — еще и юморист. Послушаем, как на кота он ворчит: «Нет у тебя души, только шерсть одна. И мышей ты лопаешь с шерстью...» — так и нарочно не придумаешь.

С одиночества да тоски и со стенами заговоришь. Припомним, как Иона у А. Чехова (*«Тоска»*) или Африканыч у В. Белова (*«Привычное дело»*) с лошадью разговаривают. А наши старики — с кошкой одиночество делят и беседы ведут. Причем уже в их разговорах заметим мы очевидную разницу. Катерина Федосеевна не привыкла вести беседы на отвлеченные темы, вся ее речь конкретна и комментирует сиюминутные занятия, чаще всего — вокруг угощения кошке (*«Что же это я наделала, глупая? — упрекала себя Катерина Федосеевна. — Угостила соленым салом с го-*

лодухи! От такого угощения ноги протянуть можно). Лупп Егорович, напротив, любит порассуждать, особенно на темы общественные и хозяйственные. Вот тут и сказывается различие в рассказах: если «Подруженька» складывается как нравоучительное произведение, притчеобразно, то «Старый Валенок» — в плане социальной, общественной характеристики героя и среды.

Катерина Федосеевна, привыкшая жить для ближних, и для кошки ничего не жалеет: не только свежую рыбу дает, но и котлетки, в которых себе отказывает, для нее готовит. При этом писатель, явно нагнетая, показывает старания старухи с тем, чтобы острее беспредельность ее привязанности и одиночества передать. А животное настоящей привязанности не знает: Подружка и сбегает от старухи, и нагло ведет себя, не только сытая ворует, но и шкодит. Но что более всего возмущает старуху — это хищная страсть кошки к живности, и все-таки Подружке все прощается. И заметим, если в начале кошка «серенькая, облезлая», «безусая», то потом она «раздобрела, обросла длинной шелковистой шерстью». Лишь старухе к лучшему меняться уже не дано, идет она к своему концу.

«Конец» предсказала еще соседка Валя при виде облезлой кошки на руках Федосеевны: «...А вдруг это смерть твоя?...» И припомнились старухе эти слова, когда привиделся ей сон про мужа-покойника и кошку с котятами. А потом перепугал ее чужой кот, что вслед за Подружкой залез в форточку: увидела Катерина Федосеевна «самого настоящего черного дьявола с холодным лунным огнем в круглых глазах, с рогами вместо ушей». Упала в обморок старуха и заболела, а в забытье тревожит ее Подружка: «...забралась на постель к своей хозяйке, стала ходить по ней, мяукать и чистить и точить на ее груди свои когти». И все равно Катерина Федосеевна не давала кошку в обиду, «внимательно и бесстрастно следила за своей Подружкой, все уже понимала и ни о чем не заговаривала с ней».

Есть нечто мистическое в образе кошки в рассказе Яшина, так что Н. Атаров захотел даже как-то «оправдать» писателя. «Видно, хотел Александр Яковлевич рассказать о страшном одиночестве женщины, привязавшейся к драной кошке,— пишет он,— а со всей искренностью отвращения изобразил ведьму в кошачьем образе»¹. А оправдания вряд ли нужны: то, что в представлениях старой крестьянской среды истолковывается как мистическое проявление судьбы, в рассказе имеет под собою конкретную почву реальности. Не откращиваясь от старых представлений, поскольку за ними мироощущение Катерины Федосеевны, Александр Яшин ведет к мысли вполне здоровой, как обычно в притче: рисуя кошку, художник находит средство создать обобщенный образ одиночества, задушившего старуху. Кстати, соседка Валя в последний раз «застала Подружку на груди Катерины Федосеевны, когда та была уже мертвая». Разумеется, и решила по-своему: «Задушила-таки, подлая!»

У Луппа Егоровича в отношениях с котом драмы не случилось, но сама по себе его старость — драматична. Мало того, что нет рядом близкого человека, но и вокруг не находит стариk человека, который бы к нему прислушался, внял бы его опыту. А он по-своему верно и выгоду общественного хозяйства пони-

¹ Атаров Н. Угощаю рябиной... — «Лит. газ.», 1968, 29 мая.

мает, умеет точно оценивать происходящее. «Равнодушный ты», — упрекает Лупп Егорович кота, понимая в этом большой общественный грех. И прав Ал. Михайлов, отмечая у старика «характер неравнодушный, не смирившийся со старостью»¹. Только вот кота напрасно старик обвиняет: ночью он выполнит свою жизненную норму. И единственная награда старику в этой жизни за его беспокойство, за его неравнодушные — мышь, которую приносит кот, «самую крупную, самую жирную из всех».

В том и другом рассказе на материале быденном в образах людей неприметных решает А. Яшин проблемы социального порядка. Говорит он в полный голос, но без тенденциозности об аномалиях в жизни общества, сочувствуя своим героям и уважая их. Рассказы своеобразно дополняют один другой и, создавая впечатляющий образ одиночества, выявляют гуманизм Александра Яшина, его общественный темперамент.

Уже в тех своих произведениях, которые он писал на деревенском материале, А. Яшин приходит к широкой обобщенности, не замыкаясь в локальных рамках сельского мира. Он одним из первых в творческой практике разбивал надуманное деление литературы по тематическому признаку: городская — сельская, о рабочем классе — о колхозном крестьянстве. Яшин видел, чем живет человек — его современник, умел решать свои художественные задачи на разном материале, а уж какой предпочесть — всегда самому писателю виднее.

Своеобразно открывается нам А. Яшин в повести «Короткое дыхание». Очень он в ней не похож на себя, если судить только по внешним признакам. Знали мы его в прозе раздумчивым лириком и жестковатым реалистом, тяготеющим к пластичной живописности языка. Здесь — обнаженная нагота языка, строго, до предела освобожденного от сравнений и метафор.

Привычный Яшин обнаруживает себя редко в этой повести. Вот собака пригнала зайца к ногам охотника, и тот, нарушив свои исконные обязательства перед верным помощником, выручает косого. Откровенна перекличка с известными нам стихами, в которых размышляет поэт о том, как небрежен еще человек в отношении к природе («Письмо в «Лесную газету», «Не верю, что звери не говорят»). А тут, например: «Медведь пройдет по лесу — ничего без нужды не тронет, человек пройдет — обязательно ударит сапогом по муравейнику, либо гнездо птичье разорит, либо в белку камнем кинет. А ведь он — хозяин земли, царь природы!»

На этом близость и кончается: иной материал потребовал новых форм. Лес, «царство пернатых», в повести — не северная тайга, а Подмосковье, и видится он глазами горожанина-интеллигента Ивана Ксенофонтовича Статыгина. Характер его занимает писателя только с одной стороны. Мы так и не узнаем даже, художник он или архитектор, но поймем до конца его индивидуальность и общественную сущность. Откроется он читателю в отношениях с молодой одинокой женщиной Раисой Райковой. Остальные персонажи или едва намечены (жена Статыгина Полина Васильевна), или только названы. Взаимосвязь двоих определяет

¹ Михайлов Ал. Разбег прозы Александра Яшина.— «Север», 1974, № 9, с. 118.

развитие внутренней идеи повести, а все другое решительно отбросил Яшин — жизнеподобие его мало интересовало.

Итак, случайная встреча. Знакомство несколько необычное, поскольку инициативнее оказывается она, Раиса Райкова. Кандидат химических наук, она увлечена своим делом, но одинока. Может быть, в силу занятости. Еще вероятнее потому, что боится той распущенности, какую отличался ее отец, «солидное лицо» районного масштаба. Однако людей она не дичится, в суждениях прямая. Статыгин же не может преодолеть неловкости. Из-за необычности ли ее характера или потому, что он уже вскоре думал: вдруг она и есть то САМОЕ, чего ему порой не хватает в жизни, то, чего он «ищет всю жизнь»?

Будь это легкий флирт — все было бы проще, но и повесть не представляла бы интереса, не была бы оригинальной. Оба трудно привыкают друг к другу, встречаясь от случая к случаю. Статыгин только временами избавляется от скованности. Она же, через сомнения и резкие смены настроения, проникается к нему доверием. Ей хочется самого обычного женского счастья: любви, домашнего уюта. Но не любой ценой!...

Они в лесу, после охоты. Вдвоем. Но душевного единства не наступает. Сначала она несколько насторожена (ей непривычна обстановка). Потом Статыгина прихватывает приступ астмы. «...Обнимая Раису Михайловну и ощущив крепкий запах ее духов, он вдруг, словно проваливаясь куда-то, судорожно втянул в себя влажный весенний воздух... Что-то схватило его за горло, расперло легкие, словно он обжег их и не может, не в силах сделать вздоха. Нечто подобное с ним уже случалось, но не при таких обстоятельствах, а дома или на службе, которую он не любил, в прокуренном кабинете, из-за какой-нибудь нервной вспышки».

Моменты отчуждения сменяются позже не раз минутами видимого взаимопонимания. В тот раз, в лесу, Раиса рассудила верно: «Все у нас не настоящее, нет естественности в наших отношениях. Все от задания... Нет у нас свободного дыхания, вот и астма». В этих словах конкретизируется смысл повести. Жаль, что принадлежат они Райковой, — этот и подобные моменты рационализируют, сушат ее сложный образ. Но Яшин мастерски пишет прихотливость их отношений, угадывая тончайшие нюансы душевной жизни.

Был еще один миг доверительности: Раиса признается в своей любви — Статыгин скорее напуган, чем обрадован. Она, не замечая этого, мечтает по-девичи о будущем. Большими, лохматыми и очень робкими представляется Статыгин ее любящему взгляду.

«Большой, лохматый и очень робкий Ваня сидел рядом с нею...» Те же слова сказал автор, писатель, — и все открылось со стороны. Она верит в их молчаливое взаимопонимание. Он отчужден и скоро выдаст себя фразой, сказанной некстати. И она — снова суха и резка: «У вас опять астма, Иван Ксенофонтович?!» Здесь, в комнате Раисы, розовое световое пятно абажура на ситцевой ширмочке тревожило, как присутствие постороннего.

Статыгин нигде и никогда не свободен от скованности: «А можно ли чего-то хотеть, о чем-то думать, разговаривать, жить в полную силу, когда человеку не хватает воздуха?» Заметим, что с ним это случается на работе, которую он не любит, дома — к жене он тоже безразличен. И однажды ему еще вспомнилось: «...один человек начинал задыхаться всякий раз, когда обстоятельства за-

ставляли его лгать». Нам нет необходимости видеть Статыгина в каком-то большом гражданском деле. Он везде, во всем окажется так же никчемен, как в любви.

Душевная скованность, несвобода никогда еще не были условием мощного, полного проявления личности, и быть не могут. Мысль эта звучит в «Коротком дыхании» ясно и отчетливо. «Повесть эта,— замечает Ф. Абрамов,— ...характеризует Яшина как знатока человеческой души, незаурядного мастера психологического портре-та¹. Со словами Абрамова не согласиться нельзя, но, думается, смысл повести Александра Яшина «Короткое дыхание» шире, не исчерпывается исследованием одного типа личности. В социально-психологическом плане писатель заговорил о связях и отношениях человека в безмерно высоком городе века научно-технической революции, в городе, в котором старые связи роли не играют, а новые находятся в процессе становления, еще только складываются. В этом смысле А. Яшин своей повестью предвосхищает позднейшие произведения, такие как «Южно-Американский вариант» С. Залыгина, «Пустошель» С. Крутилина, «Сладкая женщина» И. Велембовской.

И в этой повести А. Яшин остается верен себе. Мы узнаем его в нравственной требовательности к людям, в глубоко затаенной усмешливости умного человека, в духовной сосредоточенности. Видимо, работу над повестью Яшин не считал законченной; в самом деле, заметна в ней эскизность, есть непрописанные куски со следами торопливости. И все-таки необычная по манере повесть «Короткое дыхание» дает почувствовать, как значительны и многообразны были возможности Александра Яшина в прозе.

В ЛИРИЧЕСКОМ КЛЮЧЕ

1

В прозе существуют разные формы изложения от первого лица: в одних случаях повествование ведется от безличного «я» (сказ), в других — от лица главного или второстепенного героя, а нередко писатель «не скрывается под маской вымышленного героя или выдуманного рассказчика, а говорит своим языком и в качестве «я» открыто присутствует в своем сочинении»². Как раз этот последний случай мы и наблюдаем в творческой практике Александра Яшина, и он по праву — один из зачинателей лирической прозы, занявшей заметное место в литературе середины 60-х годов. В каждой вещи мы уловим характер лирического «я» в его различных проявлениях, вкусы и пристрастия, даже слабости рассказчика. Цель, которая побуждает вести разговор от первого лица, всякий раз иная, а образ рассказчика, сквозной для многих произведений, уточняется и дополняется постоянно.

Вот самым бесхитростным образом писатель рассказывает о се-

¹ Абрамов Ф. Александр Яшин, поэт и прозаик.— «Нов. мир», 1973, № 4, с. 252.

² Антонов С. От первого лица.— «Нов. мир», 1972, № 10, с. 244.

бе: «Ночью я люблю сидеть один — читать, думать, писать — в совершеннейшей тишине. Гудит в трубе тепло, суматошится метель под окном, а серая молодая кошка мурлычет рядом. Я не терплю кошек за их высокомерие и эгоизм. По-моему, ни к чему она по-настоящему не привыкает и ни на одну кошку никогда нельзя положиться», — и это сразу вводит читателя в повествование (*«Живодер»*, 1962). Рассказчик открывается нам в некосредственной реакции на происходящее — потому ему веришь: он не *«рисуется»*, не стремится выглядеть попривлекательнее. Наблюдает, как кошка играет с мышью, и от сочувствия кошке (*«—Ах, черт! — воскликнул я от огорчения. — Ушла!»*) настроение его переходит во враждебность к ней: он *«готов был пнуть»* кошку, когда та вовсе замутила мышь. Хозяйка, узнав про кошку забаву, и спросонья отреагировала очень определенно: *«— У, тигра окаянная! Живодер! — с ненавистью сказала хозяйка»*. И теперь, в деталях увидев кошку *«забаву»*, автор разделяет это чувство, как бы досадуя на себя, что поддался доброму первому впечатлению. И концовка: *«Я ложусь и засыпаю тревожным сном»* — как бы придает особую значительность случившемуся.

Многосторонне открывается образ рассказчика в цикле миниатюр *«Сладкий остров»* (1960—1962). По словам Василия Белова, подготовившего посмертную публикацию А. Яшина к печати, этот цикл миниатюр со временем должен был оформиться в развернутое и цельное произведение. Впрочем выбор жанра для писателя — не свобода, а необходимость. Материал сам диктует еще в замысле, какая форма лучше выразит мысли и переживания, овладевшие писателем.

Бывает, однако, и так, что к читателю попадает вещь, сложившаяся как бы стихийно: записи ли на ходу, дневник ли, вдруг показавшиеся небезинтересными, имеющими самостоятельное значение. Подобные произведения чаще всего не представляют из себя развернутого повествования, кратки. Мысль в них выражена хотя и в конкретно образной форме, но, в сущности, без опосредующих звеньев. К числу таких вещей в творчестве А. Яшина относятся как раз циклы миниатюр *«Сладкий остров»* и *«Вместе с Пришвирным»*, по сути очень разные. Форма свободных записей от первого лица открывает столько разнообразия, сколько самобытности за личностью рассказчика.

Мы это почувствуем, станем ли читать записи Виктора Бокова *«Над рекой Истермой»* или *«Белки на дорогах»* Юрия Куранова, *«Бухтины вологодские»* Василия Белова или *«Затеси»* Виктора Астафьевса. В этом ряду окажутся и циклы миниатюр Александра Яшина. Несмотря на полную непохожесть, есть в названных произведениях общее напряженное размышление о жизни, о человеке в его отношении к миру и к себе; нравственный накал в них очень силен и обращен к современности. Вот почему о них можно говорить как о явлениях родственных, близких друг другу.

Свои *«Затеси»* Виктор Астафьев определяет как *«свободные, не скованные литературными условностями, рамками жанра, заметки памяти»*, в которых отстаивается то, *«что запало в душу, оставило в ней зарубку»*. Есть в *«Затесях»* ощущение личности самого художника, который даже в случайном умеет разглядеть нечто важное. Его требовательная совесть побуждает по большому счету оценивать жизнь, в каких бы явлениях она не открывалась. Чаще всего это горькие заметки. Это не должно ни удивлять, ни на-

стороживать. Нам открывается в своих горестях человек, глубоко верящий людям, а тот, кто глубоко верит, тот остро и горечь переживает. Так ли живет человек в мире — это, в конечном счете, предмет раздумий писателя. И Виктор Астафьев прав, отказываясь в своих «Затесях» от литературных условностей, веря в силу непосредственного обращения к читателю.

«Бухтины» Василий Белов определяет по Далю как «враки», «побывальщина». Каждая из них завершена в себе, и все они отмечены единством героя и временнюю последовательностью. Писатель с самого начала как бы снимает с себя ответственность за достоверность побывальщин, заботясь только о точности записи со слов пченика Кузьмы Ивановича Баражвостова, колхозного пенсионера. Автор вроде бы сам ироничен к этим рассказням. Но это только внешний прием. Позиция же писателя — в отношении к самому рассказчику. А тут уже нет места для иронии. Напротив, человек, за плечами которого долгая трудовая жизнь и война, немало трудностей и лиха, Кузьма Иванович имеет трезвый взгляд на жизнь и твердые оценки, неназойливые и житейски мудрые. Забавные байки, что рассказывает Баражвостов, за своим скромороществом всегда содержит серьезную информацию и точную, осознанную характеристику отдельных явлений деревенской жизни более чем за тридцатилетний срок. Кстати, вот как поясняет смысл своих бухтин сам Кузьма Иванович: «Умный перед ней душу раскрыл, дураку она сама рот распахивает».

И вот, наконец, свободные записи Александра Яшина.

Человек и тишина. И еще несколько близких людей. И для каждого из них по-своему — это узнавание мира. Каждый из семьи открывается пусть не в самых существенных, но в убедительных своей жизненностью чертах и поступках. Наверное, потому и мысли, может быть, случайно даже наплывшие, обретают значительность.

Привлекателен образ рассказчика, хотя и обрисован в заведомо сниженных тонах. Писатель рассказывает — и его слышишь, даже видишь: он действующее лицо и не рядится в безгрешного, а открывается в ошибках и промахах, в жизненном и интеллектуальном своем опыте — короче, он в любом случае по-человечески интересен.

Вот вдруг услышишь укоризненную интонацию, например, по поводу бесхозяйственности, небрежения народным добром. Рассказывая, как рушатся березовые аллеи, догнивают постройки и растаскивается имущество на острове, писатель замечает: «Все оно не бесхозное, все где-то зарегистрировано, занесено в книги, но бывшим хозяевам оно теперь ни к чему, а передать его тем, кому оно необходимо или может пригодиться, они не удосужились. Вероятно, когда все служебные помещения, жилые дома и прочие постройки догниют, а имущество будет до конца расхищено — все будет просто списано по акту, как непригодное. Так у нас часто водится».

В другом случае писатель размышляет, пускается вдруг в рассуждения и вводит свое отступление в разговорной форме. «Обычная история: сколько ни читаешь, сколько ни слушаешь о чем-нибудь, а когда сам увидишь и испытаешь — оказывается все не так. Северные сияния видали на картинках, все видели, и читали о них много, все читали. А, уверяю вас, они совсем не такие, какими вы их себе представляете. Никакая литература, никакие очевидцы, даже отец родной, не могли мне дать правильного представления о

войне, пока я на ней сам не побывал. Зато, побывав и в огне, и в ледяной воде, я совершенно по-новому стал читать Льва Толстого. Он лучше всех передает состояние человека на войне».

Всегда заметишь усмешливую манеру автора подтрунивать над собой и окружающими. Вот говорит он о себе, отвлекшись, в третьем лице: «Отец, конечно, писать не смог, здесь было слишком хорошо, и это ему мешало. Ему всегда что-нибудь мешало: слишком хорошо — плохо, и слишком плохо — не хорошо». Заметим, с каким юмором воспринимаются неудачи главы семейства на рыбалке и как он старается «поднять себе цену» — в глазах родных. Тут не бахвальство, а усмешливость. И рядом с этим — внимание к душевному миру родных. Чисто человеческое и писательское, от ремесла — одновременно.

Женщина здесь, на острове, примечает все как-то по-новому. И то, что плотвичка в ухе расплывается — слабая, «как сырое желе». И лещ озерный ей лосем кажется — такой он большой, сильный (а ест траву да насекомых).

«— Это надо записать,— говорит папа».

Сын удивляется, «почему папа писатель, а мама не писатель». Папа с ним соглашается, хотя он-то знает, что писатель не рождается из ничего ни идей, ни образов, а возникают они, когда в жизни с чем-то столкнешься, когда свежее человеческое слово услышишь. А писатель должен уметь наблюдать.

И в ребячью жизнь приходит удивительное. Собственное открытие того, что «утром туман не поднимается, а опускается, а затем уходит в воду» (как же иначе, если «из тумана показались сначала верхушки леса»), и еще того, как открываются кувшинки и начинается своя волшебная и непуганая жизнь на озере.

Вот она в реальности,— настоящая сказка, которой, увы, начисто лишены городские ребята. И может быть, не случайно вспоминается Александр Яшину собственное детство, бедное и горькое, но и чем-то неизмеримо более богатое, чем у наших детей. И эту сказку мы поняли благодаря рассказчику, его душевной щедрости, вниманию к людям и окружающему.

Цикл Александра Яшина «Сладкий остров» — как дневниковые записи, зарисовки с натуры Виктора Астафьева, оформленные с более жесткой определенностью «бухтины» Василия Белова — явления жанрово разнообразные. Свободой выражения мысли, раскованностью формы эти писатели близки друг другу. С открытым сердцем идут они к читателю. И, надо полагать, читатель принимает такое доверие, отвечая художнику взаимностью. В том же ряду и цикл «Вместе с Пришвиным», хотя образ рассказчика отступает здесь на второй план, и это его тоже по-своему характеризует.

После Михаила Пришвина осталось богатое рукописное наследство. «На мелких разрозненных листочках из карманных блокнотов бисерным почерком то карандашом, то самопиской занесены мысли, наблюдения, сюжеты, образы. Делалось это в далеких путешествиях, на охоте, на рыбалке, часто на ходу, а то сидя в какой-нибудь колодинке, на пеньке. Бисером — слово к слову, росинка к росинке, птица к птице, травинка к травинке». Так Александр Яшин, близко знавший М. М. Пришвина в его последние годы, пишет в своих записях-воспоминаниях, веря, что «не одно человеческое поколение еще будет благодарно припадать к этой драгоценной живой воде, утолять ею свою духовную жажду, вспоминая добром великого жизнелюбца». Скупые, немногословные страницы яшинских лириче-

ских новелл живо воссоздают образ М. М. Пришвина, помогая понять духовные ценности, оставленные им людям.

На пороге своего пятидесятилетия писал А. Яшин о событиях почти десятилетней давности. О той поре, когда сам он не создал еще ни «Сироты», ни «Совести», а М. Пришвин уже завершал свой жизненный путь. И обращение к образу старого писателя-мудреца не было случайным. У него многому научился сам Александр Яшин: прежде всего — видеть мир внимательными добрыми глазами.

«Так я понимаю природу,— писал М. М. Пришвин,— как зеркало души человека: и зверю, и птице, и траве, и облаку только человек дает свой образ и смысл».

«Очеловечивают» природу люди по-разному. Одни — набираясь от нее добра и красоты. Другие... А. Яшин вспоминает знакомого мужика, который, где бы ни ходил, все вверх глядел, везде «вили» искал и умел находить. Добрый это мужик, работящий, и А. Яшин не издевается над ним, хотя и усмешлив: конечно же, вили в крестьянском хозяйстве нужны. Но он жалеет мужика, как и Пришвин: ничего, кроме вил, мужик не видел, и не открылась ему красота родной земли. А Пришвин, по словам Яшина, «видел и небо, и землю, всю глубину леса с его многочисленностью, и все луговое многотравье, каждое зернышко в колосе, и каждую тычинку в соцветии, и никогда ни к чему живому не был равнодушен».

Это — действительно зрение художника и философа.

«По ощущению природы, по чувству единения с ней пришвинские рассказки близки его же, яшинской, лирике тех лет», — замечает Ал. Михайлов и, безусловно, прав в этом. Однако, когда он утверждает, что «местами изысканная проза пришвинских миниатюр Яшина близка прозе самого Пришвина»¹, — тут несомненна натяжка. Между тем и Николай Атаров отмечает «пришвинскую тональность» в рассказах «Две берлоги» и «Последняя тропинка»². Дело, по-видимому, в том, что и сам Яшин, обращаясь к личности М. Пришвина в своих записях, дает повод для сближения. Тот и другой пишут от «я», в лирической манере, оба любят природу и оба усмешливы, но ведь такого сходства мало, чтобы говорить о близости стилей. Мало ли усмешливых людей, любящих природу и склонных о ней писать «от себя»! А стилевые и жанровые признаки прозы Пришвина и Яшина — разные. Если первый пишет миниатюры философского склада, в строгой замкнутой конструкции, то другой — этюды, в сущности вольные и открытые, не претендующие на философию. Философичность же появляется у Яшина в произведениях эссеистского типа («Угощаю рябиной»), развернутых, но тоже свободных и открытых по отбору материала и его компоновке.

Нет, влияние М. М. Пришвина сказалось на Александре Яшине в другом: старый мудрец помог ему обрести душевную свободу, раскованность, широту духовного зрения, — и это самое благотворное влияние, какое один человек может оказать на другого. Связанный старостью и болезнью, Михаил Михайлович не выходил уже никуда, кроме как на балкон дома в Лаврушинском переулке — последняя тропинка старого писателя. Но и эта тропинка со-

¹ Михайлов Ал. Разбег прозы Александра Яшина. — «Север», 1974, № 9, с. 117.

² Атаров Н. Угощаю рябиной... — «Лит. газ.», 1968, 29 мая.

единяла его с широким многолюдным миром. «С годами,— писал А. Яшин,— я перестал видеть, что она за балконной решеткой кроткая и узкая.

Она—широкая и уходит далеко-далеко, через Дунино и Загорск, через мою Вологду, откуда Пришвин начинал свое первое путешествие в края непуганых птиц, к карельским озерам,— бежит она в приморские дебри, где растет женьшень, к былинному Ките-ж-граду, к животворным родникам Берендея, в гущу народную, к тем, кто работает на земле и в лесах, и сказки сказывает, и песни поет, и на ком вся земля держится,— к людям, к людям...»

У Михаила Пришвина учился постигать красоту родной земли Александр Яшин. Мы у него учимся. Так и передается из поколения в поколение эстафета любви к родине.

Лирические миниатюры Александра Яшина разнообразны по форме, богаты по мысли, по настроениям.

«Свобода», «Творчество», миниатюры из цикла «Сладкий остров» отмечены тонким чувством детской психологии (и цикл этот, вовсе не затевавшийся как детский, не случайно издан книгою для детей). Ваня, который быстро и педагогично нашел способ скормить кашу несоложему разборчивому Мишке; сам Мишка, отстаивающий свою свободу и «тезис»: «...свобода — это когда интересно»; старший брат, подросток Саша — каждый из них запоминается изюминкой в характере, непридуманными суждениями. Разве, к примеру, не интересно, как мальчишка, наблюдая раков, что быстро улептывают по воде от преследователей, замечает: «Это они скорости переключают!» — сразу уловишь, что это городской мальчишка, вернее — нынешний.

Яшину и вообще было дано острое чутье на людей. Наверное, потому, что сам он отличался большой доброжелательностью. Ему не приходится приукрашивать своих героев — они нам симпатичны и сами по себе. А ведь писатель всегда верен натуре. Так, к слову, в рассказе «Две берлоги» я знаю каждого из героев — Воронина Николая Михайловича и Сорокина Павла Евгеньевича, Каплина Вадима Николаевича и Сажина Валентина Степановича — каждый открывается в рассказе характерно и точно. Узнаю я и многих из «Вологодской свадьбы» — та же правдивость, а в очерковом роде нелегко уживаются документальная точность характеристики и высокая художественность.

Лучшие свойства произведений Александра Яшина, написанных от первого лица, нашли отражение в его очерке «Вологодская свадьба» и рассказе «Угощаю рябиной», в которых лирическая настроенность уживается с публицистической направленностью.

2

Посылая в районную библиотеку Никольска номер журнала «Новый мир» (ноябрь, 1962) с очерком «Вологодская свадьба», Александр Яшин писал: «Прошу не класть под сукно, а пустить по рукам. Пусть читают мои друзья-земляки. Только не ищите прямых параллелей, чтобы не было никаких обид на меня». Разумеется, знал он, что могут некоторые прочитать, принимая написанное в свой адрес,— таким случаям в практике писательской числа нет! Знал, что касался многих острых проблем — этого ли ему бояться: писатель не имел привычки закрывать глаза на действи-

тельность... Но такого резонанса, какой получился, А. Яшин, конечно, ожидать не мог. Тем более многим уже — и это он знал — очерк понравился: блеском языка, колоритностью характеров, в сущности, и намеченных бегло, гибкостью в отражении жизненных противоречий. Смог же оценить очерк А. Т. Твардовский, а уж он ли не знал деревни!

Писали о свадебных обычаях и в бытние времена, даже и о вологодской свадьбе — скажем, за сто лет до Яшина в «Библиотеке для чтения»¹, — но иначе, совсем иначе... Очерк Александрова — этнографический по характеру и написан с позиции стороннего наблюдателя. Желая народу добра — просвещения и культуры, автор видел в нем, в народе, одно невежество. В известной мере он был прав — как сторонний наблюдатель. Теперь все то, что тревожило Александрова, быльем поросло: даже проблема отношения к старинным обрядам — и та по-иному рассматривается...

Крестьянский сын, писатель Александр Яшин гораздо глубже понимает жизненные явления в их взаимосвязи, чем журналист-этнограф Александров. А главное, несоизмеримы идеалы, к которым стремился каждый из них. Просветитель-демократ удовлетворился бы и элементарной грамотностью крестьян — в те времена и это было недостижимо. Советский писатель в пору, когда уже давно завершилась культурная революция, может ратовать за освоение новых перспектив, за безграничные возможности роста материального и культурного уровня своих земляков — отсюда и прямая партийная постановка многих жизненных проблем.

Но случилось так, что прямоты Яшина кое-кто принять не хотел. Нашлись домашние — из Никольска и Вологды — хулители, которых поддержали некоторые критики в столице. Писателю были предъявлены претензии с точки зрения общественной в том, что он якобы искаженно, «через черные очки» увидел жизнь. Александр Яшин тяжело переживал, что оказался непонятным, и в письме К. Коничеву, например, писал: «Мне бы хотелось, чтобы все вы, мои товарищи, знающие деревню, смогли сказать, что конечно никакого вреда, злого умысла, нанести своим землякам я не хотел и не хочу...»².

Дело прошлое, но уже спустя лет восемь А. Макаров писал: «Не могу и никогда не смогу понять, как исхитрились усмотреть в этом рассказе чуть ли не искажение действительности и духовную ништу деревенского люда»³. А в общем-то все не так уж и просто: споры, несмотря на издержки, были не беспочвенны. Макаров тут не учитывает новизны «Вологодской свадьбы»: Яшин ломал привычные представления современников о деревне той поры и о пределах реализма и условности при создании характера героя. Это теперь, когда «болевой порог» преодолен нашей литературой, все представляется простым и ясным.

Свое повествование Александр Яшин ведет от первого лица как свидетель и очевидец, репортажно — по порядку событий. И прав Ал. Михайлов, когда пишет, что в «Вологодской свадьбе», «с ее сочными, красочными, живописно яркими картинами северного

¹ Александров В. Вологодская свадьба.— «Библиотека для чтения», 1863, № 5.

² ЦГАЛИ, ф. 2290, д. 52, оп. 1, л. 1.

³ Макаров А. Критик и писатель. М., «Сов. писатель», 1974, с. 270.

быта, эпический повествователь равноправно соперничает с Яшиным-лириком¹. Лирическое начало в очерке оказывается очень значительно и прежде всего в том, что образ рассказчика вполне завершен и самостоятелен, более того, он и формирует в конечном счете звучание записок.

Рассказчик с интересом приглядывается ко всему, без какого бы то ни было предубеждения; порою спрашивает или поясняет сам, однако, передавая речи других героев, не старается выдать их за свое мнение — сами, мол, разберитесь. Это и дает А. Яшину возможность, не нарушая логики художественного повествования, на сравнительно небольшой очерковой площади поднять целый комплекс острых и актуальных социальных проблем. Так публицистическое начало находит себя в лирическом, а в эпическом — утверждается, получает объективное подтверждение.

Уже зacin «Вологодской свадьбы» интригует. Выходят из самолета люди, но не чемоданы у них в руках с наклейками «Интуриста», а у кого фанерный баул и туесок, «наверное, с рыжиками», у кого «берестяной заплечный пестерь» с привязанной к нему парой «новеньких лаптей с липовыми оборами». К чему бы лапти? Да и пестери? — с такими «ходят на сенокосы, на дальнюю охоту, на лесные промысла» ...А тут еще и колоритная сценка.

«На старика ворчит пилот:

— Весь самолет мне закровенил. Что у тебя течет из пестеря, отец? Мясо, что ли?

— Журавлиха, не мясо. Растворяла окаянная!

Журавлиха — клюква, старик везет ее кому-то в подарок».

Авиация прочно вошла в быт, и это радует писателя, но люди везут привычные свои «товары»: клюкву, рыжики и даже лапти «для баловства» — ничем другим примечательным своих городских родственников они удивить и порадовать не могут (не цифрами же районных достижений!). И так изо всех сил стараются деревенские обитатели жить «по-городскому», а что же из этого выходит? Обратите внимание, избу невесты (впрочем и избу жениха в другой деревне) украшают плакаты с нелепыми стихами да картина, написанная молодым зоотехником: ненаглядную Елену увозит Иван-царевич на сером волке, похожем на лису. Писатель не скрывает иронии к этой мазне, которая вызывает восторг хозяйств. Что же она? Старая красота в резьбе и оригинальных нарядных вышивках исчезает к вящей радости наших ревнителей нового, а высокая городская культура требует развитого книжного эстетического вкуса. Но где же его взять деревенской женщине? Вот и появляется «царевич...» В духовной жизни не может быть вакуума, а, так сказать, освободившиеся места быстро заполняются, раньше всего — явлениями псевдокультуры, мещанского вкуса.

Значит ли это, что раньше все хорошо было? Нет, А. Яшин так не считает, и судьба невестиной матери Марии Герасимовны тому подтверждение. Семеро из одиннадцати детей у нее умерли до года. «Работала, себя не жалела, — поясняет женщина. — Ни одного ребенка до дому не донесла, то на поле родишь, то на пожне, а бывало, что и на дорогу вываливались». Теперь такое ушло в прошлое, и крестьянская трудовая каторга уже не имеет места. Не потому ли сундук матери, «который когда-то был доверху на-

¹ Михайлов Ал. Спешите делать добрые дела.— «Лит. газ.», 1973, 4 апр.

бит ее собственным приданым», теперь, несмотря на старания для дочери, «оставался наполовину пустым»? Думаю, не потому. Если раньше девушка приданое заготовляла чуть ли не на всю свою будущую жизнь, то теперь в этом нет необходимости — мода изменила, а за ней и деревня нынче следит...

Вот в таких тонких нюансах и отражается различие старого и нового в быту, и надо быть знатоком деревни и чутким художником, чтобы разобраться в этих сложностях. По-своему отражаются перемены и на свадебном обряде. Заметим, что о том, как провести свадьбу, никто толком и не задумывался: поэтическая сторона обряда интересует людей мало. Но стоило завести речь об этом — и полились воспоминания, и свадьба без чьих-либо особых усилий обретает черты старого обряда. Почему? Это поясняет опять же мать невесты: «Только ведь что в сельсовете? Расписались — и дело с концом. Никакой красоты». А красоты людям хочется.

И полились частушки, потом «печальные, волокнистые» песни. Не собиралась невеста плакать и все-таки всплакнула, и всерьез, а что в том плохого? Разве не грустно оставлять мать, родной дом, наконец, подружек? Пусть невеста поплачет, потом тоньше оценит заботу и ласку свекрови и сама к ней внимательнее станет. Правда, замечает А. Яшин, старые песни теперь редко кто знает, и даже причитальница Наталья Семеновна «мало, должно быть, верила... что содержание старинного причита понятно всем нынешним». Был на свадьбе и дружка, и сыпал шуточки, и горшки бил и... Но все-таки совершилась свадьба не по старому уставу, а в произвольном сочетании старого и нового. Старые обычай блости уже некому, да и проявлением серости они многим кажутся, до того ли... А на заморенных колхозных лошадках (в ту пору страшная бескормица была) за пятьдесят верст гостей не повезешь — вот и доставляют жениха к невесте на самосвале и таким же образом увозят гостей. «В полях было по-ночному тихо, а когда наши врывались в лесную чащу, вся она начинала шуметь и гудеть, наполняясь свистом шин и завыванием моторов». Поневоле вместе с Яшиным пожалеешь: «До чего же все-таки не хватает колокольчиков!»

Конечно, А. Яшин видел, что народ живет лучше из года в год, но понимал, что изменения идут далеко не с веком наравне (даже теперь, спустя полтора десятилетия, когда цифры роста экономики еще поднялись). Никольский район остается отсталым, как и многие глубинные), и проблемы, поднятые писателем, актуальны до сих пор. Вот, скажем, А. Яшин пишет, что «раньше, на конных подводах, можно было рассчитывать время довольно уверенно, теперь же дороги разбиты настолько, что в весенне-осенние распутицы, а зимой в метели и снегопады движение по тракту надолго прекращается вовсе». Вот вам в одном узле старое и новое: на смену лошади пришли автомашины, но если грунтовые дороги выдерживали гужевой транспорт и поддерживались, то машинами они были разбиты в два-три года. Кстати, ныне дороги получше, но остаются проблемой из проблем. Или другое: шофер лесопункта Василий Прокопьевич возмущается: «Почему для одних шоферов запчасти есть, а для других нет? И почему все надо доставать, а не получать, не покупать?» Вопрос и теперь не снят с повестки дня не только для лесников, но и для тружеников колхозов и совхозов...

А. Яшин не праздным наблюдателем ездил в родные места, но

внимательно слушал людей, приглядывался к их жизни, сопоставлял — он знал действительное положение вещей и умел делать из них точные социальные выводы. Вот упрекнули его, что пьяница многое он увидел, а куда от этого уйдешь? Или, опять же, фраза, смущившая многих, что молодые «обременены семилетним и восьмилетним образованием». Да, обременены: они уже не могут, как некогда их неграмотные родители, собираться прядь и плясать, на посиделки — льна своего нет да и «низко» им это... Общение в отдыхе стало редкостью, а потребность в нем есть. Старые формы общения не устраивают, а новых не найдено. В этом смысле образование оказалось «бременем» — за ним пока еще только полукультура, и это опять неизбежность переломного периода от старого к новому.

Упрекали А. Яшина в любовании стариной, казалось бы, и не без оснований. Теперь Ф. Кузнецов, опровергая эти обвинения, справедливо утверждает, что не к старому, а к новому звал писатель, что вся его боль — сегодняшние нужды земляков. Но думается, сами по себе узки обе эти точки зрения. «И можно ли вспомнить в истории пример, когда бы иллюзия — пусть благородная, возвышенная, сентиментальная — переборола действительность?»¹ — пишет Ф. Кузнецов. В том-то и дело, что нравственные и — шире — духовные ценности, накопленные народом в веках, не иллюзия. И не надо реставрировать прошлое (на практике это невозможно, а если и удается, то лишь средствами художественными), лишь уважай традиции своего народа, и на новой социалистической почве они дадут (и уже дали!) мощные здоровые ростки. Ведь общеизвестно же: без опоры на старую культуру новой, подлинной, не создать...

Сегодняшние нужды земляков и пути их духовного развития ясно представляет себе А. Яшин в их диалектической взаимозависимости и показывает, как противоречивость времени отражается в характерах людей. Писал Александр Яшин о людях с добрым сочувствием и пониманием, с любовью к ним писал. «Настоящая, сильная любовь не обтекаема, а угловата, — верно замечает К. Симонов. — Об ее можно порой и ушибиться, но только такая любовь учит человека быть человеком и, свято веря в победу добра над злом, именно в силу этой веры никогда не проходить равнодушно мимо зла, большого или малого»². Вот это надо было понять...

Разноликой, пестрой вереницей проходят перед нами персонажи «Вологодской свадьбы», чаще всего отдельным штрихом — портретной деталью, попутно высказанным мнением окружающих, непосредственной репликой в разговоре; очень немногие показаны обстоятельно. Но каждый запоминается своей характерностью. Вот дружка на свадьбе, Григорий Кириллович: «бывалый человек, с неуемным озорным характером, прошедший во время войны многие страны Западной Европы как освободитель, он сохранил в памяти бесчисленное количество присловий и прибауток из старинного дружинного багажа и не пренебрегал ими». Дядя жениха, тысяцкий — «здравенный, высоченный, он словно бы стеснялся своего

¹ Кузнецов Ф. Самая кровная связь. М., «Просвещение», 1977, с. 50.

² Симонов К. Об Александре Яшине.— В кн: «А. Яшин», избр. в 2-х т., т. 1, М., «Худож. лит.», 1972, с. 9.

роста и своей могущности» — ведет себя «сдержанно, с достоинством»; он когда-то был в Сушилове председателем колхоза, «каждое его слово здесь и поныне должно быть, конечно, дороже золота». Таков же отец жениха. А братаны — двоюродные братья невесты — все разные: один «бунтарь по натуре», другой — «веселый да легкомысленный», а третий — «вторит то одному, то другому», но каждый знает в жизни свое дело и за него печется. А вот другого образца тип — директор льнозавода, этот весь начальствующий, в любой реплике, как это часто бывает с руководителями невысокого масштаба...

В нелестных тонах изображен жених Петр Петрович. И дело не в том, что он видится «несообразно высоким и худосочным» — в деревне так прямо и определят, искать «деликатных» слов не станут: ведь пройдет несколько лет, и, не спейся Петр Петрович, станет он таким же могутным, как его отец и дяди. Обычное дело. А вот пьет он не в меру и в кураже неприятен — этого А. Яшин не скрывает, да и зачем? Тем более, пьет не он один, что не считается очень-то уж предосудительным. Пьет — значит, деньги есть, живет хорошо. И так с точки зрения «статистической» рассудить можно. Но пьянство, как это вытекает из художественной логики очерка, как раз одно из следствий полукультуры, переходного состояния из одного уклада в другой.

А вот невеста Галя и мать ее Мария Герасимовна выписаны с любовью. Нет, любовь не застит глаза А. Яшина, он отметит необидно, что к замужеству Галя «не стала выше ростом, не стала пригляднее, осанистей или, как здесь говорят, становитея». Она в деревне, тем не менее, одна из лучших невест, поскольку корнем «из очень работающего рода, а уважение к такому наследству живет в крестьянах и поныне». Отметит писатель в ее характере и неуемность, и застенчивость, и своеобразное чувство собственного достоинства. И мать ее — работающая, чистоплотная крестьянка, которая знала не только работать да детей рожать — ценит она людской суд, и для нее важно, «чтобы все было по-хорошему», и сумела она вдовой детей вырастить («муж-то на войне остался, смертью храбрых») и общественные дела не забывать. «Да меня еще в депутаты не по одному году посыпали, тоже угомону не было», — вспоминает она.

Примечательны в очерке массовые сцены, когда гул голосов стоит в застолье, и обобщенные картины, которые, кажется, с легкостью набрасывает писатель. Тут и меткие замечания, на кого как хмель действует, и любопытные наблюдения над разнообразием типов сельских хвастунов, и уважительное чувство к правдоискателям, что ратуют «за справедливость, за счастье для всех». С удивительной симпатией приглядывается писатель к женщинам, которые способны на незаметное самопожертвование в любви, но и отваживаются на смелую самостоятельность поступков. Так, иные, избавившись от мужа-пьяницы, распрямляются, «и в колхозе всем равны, и дома сами себе хозяйки, они и погулять и поозоровать не прочь». И динамические картины всякий раз точно подтверждают наблюдения автора. А «любой пир, — замечает А. Яшин, — прежде всего, люди. Человеческие характеры легко и свободно раскрываются на пиру». Вот так легко и свободно раскрылись характеры и в очерке «Бологодская свадьба».

Эту свободу художника вполне оценил критик Александр Макаров. «Люд как люд, очень живой, болеющий не за свой тын и

палисад, а за государственный лес да колхозный лен, за свое советское хозяйство, даже когда, казалось бы, только гулять да веселиться, тем более что браги, наверное, хоть залейся. Русский люд и советские характеры, которые тем дороги, что свою хозяйственную боль не ограничивают вынесением ее на собрания, личное с общественным не делят»¹. Жизнь этих людей и рисует А. Яшин.

3

Память о детстве, наверное, дорога по-своему каждому человеку, а если он к тому же и писатель, то и черпает полными пригоршнями из этого вечного источника. Александр Яшин — сельский по своим корням человек, а книжкам о деревенском детстве несть числа, начиная с непревзойденно тонкого и поэтического «Детства Никиты» А. Н. Толстого. И одних только воспоминаний о трудном или светлом в жизни крестьянского мальчика теперь уже мало, чтоб добиться оригинальности, — нужна какая-то общая глубокая мысль, которая бы и организовала повествование о давно минувшем. Впечатления, вынесенные Александром Яшиным из поры детства и юности, переосмыслиенные зрелым социальным опытом, определили в конечном счете позицию художника, отразившуюся так или иначе в каждом из его произведений прозы и поэзии.

Возможность детских впечатлений впервые проявилась в миниатюре «Проводы солдата» (1954) в светлой торжественной картине, наполненной солнцем. В такой день уходил на войну отец двухлетнего мальчишки. Что же он, ребенок, мог помнить?..

А представлял он и отца, большого и сильного, и односельчан, и тройку лошадей, что унесла солдата навстречу неведомой еще смерти. Представлял широкую улицу, изгородь возле поля, и ворота, и золотые березки у околицы: «Когда тройка на полном скаку подлетела к воротам, березки вдруг вспыхнули». Вспыхнули и ворота, но кони перенесли пролетку через огонь...»

Позже, уже писателем, нашел Яшин объяснение своим «воспоминаниям»: старый граммофон с пластинкой о проводах солдата да бешеный скач тройки, только не отцовской, а колхозного конюха Петра Сергеевича — вот из чего зародилось причудливое видение. А оформилось оно под влиянием рассказов деревенских старушек, в чьих воспоминаниях отец мальчишки «выглядел всегда только хорошим, и не просто хорошим, а необыкновенным. Он был силен и смел, весел и добр, справедлив и приветлив со всеми».

В том же 1954 году написал А. Яшин еще одну миниатюру — «Журавли». Улетают журавли, и вдруг «нарушился их строй, сбились птицы в кучу, заходили кругами», и припомнились слова, знакомые с детства:

Клин, клин журавлин!
Путь-дорога,
Путь-дорога! —

и выровнялся строй, и «благодарные, полетели птицы все дальше и дальше под ясным солнцем родного края».

Припомнились не только эти «магические слова», но славное время деревенской осени, «когда с полей убирали хлеб, поля ста-

¹ Макаров А. Критик и писатель. М., «Сов. писатель», 1974, с. 270.

новились шире и светлее, чем прежде, горизонт отодвигался кудато в даль». Перелет птиц — праздник для детей, и, как водится на празднике, звучали такие вот традиционные слова. Были и другие, озорные, что могли сбить клин, но это всегда вызывало неудовольствие взрослых: кто-нибудь «давал подзатыльник озорнику, и хорошие чувства брали верх в детской душе».

Как видим, и сиротское детство мальчика, не помнившего отца своего, оставило неизгладимо яркий след в памяти. «Были в детстве моем и праздники, и весна не одна, и не одна золотая осень. Много было всего. Были и свои журавли в небе», — вспоминает Александр Яшин. Только миниатюры «Проводы солдата» и «Журавли» остались единственными в своем роде — по пути создания истории своего детства писатель не пошел. Лишь несколько позже воспоминания о проводах солдата он «подарили» милому его сердцу герою повести «Сирота» — Шурке Мамыкину. Но это эпизод, не более.

Представления А. Яшина о деревне, о роли природы и сельского труда в нравственном воспитании человека своеобразно преломились в рассказе «Угощаю рябиной». В нем, по верному замечанию Ф. Кузнецова, «А. Яшин, пожалуй, первым в нашей литературе поставил с такой остротой этот вопрос большого философского звучания: о противоречии между человеком и природой в век научно-технической революции, о путях разрешения этого противоречия»¹. Отдельные же суждения А. Яшина по этой проблеме встречаются и в других произведениях.

Сам по себе рассказ Яшина многим представился неожиданностью. Ведь тогда не были еще известны лирические циклы писателя, а знали его как прозаика по «Рычагам», «Сироте», «Волгоградской свадьбе», в которых преобладала жесткая манера объективного повествования. А тут, как отметил еще И. Козлов, «многое решено средствами поэзии»², и Яшин заявил себя как лирик в прозе, склонный к рассуждению с читателем, к медитации. Повествование ведет он вольно и раскованно, казалось бы, даже с одного на другое перескакивает без очевидной необходимости, полагаясь лишь на общее впечатление.

В самом деле, общее впечатление для А. Яшина чрезвычайно важно, потому-то создается оно писателем не стихийно, а вполне целенаправленно. Наверное, этот рассказ впервые в нашей прозе в емкой форме сконцентрировал художественную мысль о родовых корнях целого поколения советских людей, шагнувших за полвека из деревни в город. И писатель, сам — один из многих деревенских выходцев, размышляет об этом явлении страстно и напряженно, припоминая былое и вглядываясь в лица современников, вслушиваясь в их слова.

Есть в рассказе свой внутренний сюжет, сюжет мысли, развивающийся от внешнего, в общем-то непримечательного случая: писатель нашел на дачном чердаке забытые гроздья мороженой рябины и приносит их друзьям-писателям, предлагает своим детям. Внешний сюжет этим и исчерпывается, но отбор персонажей — что очень важно — предопределен. И начинается диспут, без открытых

¹ Кузнецов Ф. За все в ответе. М., «Сов. писатель», 1975, с. 88.

² Козлов И. Дни нашей жизни. — «Наш современник», 1966, № 2, с. 104.

споров правда, но с очевидной противоположностью взглядов. Оказалось, что скромный повод — ветка рябины — дает возможность поднять целый комплекс сложных, взаимосвязанных друг с другом социальных проблем.

Отметим, что рассказчик стремится точно передать суждения своих друзей и близких, но от оценок их уклоняется, лишь время от времени комментируя высказывания, и то в объективной манере. В одном случае, скажем, отмечается жест, в другом — делается ссылка на род занятий участников диспута. Привлекательныдержанность А. Яшина, его терпимость к инакомыслящим. По поводу бесконечных вопросов одного любопытного он пишет: «...вправе ли я был ожидать и тем более требовать, чтобы и этот мой товарищ, у которого свой круг жизненных интересов, отличный от моего, но одинаково важный и нужный, чтобы и он смотрел на свою рябину так же, как я на нее смотрю? Не было у меня такого права...» Лишь очень редко послышится легкая ирония А. Яшина, да интонация иногда поднимется в сдержанном лирическом пафосе.

Понятно, хотя автор-повествователь при всех разговорах старается уйти в тень, что его роль — ведущая. Он рассказывает о себе и своих детях, делится воспоминаниями, соображениями по тому или иному поводу. Так и складывается своеобразная вещь, сочетающая в себе диспут, исповедь и элегию воспоминаний, и в то же время цельная по композиции и единая по художественной мысли.

Итак, найдя гроздья мороженой рябины, рассказчик радуется, что может доставить своим детям удовольствие, но и задумывается о той разнице, что есть между ним и детьми. «Я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани», — пишет А. Яшин, — а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина». Да, не понимают дети, как можно отдыхать в этой северной глуши с комарами; не прельстят их запах унавоженных полей и соломы — не напомнит он им о свежеиспеченном хлебе. А для отца остаются близки и понятны все заботы односельчан, их тревоги и трудности. «Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется», — признается писатель. И приходит он к невеселому выводу: «Разные мы люди, из разного теста сделаны и, должно быть, по-разному смотрим на мир, на землю, на небо».

Грустновато. А впрочем, может быть, Яшин преувеличивает?.. Скорее всего, нет — даже в пределах одного поколения эта разница весьма заметна. Городской книжный понятия не имеет ни о рябине, ни о сельской жизни вообще. Немолодая дама, печатающаяся в газетах очерки на морально-бытовые темы, приняла с восторгом и бережностью кисти рябины, «как если бы это был сигнальный экземпляр ее новой книги», и «тут же опустила в стакан с водой! В одном жесте себя выдала — все-таки они не живые, давно заморожены. А один из бойких знакомцев даже попросил продать все оптом или поменять... Никого из них и словом рассказчик не обидел, каждого понял.

Кое в ком рассказчик нашел и взаимопонимание. «Автор котхозных романов» со знанием дела брал рябину в руки и припоминал немало того, что с ней связано. «Чисто практически» подошла к делу гардеробщица Поля: «— Я вот заморю эту веточку по-нашему, по рязанскому, да чаек заварю, побалуюсь, молодое житье вспомню...»

Для большинства, как видим, ветка рябины — чуть ли не музейный экспонат из далекого и чужого мира, от которого современность отделена непроходимой гранью. Проясняет эту грань еще один из товарищей рассказчика, и автор, надо полагать, разделяет его представления. Вспоминая деревенское детство, этот «грузный литератор» с седыми усами толкует о естественности тяги человека к природе.

«— За чем же дело стало? — спросили его не без упрека сразу в несколько голосов. — Ехали бы в деревню, жили бы на подножном корму, примеров немало.

— Э, молодые люди! Вы, кажется, злитесь? А рассуждали, наверное, о союзе с природой, о том, что она смягчает нравы? Дело простое: сначала нужен был институт, затем потребовались издательства, журналы... Затем городская жена появилась... Сейчас, к сожалению, я уже не могу спать на сеновале и носить воду с колодца. Вот в будущем, на которое мы сейчас работаем, должна наступить гармония между городом и лесом. Зеленоград! Для меня это звучит, как, наверное, для первых русских революционеров звучало слово «социализм»...»

Тут, собственно, прямо изложена проблема и в констатирующей, и в постановляющей частях. «Постановляющая» слишком обща, но каждый может искать при желании свой путь. Для А. Яшина таким путем и становится художественное слово, которое многим поможет найти необходимое жизненное равновесие.

Сознавая, что его «страхи преувеличены, может быть», Александр Яшин все-таки считает, что дети мало общаются с деревней и природой, «они, вероятно, что-то теряют из-за этого, что-то незримое, хорошее проходит мимо их души». Вот потому писатель старается «постоять перед ними за свою сельскую родословную» и, обобщая, пишет: «Мне думается, что жизнь заодно с природой, любовное участие в ее трудах и преображениях делают человека проще, мягче и добре. Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека».

Знанием, добытым в жизни «заодно с природой», писатель щедро делится в своем рассказе. Воспоминания его убедительны в своей поэтической конкретности: «По утрам я будто слышу, как скрипят колодезные журавли на моей неширокой улице и холодная прозрачная вода из деревенской бады со звоном льется в оцинкованные ведра. Скрипят ли журавли теперь? Уцелел ли тот колодец вблизи нашей избы, из которого я сам много лет носил воду на коромысле?..» Уже и элегический тон завораживает и... Впрочем А. Яшин не стремится обятье необъятное и рассказать о всех радостях деревенской жизни — все разговоры, воспоминания, суждения идут вокруг рябины.

Вот А. Яшин представляет свой Бобришний угор и делает великолепный набросок пейзажа:

«Осеню, когда похолодает, и по утрам река светла до дна, и лесные опушки просвечивают насквозь, когда на мокрой от росы траве посверкивает паутина, а в ясном, прозрачном воздухе носятся стаи молодых уток, — вдруг из всех перелесков выдвигаются на передний план нарядные, увешанные гроздьями рябины: вот они мы, не проглядите, дескать, не пренебрегайте нашей ягодой, мы щедрые! Ветерок их оглашивает, ерошит сверху донизу, и птицы на каждой ветке жирут, перелетают, как из гостей в гости, с од-

ной золотой вершины на другую, а они стоят себе, чуть покачиваясь, и любуются сами собой...

Хлынет дождь — и засверкает весь речной берег. Стекает вода с рябиновых кистей, капелька за капелькой, ягоды красные, и капли красные; где висела одна ягода — сейчас их две, и обе живые. Чем больше дождя, тем больше ягод в лесу...

Все, конечно, может примелькаться, ко всему со временем привыкаешь, но такое не заметить трудно. Вскинешь голову и неожиданно для себя, как после долгой отлучки, и словно бы уже не глазами, а каким-то внутренним, духовным зрением увидишь всю эту красоту в удивительно чистом завораживающем сиянии! Увидишь, как в первый раз, все заново, и радуешься за себя, что увидел. Ни наяву, ни во сне этого забыть никогда нельзя».

Да... Потому и сажали рябины под окнами домов. «Автор колхозных романов» вспоминает: «У нас раньше под каждым окном в деревне два или три дерева обязательно росли. Были однотвильные, а то — кустом, от корня в четыре — пять стволов. Весной аромат по всей избе. Что за дом без своего садика под окнами! Мало под окнами, у нас даже за двором, на участке, где-нибудь около гумна отводили уголок для деревьев. Черемуху на участке обычно не сажали, от нее заразы много, на сладкое, как известно, всякая пакость лезет. А рябину сажали частенько». Верно говорит и хорошо помнит романист — только за гумнами-то, в стороне от избы, и сажали черемухи...

Рябина и в дело шла. «Спелые кисти ее раскладывали на зиму промеж оконных рам, это уже для красоты», — вспоминает, увлекшись, тот же романист. А гардеробщица Поля, грустя, отмечает: «Раньше у нас девки рябиной милых привораживали. Помогало. Я уж отворожила...» И другие знакомцы рассказчика в одно слово повторяют: «Самая бесподобная рябина, конечно, мороженая. Кстати, от угары хорошо помогает» («то ли дело, натуральная целебная сила!»).

А уж с каким удовольствием и вкусом описывает рябину сам Александр Яшин:

«На темном чердаке под самой крышей связки рябины висели, словно березовые веники. Листья на гроздьях посохли, пожухли и свернулись, и сами ягоды, промерзшие за зиму, тоже чуть сморщились, вроде изюма, зато были вкусны. Свежая рябина — та и горьковата, и пересчур кисла, есть ее трудно, так же как раннюю клюкву. Но и клюква и рябина, прихваченные морозом, приобретают ни с чем не сравнимые качества: и от горечи что-то осталось, а все-таки сладко и, главное, никакой оскомины во рту».

Цвет рябиновых ягод тоже за зиму изменился, он стал мягче и богаче по тонам: от коричневого, почти орехового, до янтарного и ярко-желтого...»

Отметил А. Яшин, что о рябине и в песнях поется, что рябину вспоминала на чужбине, «истосковавшись по родине, русская поэтесса» (ей будто «все — равно и все — едино», все безразлично уже, «но если по дороге куст встает, особенно — рябина...»). Вспомнил восторг своего друга-писателя, увидевшего под окном избы на Бобришном светлую красавицу рябину. И земляка-химика, который, любя экзотику Востока, все-таки в знайном Ташкенте бился в попытках «заставить расти у себя под окном простую русскую рябину»... Каждым штрихом, любой деталью бьет А. Яшин в одну точку. Так и создается обобщенный символический образ —

по капельке. А если за одной лишь рябиной столько впечатлений, то как же богат и многообразен мир, который она представляет... «Это же сама Россия!» — воскликнула восторженная очеркистка, принимая кисть рябины. И хоть восторг этот рафинированный, от книжности, А. Яшин не отмахнулся от таких слов. Да, ему тоже — конечно по-иному, глубже — видится за образом рябины сама Россия, по просторам которой тоскуют горожане, высаживая по балконам цветы. Но «горшки и клумбы — разве это природа?» И надеется рассказчик, собираясь к детям с необычным подарком: «Вот угощу — и почувствуют мои птенцы, что значит настоящая природа, настоящая Россия, и мы больше будем понимать друг друга».

Казалось бы, ожидания не обмануты: дети «взялись за рябину сначала недоверчиво», но скоро «набросились на рябину с азартом, съели всю с удовольствием». Чрезвычайно важна концовка рассказа, завершающая и семейную сцену.

«А под конец, когда все успокоились, я услышал один доверительный и добрый голос:

— Папа, разве там, на твоей родине, много такой рябины? Может быть, осенью съездим, наберем, а? Той, вашей!

Только ведь осенью опять в школу надо...»

Грустно сознавать рассказчику, что и весной детям «не до цветов, не до красот природы, не до поездки в деревню... Да и осенью, когда на полях спасает горох, на грядках овощи, а в лесах грибы, брусника, княжая ягода, они, дети, должны быть в городе, за партами, и если что видят, то лишь на торговых лотках.

А все-таки...»

...А все-таки, как бы далеко ни уело время людей от природы, не все надежды утрачены, что ослабевшие связи с нею окрепнут. «Ладно, кушайте, раз по душе пришла! — радуется рассказчик, глядя на детей, уплетающих рябину, не высказав заветное, но желаю его в душе. — И пусть она спасает и вас от любого угаря, наша рябина». Чувство родины благотворно, целительно и — прав Александр Яшин — спасает от ошибок и дурного угаря обманчивых страсти на всех крутых жизненных перепутьях.

Потому-то А. Яшин во многих своих произведениях пишет о природе и родстве человека с нею, о благотворном характере труда на земле. Отсюда и высокое уважение к крестьянским традициям и обычаям. Умели в деревне на истинный путь ребятишек направить, добре в душе укоренить, пойдет ли речь об уважении к родителям (*«Проводы солдата»*, *«Сирота»*), или о бережности к «божьей твари» — зверюшке и птице (*«Журавли»*), или о трудолюбии (*«Сирота»*). Труд — сам по себе воспитатель, а деревенский — вдвойне, и А. Яшин охотно и с интересом пишет обо всем, что связано с трудовыми традициями деревни.

В одной из миниатюр цикла *«Сладкий остров»* А. Яшин по слуху замечает: «Не любил крестьянин покупать то, что сам в своем лесу добывать мог. Каждый старался сделать для себя и сани, и дугу, и оглобли для телеги, и вилы...» Тут же писатель со знанием дела дает подробный, исчерпывающий комментарий: «...надо оглядеть сотни, тысячи березовых вершинок в небе, чтобы обнаружить одну трехрогую, а то и четырехрогую, из которой могут получиться настоящие добротные сенные вилы. И чтобы рога эти были не сучьями, а рогами, расходящимися в стороны на одной

высоте, из одного основания, и чтобы они были приемлемой толщины, и чтобы черенок тоже был не слишком толст и достаточно длинен...» Пояснения интересны не только сами по себе, но и тем, что становится ясно, сколько наблюдательности, сметки и навыков требовалось от крестьянина (от каждого!) в повседневной жизни.

Охотно припоминает Яшин, как спрашивались свадьбы и праздники еще на его веку. С радостью рассказывает он, что, будучи школьником, из райцентра до деревни «пронесся на задке свадебной кошевки целых двадцать четыре километра» («Вологодская свадьба»). Ему помнится, как «пели колокольцы, раззвелись цветные ленты, вплетенные в гривы и хвосты лошадей, сердце замирало от восторга и страха». В том же очерке писатель рассказывает, что сладкие пироги на Севере — такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах, фигурные расписные прясницы и кустарные ткацкие станы, как колокольчики «дар Валдая» под дугой и бубенчики (воркунцы, шаркунцы) на ошейниках у лошадей, и поясняет обычай, сопутствовавший гостье.

Нет, Александр Яшин вовсе не хочет подчеркнуть, что вот раньше все было хорошо, а теперь худо. Он знает, что в целом это не так, но потому-то настойчиво говорит о том ценном из старого, что еще сгодилось бы и теперь, вовсе не мешая новому. Особенно интересны отступления в прошлое в повести «Сирота».

Чем плохи домашней выделки льняные половики? — для этой работы женщины в деревне зимой и ныне сумели бы время выделить. А разве не проще поддерживать осеки, нежели ставить изгороди или содержать пастухов? А ведь заметим, то, что считают теперь одной из форм научной организации труда в содержании коров — сменные пастбища, — знали крестьяне на севере уже многие века. Надо ли от этого отказываться?

Как беспристрастный рассказчик говорит А. Яшин о бытовом укладе и формах организации труда. Объективен писатель, и все-таки заинтересованность его почувствуешь во всем. В том, как дотошно знает он технологию прядения и тканья на дому или устройство земельного удела деревни. В том, наконец, какими словами и с какой интонацией рассказывает писатель.

«Сейчас дивно вспомнить, сколько раньше было самых необыкновенных, простых и хитроумных деревянных запоров у полевых ворот. К установке их крестьяне относились как к искусству. Не признавали никаких железных крючков, никаких ершей и гвоздей — это было бы слишком богато и пересчур непрятательно. Зато изготовление накидных колец, петель и обручей из распаренных виц, всяких березовых задвижек, упоров, заворней, заверток, щеколд требовало выдумки и мастерского владения топором.

Сооружались даже своеобразные автоматические защелки: чуть отогнешь в сторону пружинистую жердочку — и ворота, скрипя деревянной пятой, распахиваются сами, хлопнешь ими — и жердочка становится на свое место, упираясь концом в гнездо обвязки. Не то что корова или лошадь, никакая коза таких ворот не откроет.

Хорошими запорами деревня гордилась, как резными балконами, просмоленными крышами и убранством своей часовни. Это, как и многое другое в те времена, было творчеством».

Не просто исчезает старый бытовой уклад — творчество уходит из крестьянской жизни. Это Александра Яшина тревожит, ведь

быт — одна из сторон жизни, формировавшая веками русский национальный характер, язык народа и его культуру. Вот почему писатель и вспоминает былое, хотя поводы для этого самые рядовые, частные.

После создания «Сироты» А. Яшин в стихотворении «Родные слова» (1962) с тревогой писал о том, что «знакомые с детства слова уходят из обихода», «исчезают, как пестери, как прянницы и веретена». В тревоге писателя нет никакого консерватизма, его легко понять:

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.
Но как отстоять его,
Не растерять
И есть ли такие средства?

Одно из средств А. Яшин нашел в повести «Сирота» — он вводит «родные слова» в свой речевой оборот, умело включая в нейтральный контекст. В одних случаях писатель просто создает с помощью таких слов своеобразную языковую атмосферу, давая их без пояснений. Так, он пишет: «Льняную нить с веретен перематывали на мотовила, делили на чismеницы, на пасмы, готовые моты бучили, отжимали, отбеливали на снегу, красили, если надо было, в разные цвета, растягивали на воробах, перевивали на трубы, сновали, затем уже по ниточке продевали основу в бедра... Господи, чего только не делалось с этим ленком — сейчас и слова-то многие забываться стали». Что из того, что читатель не знает, что такое чismеница или воробы, — ему многое подскажет порядок действий, главное — звучание самобытного, почти забытого слова. В других случаях старые слова поясняются тут же, в контексте; так описывается изба: «за пекаркой — кухня, кое-где ее зовут кутьей... там же вход в подполье, в голбец, — это либо дверь между стеной и печкой, либо западня прямо на середине пола и спуск под пол, как в трюм парохода», а далее, в главной половине «напротив входа — сущий угол, в котором вперемежку с иконами висят портреты разных больших и небольших людей».

При случае А. Яшин охотно припомнит полуза забытые названия блюд русской деревенской кухни. «Знаете ли вы, например, что такое шировега? Шировега — это замешанная с толокном на сладком соусу журавлиха. А журавлиха — клюква. А что такое дежень с простоквашей? Дежень — густо замешанное уже на соленой воде толокно и политое простоквашей. Удивительно вкусная еда, особенно когда за всем этим стоит детство» (рассказ «Две берлоги»).

Старые слова не только освежают словарь прозы Александра Яшина, они дают возможность представить бытовой уклад русской деревни в процессе развития, а кроме того, и понять в какой-то мере образ мышления его героев. Да, понять наших предшественников на земле важно хотя бы для того, чтобы себя-то знать. А старый крестьянский уклад исчезает, если уже не совсем ушел в прошлое. В «Вологодской свадьбе» А. Яшин рассказывает о подарках, какие сделали ему деревенские друзья: «Они облазили немало чердаков и поветей и нашли для меня набор литых поддужных колокольчиков да воркуны-бубенцы на кожаном конском ошейнике.

Скоро таких не будет и на Севере: не на грузовики же, не на самосвалы же свадебные их навешивать!

Подарили мне также резную раскрашенную прясницу столетней, по крайней мере, давности. Такие тоже, наверное, скоро исчезнут с лица земли». Утрачиваются предметы былого бытового обихода, а с ними тысячелетний мир уходит в прошлое. И вот о духовных ценностях, созданных старой русской деревней, Александр Яшин заговорил с полным сознанием проблемы один из первых. Теперь-то об этом уже многие пишут...

*
* *

Над прозой в зрелости А. Яшин работает систематически, а публикуется от случая к случаю, лишь по жесткой внутренней необходимости. Обращается он к самому разному материалу: тут и впечатления, накопленные на Алтае, и судьба русской деревни, и городские типы. Перечитывая военный дневник, 25 августа 1964 года, А. Яшин записал свои мысли об отражении Великой Отечественной войны в литературе — тема эта его тоже тревожила. И в результате начала складываться еще одна повесть, в которой первые готовые главы написаны жестко, со знанием дела и острым пониманием психологии человека на войне...

А замыслов было множество, о чем говорит, например, запись в дневнике 12 ноября 1962 года: «Если бы мне удалось написать то, что задумано, прожито, осмыслено — я искупил бы свою вину перед собой, что слишком долго не брался всерьез за прозу. Слишком долго писал приказчики стихи, в которых не мог уместиться талант — а я ощущал его с детства, с юности, как страшную, разрушительную для самого себя силу.

Если бы только написать, как задумано: «Выскочка», «Слуга народа», «Директива», «Баба-яга», «Для кого строился дом» (роман или целая эпопея), «Стеченье обстоятельств». Наброски некоторых из перечисленных вещей давно есть. Но это пока все только черновики...» Запись, повторяю, 1962 года, и в последующие годы А. Яшин успел многое сделать: большинство из названных вещей если не закончено, то во всяком случае было близко к завершению. Надо полагать, со временем они станут достоянием читателя, и нет сомнения, что роль писателя в развитии современной прозы станет возрастать.

ПОЗДНЯЯ ЛИРИКА

Лирика — это звучащая в слове человеческая душа, и нет необходимости пояснять, насколько полно зависит она от характера и склада личности поэта, — тому найдется немало подтверждений из творческой практики. Человек с глубоким душевным опытом видится нам в последних книгах Александра Яшина — «Совесть» (1961), «Босиком по земле» (1965), «День творенья» (1968).

Яшин-поэт — открытая для людей личность со своим прошлым и настоящим, в отношениях с близкими людьми, в любви и горе, в радости и надежде. Он не делит все сущее на «мое» и «твое», его равно волнует все: все — наше. Общественный темперамент Яшина находит прямой выход — на человека, на сокровенные струны в его душе. В этом, наверное, и заключается непреходящее обаяние его горьких и радостных книг.

Ту характеристность, которую мы теперь хорошо знаем, Александр Яшин обретает во второй половине 50-х годов, начиная с известного цикла «Юг-река». Поэт не был одинок в своих исканиях: вместе с появлением его книг выходят такие своеобразные вещи, как «Лад» (1961) Н. Асеева, «Человек» (1961) Э. Межелайтиса, «Работа и любовь» (1960) Я. Смелякова, «Имеющий в руках цветы» (1962) В. Солоухина, «Знаки земли» (1961) В. Шефнера, «Первородство» (1965) Л. Мартынова, «Узел» (1965) О. Бергольц, новые произведения А. Твардовского, Василия Федорова и других поэтов.

Каждый из них оригинал, и на всех лежит объединяющая их печать, наложенная временем. Пытливость, неуспокоенность — это, наверное, их самое заметное качество, которое с особенной отчетливостью сказывалось в стихах Александра Яшина. Вот почему один из первых рецензентов книги «Совесть» Лев Озеров отмечал: «Я давно не слышал в нашей поэзии таких воспаленных слов. Это не самобичевание. Это тоска по совершенству, святое беспокойство человека, держащего равнение на идеал. Эти слова не пригодятся цинику и покоробят ханжу. Но человеку труда они придутся по душе»¹.

Один и тот же, зрелый уже характер, но не утративший способности развиваться, углубляющийся от книги к книге, открывается читателю-собеседнику, читателю-другу. Именно на такого читателя рассчитывает поэт, он откровенен с ними и требователен, каждого побуждает остро думать о себе. Думать без склонок, бескомпромиссно, потому что сам Александр Яшин о себе думает именно так. И настроение поэта пленяет его читателей. Егор Исаев,

¹ Озеров Л. Работа поэта. М., «Сов. писатель», 1963, с. 287.

например, писал о том радостном впечатлении, которое сложилось у него по прочтении еще в рукописи книги «Босиком по земле»: «Слова так были точны и естественны, что они не останавливали меня, не поражали, а захватывали, втягивали в свою атмосферу. Я жил этими стихами — видел, чувствовал, мыслил, забывая о том, что это стихи»¹.

В лирической трилогии Яшин обретает полную раскованность, глубину дыхания, и свое ощущение внутренней свободы он определяет привычной народной формулой: «я как будто родился заново...» («По своей орбите»). Почему? Да потому, наверное, что к нему пришло зрелое сознание роли поэта в обществе и ощущение силы, необходимой для выполнения своего общественного предназначения.

ПОЭТ И ВРЕМЯ В ЛИРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

1

Поэзия сама по себе становится для Александра Яшина предметом художественного исследования только в зрелые годы, в молодости — лишь однажды. Посвящение «Илье Сельвинскому» (1939) носит явно прикладной характер, и можно говорить лишь о том, как молодой поэт понимал подготовку к большой творческой жизни. «Нет, не лишнее для певца — плечи грузчика, грудь бойца», — пишет он, зная силу и работоспособность своего старшего друга. Отметим и поэтичность натуры А. Яшина, который, рассказывая о морозных узорах на стекле, приходит к неожиданным поэтическим прозрениям:

Дивлюсь на стекло, поднявшись с рассветом,
И не дыша стою перед ним...
Не так ли читаем любимых поэтов:
Находим все,
Что найти хотим.

По-новому осмысливая пути лирического постижения мира, Александр Яшин отражает свои раздумья и в стихе. Однако заметим, в разнообразном лирическом наследии Яшина стихи о поэте и поэзии немногочисленны. Человек откровенный, он все-таки не торопится выплескивать свое сокровенное. Открытый и прямой, он тем не менее считал, что не все следует выносить на обсуждение публики и не обо всем можно сказать даже косвенно. Он знал взлеты и падения, но прямых раздумий о творческой судьбе мы у него не найдем. Там, где речь о себе, поэт предпочитает иронию, шутку. И он, конечно, прав: «искусство писателя состоит в том, чтобы написать о себе и не обнажиться», — замечал М. Пришвин².

¹ Исаев Е. Атмосфера стиха. — «Вопросы литературы», 1967, № 4, с. 69.

² Пришвин М. Записи о творчестве. — В кн.: «Контекст», 1974. М., «Наука», 1975, с. 320.

Чаще всего А. Яшин косвенно, метафорически, вторым планом передает свои мысли, нередко обращаясь к образам милой его сердцу природы. Отсюда ненавязчивость и убедительная сила лирических высказываний поэта, о чем бы он ни писал: о творческом ли своеобразии, о выборе тем или, скажем, и вовсе в «теоретическом плане» — о форме и содержании...

Потрунивая над условностью деления тем на важные и неважные, современные и устаревшие, А. Яшин пишет стихотворение «Соловей» (1966). Вот уж рядом он — всю весну, но писать о нем вроде неловко — и так тыщи лет пишут. А соловью-то что до этого? «Знай себе работает — поет». Так бы и поэту работать и поменьше мучиться над условностью каких бы то ни было ограничений — важно лишь найти свой голос. В пору, когда к стихотворству обращается множество людей, вопрос о своеобразии поэта особенно остр: нет поэта без своего голоса, неважно, силен его голос или негромок. Об этом стихотворение «Родничок» (1958), казалось бы, простенькое и в то же время вовсе не однозначное.

...родник осоки не колышет.
Затенен,
И надо замереть,
Чтоб его среди корней услышать,
Наклониться — чтобы разглядеть.

Но он живой, родничок, и способен утолить жажду, только вот «это чистое звучанье разобрать не каждому дано». Не так ли и в поэзии, в шумном разнобое ее голосов...

Александр Яшин умел гибко и разнообразно пользоваться поэтическим словом и не терпел тех литературных споров, отзывающихся схоластикой, в которых богатство жизненных явлений выхолащивается. Впрочем вот стихотворение «О форме и содержании» (1967), а говорится в нем о полевом цветке с нежным именем «vasilek», что любят в народе, что сам поэт знал с детской поры.

Я их собирал в овсах,
Как звезды,
Как луны синие.
Не раз любовался ими я
У девушек в волосах...
Мне памятны и венки
С их влажным благоуханьем...

Много добрых слов находит поэт по поводу простенького полевого цветка, признаваясь в том, что он «с детства любил васильки». Но... тут голос поэта утратил восторженность, зазвучал сухо и скучно: «но вот довели до сознания, что это же сорняки». И почти скороговоркой заканчивает стихотворение А. Яшин, не желая преодолеть сухости своей речи: «так разрешился вопрос в пользу содержания». А содержательность василька не исчерпывается тем, что он сорняк, — содержательна его прекрасная форма, и это всегда знал народ.

Известный советский писатель-фантаст Иван Ефремов однажды писал: «Когда мы поймем, что васильки и пшеница составляют единство, тогда мы возьмем наследие природы в добрые понимающие ладони». Как видим, тут до сознания «доводится» иная мысль,

очень современная, с точки зрения экологии подкрепляющая традиционное народное представление о васильке. А торопливо решив вопрос в плоской одномерности, не стали ли мы беднее? — об этом побуждает думать А. Яшин всей логикой своего художественного размышления.

Никогда не был склонен А. Яшин раздражаться против «инакомыслящих» в поэзии и все-таки однажды сорвался. Жестким полемическим запалом начинено стихотворение «Ваши успехи» (1964) — к спорам «новаторов» и «традиционистов». Он позволяет себе лишь одно историческое отступление, напоминая те годы, когда

...рифмы своеобычные,
Не в меру лиричное слово
Воспринималось
как неприличие,
А местоимение личное —
Как посагательство на основы.

Храбрость и творческая дерзость задним числом малопочтены, утверждает поэт, говоря об условности деления по признакам новизны стиха. Он не имеет ничего против лесенок и ассонансов (кстати, и сам умеет ими великолепно пользоваться). Поэту важно знать, что «это не сущность», он хочет видеть прочность связей «новаторов» с жизнью народа, со своим поколением.

«клавдаторов» с жизнью народа, со своим поколением.

Интерес к жизни народа, пристальное внимание ко всему, что есть в мире, для Александра Яшина — непременное условие поэтичности. «Рассказ о времени и о себе» — вот что такое стихи поэта, — писал А. Яшин в одной из своих статей. — Для истинного поэта и чистая поэзия существует лишь как поэзия чистой совести, честного сердца, ибо поэта невозможно представить в изоляции от общества, от общественной жизни, тем более в такое время, как наше¹.

Надо уметь ценить то, что мы имеем, зовет поэт и видит, что многие идут по жизни слепыми, ничем не огорчаются и ничему не радуются — безразличные идут. Об этом пишет Яшин в стихотворениях «Почему не удивляемся», «И так всю жизнь».

Для самого А. Яшина, как для всякого подлинного поэта, удивление — источник поэзии, ее начало. Конечно, грустно, если на твоё чувство нет отзыва («И тоскливо мне одному, будто завтра конец всему»), ведь поэт — существо общественное. Но и не встретив немедленного душевного отклика, Яшин умел сохранить в себе радость ощущения новизны бытия, остроту чувств, какой дарит жизнь человека небезразличного. Умел сохранять и верил, что его поймут, и не уставал открывать во всем богатое разнообразие мира, даже в самом обыденном. И в этом обыденном неустанно и тревожно искал и себя и поэзию.

Бот, скажем, запись в дневнике 26 апреля 1958 года: «Эх, дороги! Ехали на рыбалку и не смогли проехать. Мне нужно было делать фильм, «служить искусству», но я человек действия: увлекся работой — машины вытаскивали — и забыл об искусстве, о поэзии, о своей цели. И так всю жизнь. Мне всегда казалось, что есть в жизни что-то важней моей поэзии, есть еще какая-то другая цель, что все еще впереди». А в книге стихов «День творения» все

¹ «Вологодский комсомолец», 1975, 13 июля.

же появилось стихотворение «И так всю жизнь», отмеченное датами: 1959—1968. В нем отразилась дневниковая запись и в деталях дорожного происшествия, и в творческом раздумье. «Гремели цепи, обрывались тросы... Тут было все: и мытарства, и труд, и смех, и грех...» Встав «со всеми вместе наравне в упряжку», поэт забыл про киноаппарат. Только позже пришло понимание, что следовало «не терять минут, снимать, снимать — такие люди рядом!» Увы, то, что рядом, не кажется достойным искусства.

И так всю жизнь.
Не устаем спешить
Куда-то вдаль,
В места большой охоты,
Чтоб где-то там
Какие-то красоты
Запечатлеть,
Воспеть,
Отобразить,

А под боком...
Да что тут говорить!

Впрочем поэт не вполне прав в укоризне себе: отдав дань романтике дальних странствий, он успел многое рассказать о том, что под боком, дома, на родине делается. В неопубликованной автобиографии «О моих корнях» Яшин писал, что он знает «не только северную деревню, но писать больше хочется о тех местах, где я вырос, о своей заблудившейся в лесах деревне Блудново». Мотивы странствования, узнавания новых мест почти уходят теперь из поэзии Александра Яшина, оттесняются страстью углубленного самопознания — это отразилось и в творческом поведении поэта: он подолгу живет у себя на родине. Нет, поэт не бежал сюда от жизни, напротив:

Нет, не в пустынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть —
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь...

«В удивлении от сумятицы буден» поэт надеется «обрести птичье зрение, недоступное людям», верит, что здесь «душе станет ведом говор трав и лягушек...» Заметим, «первое дело», которого требует от поэта его служение, — бросить «заботы суэтного света» для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину¹, — писал А. Блок по поводу стихотворения А. С. Пушкина «Поэт».

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
И широкошумные дубровы.

¹ Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 6. М.—Л., ГИХЛ, 1962, с. 163.

Александр Яшин, как видим, смело приобщается к этой высокой традиции. Он был готов к поэтическому подвигу: итоги подведены, выбор пути сделан. Поэт-коммунист, человек с богатым общественным и боевым опытом, он всегда был активным строителем новой жизни: шел в деревни агитатором за колхозный строй, будучи учителем; словом политработника помогал фронтовым товарищам и сам шел с ними в разведку; не только поэтически осваивал алтайскую целину, но и сел за ручаги трактора... Наконец слово было его главным делом. И в словах для Яшина так же немыслимо лукавить, как в любом деле. В дневнике 29 ноября 1963 года он пишет: «Нет правды и полуправды. Правды большой и правды маленькой. Все складывается из маленьких правд.

Неправда — тоже правда, раз она существует?»

Мысль Яшина пытлива и противоречива. И правда занимает его не сама по себе как абстракция: единой для всех на века правды не существует. Поэт ищет взаимопонимания с людьми, он пристально приглядывается к ним и живет в постоянном борении с собственными муками. «Через тоску, через муку, через смерть, через все препятствия сила творчества выводит одного человека навстречу другому»¹, — писал М. Пришвин. Своей тропинкой на пути к человеку-другу шел и Александр Яшин, всегда предельно искренний в самооценке и праведнически настойчивый в отстаивании своих партийных убеждений.

Атмосфера правды жизни составляет существо творчества Александра Яшина в его последнее десятилетие, проявляясь в большом и малом. Припомним «Исповедь» (1958) — поэту стыдно стало за похвальбу былыми охотничими успехами. Но кто же не знает, что охотники прихвастились любят, чего тут особенно предосудительного и стоит ли оправдываться?

Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытье,
Как верят одни лишь поэты, —
И в том оправданье мое.

«Как верят одни лишь поэты...» А не о другого ли рода заблуждениях помнит поэт, не в них ли оправдывается?.. Я опять ступаю на шаткую стезю субъективных допущений, но «Алену Фомину» А. Яшин писал искренне, лишь после понял свое «забытье». А мог ли он, уважающий себя человек, прямо оправдываться в этом? Вряд ли, а вот косвенно — это в его натуре, когда речь идет о нем самом. И снова на охотничем материале к этой же теме обращается А. Яшин в стихотворении «Медведя мы не убили...» (1965), надо полагать, припоминая историю создания рассказа «Две берлоги» и очерка «Вологодская свадьба», которые принятые были по-разному. «В журнале меня хвалили за правду, за мастерство», — пишет поэт, настойчиво подчеркивая: «медведя мы не убили, не видели даже его», — и приходит к невеселому выводу:

Попробуй теперь скажи,
Что факты недостоверны, —
Тебя ж обвинят во лжи.

¹ Пришвин М. Незабудки, с. 181.

А резонанс «Вологодской свадьбы» был совсем иной: правдивая и точная в любой детали и целой картине, она вызвала острое неудовольствие многих, усомнившихся в правдивости писателя. Вот и поди ж тут!.. Вопрос о пределах правды и формах ее выражения не мог не волновать Александра Яшина, — это один из корневых вопросов творческой деятельности. «Только поэт с кристальной душой может узреть поэзию в окружающих его явлениях, предметах и людях, — пишет Э. Межелайтис. — Суд совести и размышления как бы очищают человека, делают его более ясным, честным, настоящим¹! Но всегда ли доступно поэту быть прямым и честным до конца? Ведь жизненные противоречия сказываются самым неожиданным образом и сами по себе не разрешаются. Спору нет, кое-что зависит от поэта, он может активно влиять на действительность, но опять же, во всем ли и всегда ли? — а половинчатым быть не должен, иначе не сохранит себя как личность. В стихотворении из дневника «Про желтые листья» (1961—1964) А. Яшин вынужден ответить: нет, не во всем и далеко не всегда, и все-таки в нем глубоко, полно и бескомпромиссно выразилась гражданственность позиции поэта:

Я подбираю старательно
слово к слову:
«Речка — овечка — mestечка...
дорогу — логу...»

А сенокосы
по речке Козловке
снова

Снег заметает.
Опять — ни скоту, ни богу...

Стихи, далекие от жизни трудового человека, не удовлетворяют поэта, стыдно писать такие стихи, стыдно уходить от вопросов, которые жизненно важны для односельчан: «Ладно ли?» «Что я могу землякам ответить на это?!» — горько восклицает поэт и будто поникшим голосом отвечает: «Я сочиняю стихи про желтые листья...»

Что же, уходит поэт от вопросов, молчит? А в молчании — гибель поэта, как об этом сильно и убедительно пишет Марк Максимов:

Когда немой молчит, — слышна
его мольба.

Когда труба молчит, — она
еще труба...

И лишь когда молчит поэт, —
поэта нет.

(О молчании)

В пору, когда волюнтаризм особенно остро и болезнно сказывался в жизни деревни, Александр Яшин и не мог ответить иначе: те, кто заявляли свою волю крестьянину, не дали бы и поэту быть

¹ Межелайтис Э. Контрапункт. М., «Известия», 1972, с. 281.

услышану. Важно, что в стихах о желтых листьях поэт не скрыл за удобной благостностью строк суровой правды. Он не мог сказать всего, что его мучило, но и не прятал глаз от жизни, не обманывал своего читателя. Он вполне разделяет тот пафос, который звучит, например, у Виктора Гончарова:

Я ненавижу ретушеров,
Страшнее нету,
Чем их работа —
За деньги правду
Сживать со света...
(Я ненавижу)

Орудя скальпелем, они плач ребенка превращают в улыбку, из негодяя делают родного, «они надеть готовы маску на всю планету». В этих стихах стремление к правде, пусть несколько прямолинейно выраженное, родственно Александру Яшину. Уже самой постановкой проблемы в «стихах из дневника» поэт давал ее позитивное решение, которое вскоре стало пробивать себе дорогу в жизнь. Поэт-гражданин в любое время остается гражданином, если он свято служит поэзии и народу.

Все, что дорого народу, что отражает его жизнь — ценно и для поэзии. Позиция А. Яшина народна по существу — и в формах ее выражения ищет он адекватных средств. Ведь, по его словам, «образный язык писателя есть отражение строя его мышления»¹. Вот почему А. Яшин так настойчиво отстаивает своеобразие народного языка в стихотворении «Родные слова» (1962). В нем не эстетское любование словом, не стремление подобрать словечко пооригинальнее. В старых словах, к которым «приводила мать», отражается и важная грань мироощущения самого поэта, и опыт жизни народа — его бытовой уклад, психология. А как без этого наследства будущим поколениям жить? И нежелание поэта «уступать из вверенного наследства» хоть малую малость оправдано и заслуживает самого высокого уважения.

Ценя духовное наследие крестьянского прошлого, Александр Яшин вместе с тем понимал, что возможностей сохранить его не так уж много, что иной век заметно обновил и речь народа, и поэт не откращивался от новизны в своей речевой практике — все средства хороши ради того, чтобы добиться взаимопонимания с людьми. Таково стихотворение «К тебе обращаюсь, душа моя!» (1964), написанное белым стихом в форме свободных размышлений. Белый стих открывает перед поэтом широкую свободу развития мысли, а поэтическая логика обеспечивает дисциплину свободного стиха. Поэзия повсюду, «как световые лучи и как радиоволны», утверждает поэт и, более того, уверяет, что и стихи, еще никем даже не почувствованные, существуют «как биотики вселенной». Это определяет обязанность поэта быть приемником и пропускать «волны поэзии через свою судьбу, через свою душу». Это под силу поэту, если он не ослеплен своей славой и наградами, если он способен мыслить и страдать. Боясь душевной косности, как заразы, А. Яшин берет на себя миссию, которую определил поэту двадцатый век.

¹. «Вопросы литературы», 1967, № 6, с. 151.

Весь мир — поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:
будь хорошим приемником,
чутким,
многодиапазонным,
всеволновым, как двадцатый век, —
приглушенна одна волна,
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотики людских сердец.

Сам А. Яшин так и поступал: не доходило до ушей и сердец увещевание — он позволял себе издевку, невозможен прямой разговор — он высказывался шуткой. Вот в чем находит объяснение и многообразие его зрелой лирики.

Высока миссия поэта, и как быть ему при выборе нормы жизненного и творческого поведения? Сложный клубок противоречий круто свился в стихотворении «Я обречен на подвиг» (1966). Да, он обречен и «свой удел свободно не в силах изменить» — об этом А. Яшин говорит вполне серьезно и даже чуть торжественно, как заклятье: «...трудный жребий принял как благодать, я о дешевом хлебе не вправе помышлять. Щадить себя не вправе...» Поэт серьезен, отчего споры о доблести и славе ему кажутся никчемными, — ноша высокого долга не оставляет в душе ни просвета, так что «даже погордиться собой охоты нет». Важно сознавать свой удел самому, но для каждого человека существует и поправка на окружающих. И тут, казалось бы, Яшин снижает тему долга — друзей не волнует, какие вериги одел на себя поэт: «Какое дело им, крещусь я троеперстно или крестом иным. Как рыцарь старомодный, я в их глазах смешон» — тут уже не просто безразличие, а оценка отрицательная.

«Да нужен ли мой подвиг? Ко времени ли он?» — с болезненной прямотой поэт формулирует вопрос для себя, но концовка подтверждает, что он «свой удел свободно не в силах изменить», а самоирония становится защитной маской. Пусть и смешон, однако: «Земли не чуя сдуру, восторженно визжа, ползу на амбразуру, клинок в зубах держа».

Тему поэта, обреченного на подвиг, А. Яшин развивает в стихотворении «Рогатый Пегас» (1968).

Уже само по себе намерение древнего поэтического Пегаса заменить коровой, а поэта представить дояром — довольно забавно. Кстати, А. Макаров по поводу строчки «Корова росчерком одним...» в стихотворении Е. Винокурова «Ода линии» как-то заметил: «Почему-то вызывает улыбку, может быть, потому, что самое полезное животное в поэзии не привилось»¹. У Яшина — прививается, он знает, о чем пишет. Сквозная метафора, развертываясь и конкретизируя, говорит о трудностях поэтической работы, но чуть иронически, с улыбкой. Не тая усмешки, А. Яшин последовательно ведет параллель: «То с пеной, со звоном идут слова. То приглушенно, едва, едва... А чуть запустил, нечасто дою, кричат: присущил строку и струю». И нелегкодается труд:

¹ Макаров А. Критик и писатель. М., «Сов. писатель», 1974, с. 65.

Косится,
Бычится
Рогатый Легас.
У бедной сочится
Тоска из глаз.

Всю меру трудности поэтической работы и открывают последние строки: метафорическая тоска имеет вполне реальные причины, их знает поэт, мается ими — но вот говорить об этом всерьез не станет: характер не тот.

Впрочем в стихотворении «Последняя глава» (1967) А. Яшин вполне серьезно говорил о жребии поэта, но, отвлекаясь от деталей своей частной жизни («По своей иль чужой вине так живу, как сквозь строй иду, что ни день — горю в огне»), писал, подводя уже очевидные жизненные итоги. Напряженная насыщенность жизни для поэта — это действительно его ежедневный чернорабочий подвиг и вместе с тем необходимое условие творческой активности. Нет ее — и Александр Яшин в тревоге: он власть этой тревоги испытывал постоянно, всегда.

Что-то мешает
Работать с охотой.
Все не хватает
В жизни чего-то.

Днем не сидится,
Ночью не спится...
Надо на что-то
Большое решиться!..

(Лирическое беспокойство, 1961)

Постоянная неудовлетворенность, вечные ожидания — удел поэта. Его душевная жизнь не знает тайн, открыта читателю-другу. Без этого нет поэзии, и Яшин всегда прям, в каждой своей строке. «Откровенность — черта подлинного таланта, который беспокоится не о том, как бы повыгодней себя подать, а едино о том, чтобы не поступиться в документальности мыслей и чувств»¹, — писал Василий Федоров, делясь раздумьями о поэтическом творчестве. И он безусловно прав. Только при условии полной откровенности (которая вовсе не означает неразборчивость и бесстыдство) поэт может рассчитывать на доверие, и это ясно сознавал Александр Яшин. А принятые с доверием, слова поэта «проявляют неожиданно могущество, — писал А. Блок, — они испытывают человеческие сердца и производят какой-то отбор в грудах человеческого шлака»². Такой силы искал и Александр Яшин, о чем бы ни писал — о природе или о человеке среди людей.

2

Стихи Александра Яшина о природе, так сказать, не самоценны, и поэт четко сознавал это. В одной из своих статей он писал: «Не надо забывать только, что картина природы дается через индиви-

¹ Федоров В. Уроки поэзии. — «Москва», 1973, № 1, с. 201.

² Блок А. Собр. соч., в 8-ми т., т. 6, М., ГИХЛ, 1962, с. 162.

дуальное восприятие человека, и потому человек с его настроением и мироощущением все равно присутствует всюду, и там, где он не фигурирует ни с косой, ни с киркой». Меньше всего в пейзажах А. Яшина описательности, хотя поэт любовно рисует картины родной природы. Он не созерцатель, а деятель — человек остро мыслящий и глубоко чувствующий.

В любом из стихотворений, побудительным мотивом для создания которого послужили какие-то определенные явления из жизни природы, открывается личность поэта в ее широких и глубоких общественных связях. От явления природы — ассоциативным путем к общественной, социальной мысли, пусть не высказанной, к завершению стихотворения на том же материале природы — таков путь образного мышления А. Яшина во многих из этих стихотворений, поэтому их пейзажными назвать можно весьма условно.

Кажется, в стихотворении «Москва — Вологда» (1958) А. Яшин задался целью рисовать картину широкими, крупными мазками: «С каждым часом ощутимей север, остановки реже, гуще лес... Замелькали топкие болота с голубыми окнами озер, наконец — подъем за поворотом, и пошел густой сосновый бор, строевой, в косых лучах по пояс, золотом пронизанный насквозь...» Видите, не выдержал — бор увидел и как заговорил о нем, с каким подъемом и радостным чувством, с каким ощущением простора: «Словно к морю вдруг пробился поезд, даже небо выше поднялось».

«Дома я!» — вот что определяет восприятие и настроение поэта. И мы это чувствуем с первых строк, потому что зрительные масштабные картины перебиваются тонкими нюансами узнавания родины («пахнет смолкой вперемежку с сеном»), безотчетной радости от такой пустяшной особинки, как клюква «в листочках из тетрадки иль в обрывках «Жития святых». Увлеченный прелестью родных пейзажей, поэт не упустит из виду и того, что свершено трудовыми руками человека. И все воедино сливается в эмоционально напряженный образ-настроение, определяющий в конечном счете всю его лирику:

Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

В родных краях находит А. Яшин душевное успокоение и не изъяснимую отраду («О моей святыне», 1961). В большом городе станет он представлять, как шуршит листва и сопит медведь, как тетерева взлетают и тревожит невероятное: «Может, в родном краю давно иная жизнь: и птицы не так поют, и звери перевелись, и люди не те, и поля, и красота не та...» Ничего не избавит поэта от неизбывной любви: «...это моя земля, моя маesta и мечта, мои святые места», — как заклинание произносит он. Напряженность чувств поэта находит себя в деталях, в контрасте города, где «ни нор, ни берлог, ни родничка у ног», с родимой сельщиной, в смене интонаций от взрывной, открывающей стихотворение («Больше не могу! Надо бежать...»), или брюзгливой (о городе), до затаенно счастливой в воображении и умиротворенной в концовке. И влечет поэта в родные края, и не смущает его суровая погода той поры, когда его друзья «тянут на юг, на юг, ближе к теплым лиманам — от морозов и вьюг». Далек от сарказма и осуждения А. Яшин, однако не изменяет себе: «Что же, у всех свое. Вижу, пора и мне.

Только я хочу ближе к Печоре, к Двине, к родной стороне» («Пора и мне», 1964).

В общении с природой поэт переживает душевное обновление. Вот человек, «большой и сильный, как добрый бог», идет по родному краю («Босиком по земле», 1962). Спокойны картины, открывающиеся его взору, легко и просто ему в этом мире: «Птицы взвиваются из-под ног, зайцы срываются со всех ног. А я никого не трогаю...», «Я ягоды ем и траву щиплю, к ручью становлюсь на колени я...» И ничто не нарушает этого удивительного единства человека и природы.

Бреду бережком,
Не с ружьем, с батожком,
Душа и глаза — настежь.

Отсюда и чувство благодати, которое снимает в концовке впечатление наивной риторичности:

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

Не ложная экзальтация владеет поэтом, но ощущение себя хозяином в своем доме; в лесу ли, в поле — везде Александр Яшин чувствует себя по-свойски. Он как крестьянин умеет видеть, замечать приметы и практически — в поведении — откликаться на предупреждения природы. «Надо воду слить из машины: ночью, верно, выпадет иней — подозрительно красен закат» («Сиверко», 1964) — вдруг отметит поэт тревожные перемены.

Не жадным потребителем благ природы живет А. Яшин, а благодарным хозяином, который и самую малость оценит. «Песня без слов» (1962) в который уж раз покажет нам поэта в лесу и опять по-новому. «Пусть ни грибов, ни, ягод в лесу», поэту все равно там по душе: «в шорохи трав и в шумы вершин вслушиваюсь не дыша», «до колдовского dna то озерцо полыхнет, то пруд» — природа живет и наделяет поэта своими скромными дарами. Там, в лесу, находит поэт отдохновение и вдохновение — большего ему и не надо: «Песню нашел, и она живет, сыщутся и слова».

Связь с миром природы предстает в стихах Александра Яшина как критерий нравственной и гражданственной ценности человека. В этом убеждает, в частности, «Письмо в лесную газету», (1960), посвященное памяти Виталия Бианки, тонкого знатока природы. Справедлива наша гордость тем, что у нас в «чащах и рощах столько всяких пернатых — просто диву даешься». Но почему же так ироничен голос поэта? Потому, что мы в большинстве своем не знаем своего достояния и говорим о нем самыми общими словами: «как же фауна, дескать, как же, наше богатство, — на полях в перелесках, так сказать, птичье царство...» И Яшин развивает мысль, не щадя таких знатоков (а их много, они — это мы): «Стоит в лес углубиться — и уже как не дома: словно мы за границей — незнакомые лица, языки незнакомы». И цветы для нас — «трава» или «сено» и деревья — «роща», и ничто иное.

Ну и не знаем — что за беда, подумаешь! «Только в убогом и легкомысленном жаргоне современных мещан неопределенное «это» выручает из незнания предметов: только эти люди умеют жить среди вещей без названий и спокойно смотреть на «дерево»,

«куст» или «злаки». Народ не терпит предметов, оторванных от действительности, поэтому непроизвольно он живет не среди деревьев, а среди дубов, буков, берез, а злаки должны быть или рожью, или пшеницей¹. Настоящий поэт это всегда учитывает, и, например, Василий Федоров, говоря о стихах Дмитрия Ковалева, с уважением отмечает: «Сколько названо и описано цветов в тонких подробностях жизни и смерти!»² Так что А. Яшин не напрасно иронизирует, подумать есть о чем и в самом деле: не знаем — не любим — не бережем.

Ни за что не в ответе,
Словно малую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отчество любим.

Нет, вовсе не брюзжание за этими укоризненными строчками, а большая мысль о необходимости беречь свое родное (и, конечно, не только в природе!) — в этом истоки патриотизма. На простейшем житейском материале Александр Яшин поднимает тему высокого гражданственного звучания.

Опытный лесовик, заядлый охотник, А. Яшин был постоянен в своей привязанности к природе, но при этом связи становились с годами тоньше, живее — тут не могло не оказаться влияние Михаила Пришвина. Бывало, «шел в чащу — заранее взводил курок, на жатву брал дробовик с собой. Стрелял и коршуна и воробья, не разбираясь — друзья? враги?» — кажется вроде бы поэт. «А ныне,— пишет он,— на ток хожу без ружья, катаясь на озере без остроги». Нет нужды принимать в абсолют ни то ни другое утверждение, — в них важна тенденция, психологический переход в новое качество, осуществленный в образной форме. Наговаривая на себя недавнего, поэт как бы помогает своему читателю следовать примеру исправившегося грешника, обещая очистительную ясность чувства.

Сам себя узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю, —
Люблю все живое,
Живых люблю.

(Люблю все живое, 1959)

Абстрактный вывод обретает силу интимного признания, поскольку вытекает из житейской практики, является следствием поведения: «Бывает легко на душе, когда случайно удастся жизнь

¹ Парандовский Я.н. Алхимия слова. М., «Прогресс», 1972, с. 133.

² Федоров В. Наше время такое.. М., «Современник», 1973, с. 391.

сохранить птенцу, упавшему из гнезда». Радость внутреннего обновления и очищения была тем глубже, что знал поэт иные настроения, совершая иного, противоположного плана поступки.

В отношениях с природой А. Яшин не сразу нашел определенность и ясность. Был он в молодости заядлым охотником, доводилось ему совершать и опрометчивые поступки, осознанные позже. Границы поведения своеобразно отразились в стихотворениях «Зайчонок» (1956) и «Кулик» (1966), написанных, правда, уже в пору зрелости.

...Охотник, намаявшийся с утра, ничего не выходил, лишь «промок, продрог, валила с ног усталость... во все углы вползал туман — промозглый, неуютный». И тут — зайчонок, на котором охотник и сорвал «все зло от неудач, скопившееся за день». Все действие открывается как давно миновавшее, как рассказ от третьего лица. И детали, выстроенные в ряд объективности, звучат самооправданием, а избавления от неловкости нет. Неизбывность и в эпите «шалопутный» (зайчонок) и в укоризненной интонации, подчеркивающей нелепую бессмысленность случившегося, которая, хотя осознана до конца, но мучает и спустя годы.

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

Повторившись спустя многие годы, ситуация складывается уже совершенно иначе. Вот также, «в болоте целый день ухлопав», увидел охотник кулика. Но взгляд поэта не выражает охотничьего азарта, напротив, он — сочувствующий: «Сиди, родимый, все в порядке, я просто не видел тебя». Бережность к лесным обитателям, ко всему живому, самая искренняя забота становится нормой. Всякий раз по-иному это открывается в стихотворениях «Бабочка ожила» (1961), «Беличины свадьбы» (1964), «Покормите птиц» (1964), «День творения» (1966) и многих других. Доброе слово или проявление заботы в них отражается как естественный импульс, без рационализма, как живое душевное движение.

Беличины свадьбы будят несбыточные ребяческие желания — «летать бы по сосновым верхам и мне», только за грустною наивностью желаний — усталость поэта:

От земной суеты отрешиться,
От чужих отмахнуться забот,
Ни за что не болеть,
Ничего не страшиться,
Жить, как ветер в вершинах живет.

Такое желание — лишь выражение сиюминутного настроения поэта, а вовсе не цель. Ведь тут же, отмечая перемены в погоде, он вдруг затревожился: «Не погибли бы только под настом пристодушные тетерева». Зима сурова ко всему живому, и Александр Яшин апеллирует к доброму в человеке. «Покормите птиц!» — с откровенной дидактикой взывает он и уверяет: «сколько гибнет их — не счастье», «разве можно забывать...» Он доказывает, как

нетрудно быть добрым: «горсть зерна нужна, горсть одна — и не страшна будет им зима». Он учит человека предусмотрительности, и его неназойливый призыв звучит с мягкой настойчивой интонацией: «Приучите птиц в мороз к своему окну, чтобы без песен не пришлось нам встречать весну».

А вот с затаенным дыханием поэт наблюдает, как оживает бабочка, как, «мягкий заслышиав звук, прячется в тьму угла серый, как тень, паук» и как, «подмахав к окну, бьется она в стекло». Ожила бабочка или только что родилась, но биение жизни радует поэта и определяет интонацию стихотворения: «Перестаю дышать, глаз не оторву, только б не помешать воскресшему существу!» С еще большей последовательностью подобное настроение сказывается в «Дне творенья». Нежно, проникновенно, не скрывая восторга и не боясь показаться сентиментальным, А. Яшин рассказывает о том, как помог родиться цыпленку, опоздавшему вылупиться из яйца, забытому курицей и обреченному на неизбежную гибель.

...я отошел в сторонку,
Счастливый до умиления,
До слез,
До вдохновения,
Как бог в первый день творения.
Я жизнь сохранил цыпленку,
Пусть хоть одну,
Хоть цыпленку,
Но — жизни!..

В противоречиях, борении с самим собой достигнутое единство с природой волнующе, радостно, потому, скажем, весенний перелет птиц для поэта — «Добрый праздник» (1959). Округа, ожившая от птичьего пения, преобразилась в восторженных глазах поэта: «Сразу столько влюбленных, столько свиста и звона, что лесок обнаженный стал казаться зеленым». Гипербола даже таковою не кажется от приподнятости настроения, а Яшин идет дальше, уверяя, что лес «подался к селению». Поэт хочет видеть и видит единство в радости природы, людей и себя среди них. Он углубляет олицетворение, когда в птичьем наряде замечает и вышивки, и белые фартучки, и красные галстуки, когда в оркестрах и хорах по холмам и увалам выделяет своих запевал и дирижеров. И преисполненный незамутненной радости, поэт всему равнодушен: «Будьте счастливы, птицы! С добрым праздником, люди!»

Прозрачно ясные лирические стихи отражают, пусть в этом случае и опосредованно, глубокую внутреннюю мысль, убеждение поэта, его философию природы, реализованную в стихотворении «Не верю, что звери не говорят...» (1959). О, конечно же, поэт знает, что многие, очень многие примут скептически его утверждение! Ведь так привычно «делить всех в мире живущих на высших и низших». Но и относительность не сбросишь со счета, «порой и владыки разумом нищи». Вот потому поэт предупреждает: «Боюсь, чтоб кичливость не помешала нам постигать иные миры», — предупреждает и зовет быть внимательными к миру природы, в котором «так многогранно желание жить».

Поэту, близко познавшему жизнь природы, «только добрей и проще и человечней хочется быть», он с доверчивостью внимает всему живому. Отсюда сила его убеждения:

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.

Философия природы А. Яшина в чем-то существенном перекликается с представлениями Николая Заболоцкого, который писал: «Я поэт, живу в мире очаровательных тайн. Они окружают меня всюду. Растения во всем их многообразии — эта трава, эти цветы, эти деревья — могущественное царство первобытной жизни, основа всего живущего, мои братья, питающие меня и плотью своей, и воздухом, — живут рядом со мной. Разве я могу отказаться от родства с ними? Изменчивость растительного пейзажа, сочетание листвы и ветвей, три солнца на плодах земли — все это так же близко мне, как улыбка на лице друга, связанного со мной узами кровного родства»¹. Свое родство с природой сознает и А. Яшин, но говорить о нем ему приходится теперь остree, не гнушаться публицистики и дидактики: ведь «могущественное царство» природы явно поутратило свои силы перед человечеством...

Всякий раз своеобразно пишет Александр Яшин о явлениях природы и ее обитателях, но во всем чувствуется отсвет его личности, поражает впечатление первоначальной свежести восприятия, казалось бы, уже недоступной зрелому человеку. За строчками его стихов не просто любование миром, а нечто большее — дума о людях. Природа в его стихах предстает очеловеченной, но это не только остатки стихийных анимистических представлений крестьянина. Древние представления ожили и заговорили в душе поэта, обогащенные rationalным опытом образованности. Это отражается в двуплановости образного решения стихов А. Яшина. Ведь, по словам А. А. Потебни, «всякий знак — многозначен; это есть свойство поэтических произведений»².

Казалось бы, сколько уже писали о березке, и Яшин не однажды писал — «Про березку» (1965), «Смерть березки» (1965) — и всякий раз свежо и непосредственно. Рассказывает Яшин о березке, но видится не только деревце, но еще и образ маленькой девочки и угадывается доброе отеческое чувство поэта:

Я ее видал и не парадной,
Не царевной гордой на кругу,
А нескладной,
Даже неприглядной,
Утонувшей по уши в снегу.

Не кудрявой,
И не золотистой,
Не расхожей — оторви да брось,
А совсем беспомощной,
Без листьев,
Голенькой
И вымокшей нас kvозь...

¹ Заболоцкий Н. Избр. произв. в 2-х т., т. 2. М., «Худож. лит.», 1972, с. 347.

² Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Харьков, 1914, с. 139.

Два-три слова («царевной», «раскожей», «беспомощной») проявляют подтекст, и то мягко, естественно, не нарушая цельности внешнего образа, а второй план тем не менее реально существует в стихотворении. И проникновенное сопереживание поэта берет за живое, и нельзя не верить его человеческой доброте. В другом стихотворении интонация того же сочувствия к березке, что не могла пробиться к солнцу сквозь гущу хвои, звучит жестче, поскольку уступила березка в жизненной борьбе, «отдалась соседям на милость». А утром связей с землей — мысль ведет к обобщению — оказывается условием гибели. Стихотворение обретает философский характер: отдельное в природе осознается в связях с целым. И в том, как «равнодушно сомкнулась хвоя, не почував чужой беды», — прозрачная мысль о зависимости одного от множества и укоризна поэта. Второй план создается уже иначе, нежели в первом случае.

Удивительна одушевленность образа птицы в стихотворении «Тетерев» (1959), причем против реальности Александр Яшин абсолютно ни в чем не погрешил. «Тороват, неотразим, лукав, словно первый парень на селе» — так и о человеке писать можно. А далее в поведении птицы уже и настроение схвачено: «Он бродил среди цветов и трав, от своих удач навеселе». Упивается своей неотразимостью тетерев:

Оглядел окрестный березняк
И к тетерке на сучок подсел —
Расфранченный,
Дураком дурак...

Тут уже поэт с грубоватой откровенностью и сожалением говорит, как, допустим, сказал бы о знакомом или даже близком ему молодом человеке, и поясняет промах тетерева: «Сел он против моего ствола, а тетерка чучелом была». И кому из молодых людей даже и с «тетерками» не случалось опростоволоситься! Впрочем я позволяю себе совершенно вольное прочтение стихотворения А. Яшина. Он пишет зарисовку с натуры с точностью натуралиста-естествоиспытателя. Но таково восприятие поэта, что в птице нельзя не почувствовать живые стремления, характер и разумную мысль, — пусть тетерев и «дураком дурак», но не бесмысленны же все его действия!

Свое единство с природой неизменно чувствует А. Яшин, но приходит к ней не первобытным дикарем, а человеком с развитым социальным опытом, и сам вполне понимает это, и умеет использовать в творческих целях. «Можно сознательно искать в природе явления, соответствующие явлениям в душе человека, — писал М. Пришвин, — и это будет путь не только заправки искусства, но и знания (здравого знания, потому что в природе содержится только чистое и здоровое)»¹. Общественный опыт А. Яшина во многом определяет его восприятие природы и отражается в стихах. Как второй план, как подтекст, который во внешнем рисунке порою и не проглядывает вовсе. Тем своеобразнее такие его вещи, как, например, «Всполошились над лесом вороны...» (1958) и «В тайге» (1963—1964).

...В лесу человек, и это нарушает привычную жизнь чащи: вороны, как водится, первыми подняли шум, «клис, на что осторож-

¹ Пришвин М. Незабудки, с. 317.

ный, тоже выглянул из-за пня», «мокрогубый телок, похожий на лосенка, появился, «белка цокнула над головой»... Но скоро мир, порядок и гармония восстановлены, — лесные обитатели легко и просто уживаются с пришельцами, если за ними не идет беда...

Ну разлегся, и что же такого?
Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь — живу!
О вчерашинем, зряшном
Позабыл в родной стороне.
Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.

А ворόны?..
Да ну их к богу!
Я ж в своем, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу —
Я от карканья не умру.

Так бы это и осталось картинкой вторжения человека в лесной мирок, если б напоминание «о вчерашинем, зряшном» не поднимало иной пласт жизненного опыта поэта. А концовка, сохранивая вполне прямое значение, обретает теперь второй, не менее важный для Яшина смысл.

Подобный прием использует поэт и в другом случае, рассказывая о нашествии мошкеры: «Не съедят до поры, так с ума сведут. Это ж самосуд!» И гнев и невыносимость положения человека, атакованного со всех сторон, психологически выверены: «Лучше в пекле, в аду, бедовать буду, чем такой надо мной на земле вой!» Кстати, первое название этого стихотворения, созданного в пору безудержной критики «Вологодской свадьбы», более точное — «Гнус», но и прямолинейное, потому, надо полагать, поэт и отказался от него. Гордый и не склонный к нытью, А. Яшин никогда бы не позволил себе жалобы ни в стихах, ни в разговорах. Однако настроения той поры могли косвенно отразиться в стихах, иначе с чего бы ему, лесовику и охотнику, на гнуса пенять...

Разумеется, вовсе ни к чему в каждом стихотворении А. Яшина искать подтекст, второй план. У него вполне доставало непосредственности, чтобы просто видеть и радоваться увиденному. Интересно заметить, что чаще рисует поэт картины зимы и весны, лето и осень — крайне редко. Влюбленными глазами видит А. Яшин родные картины и стремится каждого заразить своим настроением. А подтекст... «Только из текста рождается подтекст, — очень точно заключает Лев Озеров. — Забота о подтексте есть прежде всего забота о тексте, о глубине и многогранности поэтического образа, выраженного в слове»¹. И если образ природы дает А. Яшину возможность «второго прочтения», если настроение и жизненные обстоятельства не позволяют ему отвязаться от какой-то наболевшей мысли, тогда подтекст естественно и просто рождается в его стихах.

Очарование зимнего пейзажа поэт хочет внушить читателю-другу в стихотворении «Лесные дуги» (1962). Он знает своего го-

¹ Озеров Л. Мастерство и волшебство. М., «Сов. писатель», 1972, с. 390.

родского читателя; к нему обращается и поясняет маленькую тайну природы. Дуги над дорогой, которых «много, как над Москвой-рекой мостов», — это деревца, уступившие натиску метелей и снегопадов: «от напряжения белы», тонкие стволы сгибаются. Впечатление тяжелой борьбы исчезает в притихшем после метели лесу, когда он «неистово красив». Деревья присмирили до поры до времени, но не сдались.

...Всюду дуги, дуги, дуги —
Снегами стянуты концы:
Чуть тронь —
И вскинутся упруго,
И запоют колокольцы.

Тайна открыта, но лесная сказка не утратила своего обаяния И хотя поэт знает — и мы с ним вместе, — что «не медведи дуги гнули, не леший, не лесовики», он идет «под эти чудо-своды почти испуганный, немой». В нас приобщение к прекрасному уже оставило свой след, а поэт словно продолжает свой путь по лесу — «После снегопада» (1962): идет, радуясь неизъяснимой прелести открывающихся картин, помогая деревьям освободиться от снежной тяжести. «Лес поднимает вершины — вскидывает головы и разгибает спины», и красота заснеженной тайги от вмешательства человека не меркнет, а сверкает по-новому свежо. Зимой лесная книга открыта для А. Яшина. Вот он читает следы на снегу, и складывается богатое по деталям и озорное по восприятию жизни стихотворение («Следы на снегу», 1966). Все оно как развернутая метафора: каждый обитатель оставляет в лесу свой искусственный след — тут вам «вышивка гладью и крестом», а чьи-то следы «прошвой вшиты в белую гладь», тут лисы цепочки, птичий бисер и «заячье плетенье, смех и грех: след с оформлением — к ореху орех». Для поэта нет тайн «на снежно-белом на тканом холсте», и все-таки он не устает удивляться и радоваться.

Не всегда радостные ассоциации приходят к поэту в зимнем лесу. Вот «Лес поседел от инея...» (1965), поседел, «закостенев от холода», но ждет, что «ранней весною молодость снова к нему придет». В прямой параллели поэт переключается на свои переживания: «мне ничего похожего не принесет весна» — отсюда взволнованность интонации, тревога.

Все невозвратно:
Сильный ли,
Слабый ли человек,
Раз лишь прихватит инеем —
И седина навек.

Умеет А. Яшин видеть красоту природы зимней, но — противу весны — нет в ней открытости, откровенности. Зимой все деревья одинаковы, «по цвету, по звуку схожи» — и мертвое не выделяется среди живых: «Наверное, только птицам зимой различать дано, в каком из них жизнь таится, какое гниет давно» («Мертвые деревья», 1964). Лишь в апреле станет ясно, что есть что: «живые оденутся в зелень, а мертвым тепло не впрок» — чем и хорона пора обновления всех начал, весна. А иногда зима представляется Яшиным как образ застоя («Глухая зима», 1966). Тягостна зим-

няя ночь, «долгая, как на полюсе», безжизненны селения — «почти нежилые, мертвые дома на краю земли», и представляется даже, что «до утренней зорьки не ближе, чем до весны». И ничем не нарушим этот удущливый застой: «Во всем городке ни звонницы и хоть бы один петух».

Образ весеннего обновления после зимнего застоя многомерен в лирике Александра Яшина. Тем-то и радостны для Яшина «Весенние ожидания» (1967) — в них надежда на перемены.

С терпением,
Со смиренiem,
Устав от душевных смут,
Друзья мои
Потепления,
Как маны небесной, ждут.
Вдруг что-то взыграет, вспенится,
Как свет по земле пройдет... —

Да, знает А. Яшин, перемены будут, но на этот раз радость не пришла, поэт поддался скептицизму: «А, собственно, что изменится, весна же не первый год?!» Тут А. Яшин словно бы оказался в позиции тех своих друзей, что от весны готовы ждать «откровений» да «изюминок» (*«Весна, куда ни кинешь взгляд...»*, 1958). Но поэт остался самим собою — он перевел стихотворение в другой план, в социальный, здесь-то он и не находит удовлетворенности: перемены приходят не так уже скоро и не так ощущимы, как хотелось бы.

Понимая сложность и несовпадение отношений людей к природе, поэт улавливает разницу и в стихах. Знакомые картины: «Что ни поток, то водопад, любая лужа будто озеро. Хоть на день каждый ручеек сравняться с речкою пытаются»... Вроде бы и радует А. Яшина все это, но взгляд его остранен, он настойчиво повторяет: «как много раз подряд», «Что нового? Да ничего! Все ежегодно повторяется...» Словно бы не его голос — и верно, поэт вспоминает скептиков: «Чем вас порадовать, друзья?» Вот на кого поправка, вот откуда полемичность. А поэт все-таки остается при своем, не рассчитывая на «откровения» да «изюминки»:

Все извечное...
Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

Заинтересованному взгляду природа сама в своих тайнах открывается. Прозрачной солнечной ясностью *«Голоса весны»* (1964) А. Яшина напомнят тютчевское *«Весны гонцы»*, однако личное начало, как и обычно у Яшина, выражено остree. Ему обязательно нужен кто-то, чтобы разделить радость, — поэту и счастье одному ни к чему. «Я словно чуда жду в глухи: быть может, кто-то отзовется на музыку моей души», — надеется он.

Весну, пору надежд, А. Яшин любит с какою-то неодолимой силой. *«Хочу весну!»* (1959) — взывает он, и как он знает ее, во всех многообразных проявлениях!. *«Весна начинается с влажных выюг, с прибавки неслыханной молока, с тоскливого ржания рыбаков, с надрывного крика вороных стай...»* Чуя весну, «глухарь,

занкаясь, точит тайгу», и даже луна «в отраженье речных глубин, как рыба, мечет икру в синеве»... Брожение в природе, и у человека «весна поднимает пену в крови» — он откликается на вечный зов:

Восхищенно руки тяну
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу весну! —

почти языческая радость человека, живущего с природой не в разладе, но вместе с тем и жажда свежести, обновления, особенно острой в человеке нашего столетия.

Лирика, связанная с природой, у Александра Яшина — явление сложное, неоднозначное. Поэт сохранил от крестьянского детства естественность и непосредственность восприятия природы, умение жить и ладить с ней. Природа для него мастерская, но и храм — тоже. Возвышенность чувств, связанных с природой, могла родиться только на удалении, на расстоянии. А вернувшись к земле и природе с опытом, обогащенным социальным знанием и книжной культурой, поэт владеет и более тонким, развитым, многомерным восприятием. Это восприятие художника со способностью совокупно выражать практическое, эмоциональное и рациональное.

Так и рождается пейзажная, условно говоря, лирика А. Яшина, сочетающая в единстве живую непосредственность картин природы с обобщающей мыслью — нравственной, философской, общественной. Сочетание совсем не случайное, ведь «чувство природы, которым обладают в большей или малой степени почти все художники слова, — замечал М. Пришвин, — легко может развиться в чувство народа»¹.

Образ природы в лирике Яшина гибок, подвижен, легко удер-живает текст и подтекст, улавливая любые оттенки поэтической мысли. Но главное для поэта — мысль о текучести времени, которая неизбежно рождается уже в смене времен года и которую умеет выразить поэт в самых разных формах. Центральным в лирике природы А. Яшина закономерно оказывается образ обновления.

3

Загадка времени неизменно волнует Александра Яшина, но не как абстрактная проблема, нет. Время для поэта наполнено совершенно реальным, конкретным содержанием, в нем жизнь близких и собственная жизнь, изменения в окружающей действительности. Что происходит, как и почему? — создавая поэтический образ, А. Яшин ищет закономерности развития, изменения. Он со-поставляет, сравнивает и людей в их поступках, и явления в их повторяемости и новизне. В одних случаях поэт решает тему на простейшем житейском материале, в других — вглядывается в меняющийся облик родины. Иногда высказывает мысль об общественном развитии в динамических образах явлений природы, а то вдруг обратится к фактам истории. И во всем занимает А. Яшина

¹ Пришвин М. Великое счастье творчества, из дневников. — «Лит. газ.», 1973, 31 янв.

деятельный человек, своими руками переделывающий мир, его тревоги и заботы. Чего он, беспокойный, добивается на своей трудной планете, в своей родной стране? — поэт вглядывается в лицо человека, в лицо времени.

Необратимость времени и на людях оставляет свой тяжелый след. Поэт «смущен и поражен», встретив женщину, в которую когда-то был влюблен: «Усталая, она не шла — брела. А уж какою сильною была!» Ему «стало жаль ее», но и она «голову склоня, участливо взглянула» — след годов и на нем неизгладим (*«Я встретил женщину...»*, 1958). И снова, спустя годы, звучит та же тема (*«Сказать иль промолчать?...»*, 1966) — изменения родного лица оказываются поразительными: «Лишь пять коротких лет, — каких? — коротких пять, а целой жизни нет...» Вот почему время в его движении рождает тревогу, обостренную в Новогодье, тревогу, которую хочется скрыть за грустной шуткой: «...А я на гулянке прямо места себе не найду. Уж не выпить ли валерьянки? Что-то ждет меня в новом году?» (*«Вот и все»*, 1958).

Поэт не питает напрасных иллюзий — «ни часа жизни не вернуть назад, листок оторван — день навеки прожит» (*«В день рождения»*, 1955). Необратимость времени не радует, но и не удручет поэта — «лишь годы проходили бы недаром!» Но в зрелом возрасте уже есть ясное представление о конце жизни, вынесенное из войны и хворей:

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут...
Тени в углах растают,

Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!
(*Утром не умирают*, 1955).

От обобщения поэт идет к конкретизации, утверждаясь в добрых надеждах на трудный час. Да, он знает острую любовь к жизни, но не растительную — осмысленную. Человек потому и в ответе за каждый свой поступок, что время не бежит вспять и не оставляет возможности исправлять содеянные ошибки и замаливать зло.

Что бесконечно каяться?
Ведь снова
Жизнь не начать, не изменить былого,
Не замолить вины своей...
(*«И я обманывал...»*, 1958)

Поэт не одинок в мире и живет надеждой, что его ошибок не повторит сын, — значит, жизнь продолжается. Вера в поступательное, добroе движение времени не оставляет поэта. Он верит в благотворность перемен, хотя знает, как не скоро они наступают и как нелегко происходят. В стихотворении *«Заморозок»* (1959) схвачен момент перерыва постепенности в развитии и возвращения к старому: «Едва раскрылись первые цветы, доверчиво оттаяла природа, как снова — вероломство, непогода, и холодом дохнуло с высоты». Для новых всходов это гибельно, зато сорнякам —

отрада. Но такое — не навек: «Не задержать напора соков вешних».

И снова к той же теме возвращается А. Яшин спустя несколько лет в стихотворении «Вешние воды» (1963). Поэт рисует пока еще воображаемую картину, но как она реальна, как полна молодой силы и выразительности: «К северу, к югу — с ходу в сторону морей хлынут вешние воды...» И только последняя строка: «Хлынули бы скорей!» говорит о том, что вся картина мощной обновляющей силы весны — лишь символ страстной надежды поэта на обновление, а не оно само еще...

Все это хорошо поймет тот, кто сам зачарованно наблюдал ледоход, пусть не на Волге или Енисее, а на самой что ни есть обыкновенной небольшой речушке...

Непрерывные изменения в природе — результат неутомимой работы времени, его скрытых сил:

Клин песчаный намывает
Под обрыв сосновый,
Удлиняет, уплотняет...
Где-то старый берег тает,
Нарастает новый.

(Новый берег, 1966)

Нет, А. Яшин не станет бездумно отмахиваться от старого — напротив. Вот он рассказывает о дереве, пожелтевшем не в пору («Эко дело!», 1966). Мало ли невзгод и у дерева, но не безнадежно оно, может быть? Поэт размышляет, делает допущения: «Может, лишь отдыхает, не умирает оно...» Однако «уже все решено» — скоры люди на бездумные решения: «— Дерево? Эко дело! Лесу вокруг полно». Предположения о причинах заболевания дерева, симптомы недуга, сомнения в диагнозе («может... может...») — все зовет к обдуманности в решениях. В этом и пафос стихотворения А. Яшина.

Хозяйским глазом крестьянина видит А. Яшин землю в пору весеннего обновления («На проталинах», 1956). «О вниманье к людям не по сводкам судим», — заметит поэт и, не стремясь живописать словом, прямо говорит об увиденном. Вот наскоро выкрашенные, «от дождя бледнея, плачут стены краскою kleевой, без клея»; вот «с темных крыш полезло ржавое железо»... Нет, поэт вовсе не из тех, кому все не любо и ничем не угодишь. Его позицию вполне почувствуешь в контрасте, завершающем стихотворение:

Черный снег как вымело.
Солнце

нам в угоду
Все огрехи вывело
На чистую воду.

Но зато все ладное
Жарче засверкало
И еще наряднее,
Ненаглядней стало.

Может быть, вот это слишком интимное в данном контексте слово «ненаглядней» больше всего и говорит о любви поэта к родной

земле, требовательном уважении к людям. В их трудовом коллективе поэт и себя сознает одним из работников, — об этом стихотворение «По свежему снегу» (1958). Просто отмечает поэт призывные гудки городских заводов — две-три неброских детали: «галки — дымком по всему горизонту» да хрустящий «под ногами сухой снегок». И вот в приметах утра вырастает волнующий обобщающий образ: «Еще не светает, еще не пригрело, еще не восход, но от тысячи ног на улицах словно бы потеплело». Привычно ощущение, что заставит спохватиться — «и мне пора!» и наполнит радостью от сознания общности, единства с людьми: «Счастливое утро — со всеми вместе ложится мой след на свежем снегу».

В будничных свершениях сограждан, в ряду которых видят себя и поэт, преображается родина: «Моря рукотворные шумят там и тут, отрогами горными плотины встают» («Все можем», 1958). Это вселяет веру в будущее, светлые надежды: «Все можем: мы молоды и все впереди...»

Образ обновляющейся земли, родины, осваивающей свои бескрайние пределы, создает А. Яшин в стихотворении «Бухта Находка» (1959). Поэт сближает конкретные детали, создавая впечатление безмерности пространства, а отмечая мгновения зарождающегося утра, передает ощущение времени и в нем — грандиозность свершений. «Город возник из планов и смет, — как он волнующе молод! — поэт как бы в единой формуле стремится схватить действие и время. — Десять каких-то неполных лет, но это уже город...» А человеку и Земли мало, он заглядывает во Вселенную, не зная успокоения в своем поиске.

Жить на земле. Душой стремиться в небо.
Вот человека сладостный удел, —

как писал Владимир Соловьев («Жить на земле»). В отличие от многих в нашей поэзии, А. Яшин стихов о космосе не писал, «Обсерватория Улугбека» (1960) в этом смысле — исключение.

Увидена древнейшая из обсерваторий глазами размышляющего современника, для которого гигантские постройки Улугбека XV столетия «не в будущее — в прошлое глядят», хотя создавали их золотые руки мастеров, и лишь «обсерватория одна в грядущие века устремлена»:

В душе секстанта что-то есть от взлета
К неведомым космическим высотам,
Как будто здесь
До нас за сотни лет
Был агрегат для запуска ракет.

В обработке исторического факта, в характере его осмыслиения А. Яшин близок Леониду Мартынову. Поэт связует времена, оценивая свершения людей их целью. Научные и технические достижения не самоценны — и это имел в виду А. Яшин, когда высказывался по поводу наших космических успехов: «Любая победа, любой технический и научный успех имеют реальный смысл, когда они в конечном счете служат человеку, его благу», — и задавался одним из возможных предположительных вопросов: «может быть, люди реже будут умирать от рака?»¹ Поэт верил в благотворность

¹ Яшин А. Все можем! — «Лит. Россия», 1966, 11 февр.

технической цивилизации и в разумность человека, творящего ее, потому с открытой душой и мог сказать:

Радуюсь обновам животворным —
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
(Москва — Вологда, 1958)

Надеясь на технические чуда, Александр Яшин тем не менее по-хозяйски приглядывался, а что там, на земле, в обыденности традиционных занятий, которыми едино пока жив человек?.. И видел поэт, что не все ладно. Надо полагать, со стыдом припоминая некоторые свои вирши послевоенных лет, в которых жизнь деревни представлялась в розовом свете, написал Яшин в 1956 году стихотворение «Показуха» в форме письма из родной деревни. В нем поэт практически начинал переоценку представлений. Былые заблуждения вызывают ироническую усмешку. Но нет в ней зла, есть горечь. Он одним из первых увидел явление, о котором общественность заговорит гораздо позже. Он не сразу был понят — таков удел первых. Но горечь непонимания в какой-то мере смягчалась тем, что здесь поэт нашел себя: пришла раскованность суждений о жизни, свобода высказывания о важном, а не о том, что лежит на поверхности явлений. Это уже глубина поэтического мышления, и не случайно ее обретение самим поэтом осмысливается как второе рождение, о чем говорит А. Яшин в стихотворении «По своей орбите» (1959).

Перемены в общественной жизни, наступившие резко, хотя и далеко не сразу, не одним актом, представляли собою качественный сдвиг, выраженный А. Яшиным предельно просто: «Легче дышится». Формула народная, а содержание ее глубоко захватывает различные пласти общественно-психологических состояний: «сам за все отвечать хочу», «боль чужую все глубже чувствую» и т. д. Все это выражается в чувстве абсолютной естественности бытия: «Так свободны мои движения, словно в первый раз от рождения по своей орбите лечу». Потому что:

Повзрослое мое поколение,
Вместе с ним повзросел и я.

«Торжественное обещание» (1959) как бы развивает мысль,ложенную в предшествующем стихотворении. Необратимость перемен утверждает поэт в риторически вопросительной конструкции: «А разве кто сомневается в том, что Земля вращается, что время свое берет?..» Оттенок иронии поэт тут же отбрасывает перед закономерностью поступи времени: «дорогами преображения ведет непреклонный век». И это обязывает быть чистым перед эпохой и людьми: «Бренчаниями фальшивыми, писаниями хвастливыми не разогреть сердца». Поэт декларативен и не скрывает этого, потому что за его декларациями — живое чувство, переболевшая страсть, которая убеждает в искренности поэта.

Движение времени отмечает А. Яшин в соизмеримости перемен веществного, реального мира, в который включен и сам поэт: косматую гриву распускает в поднебесьи еще недавно мелкий лес, «изба

избою» смотрится некогда казавшийся вековым отцовским домом («Чистый бор», 1962): «Отчий дом с годами в землю врос или вырос я за эти годы?» И оказывается, как бы не менялись вещи, человек подвижнее, и он определяет погоду века. Настойчиво повторяя, даже нагнетая иронически детали неизменности внешнего бытия, поэт утверждает торжество нового в сознании людей: «Те же избы, те же печи, так же полон рот забот, но совсем иные речи...» А речи — о запчастях и космических ракетах, о Китае и Кубе — говорят о неизмеримо выросших масштабах мышления советского человека. И Яшин с удовлетворением заключает:

Век не тот,
Не тот народ!
(Век не тот, 1962)

Не тот народ, но А. Яшин не отмахивается от выработанных веками традиций, сформировавших основу характера современника, его трудовую нравственность. В «Молитве матери» (1967) как бы в едином порыве выразил А. Яшин святая святых народной нравственности, отсюда и жанровое, я бы сказал, определение — молитва. А между тем «в комнате матери нет иконы, она не бьет никому челом, ни ранним утром, ни перед сном не отвещивает поклоны...» Эта старая женщина — уже из нашего века, тем значительнее слова, которые звучат в ее сердце извечно. Что же хочет она? Немного и всего: большую душу и доброе сердце, мягкий голос отходчивый и крепкие руки незлобивые, потому что «очень трудно матерью быть». Проникновенные и простые слова зазвучали в свободном ритме страстной мольбы, рифма приувяла, чтобы не отвлекать от смысла суэтной условностью. — тут Яшин приближается к форме, обычной для причетов:

Не власти прошу,
Не за деньги стою.
Вдохни, сердобольная, в грудь мою
Столько любви и силы,
Чтоб до могилы
На всю семью —
На мужа, на сына, на дочерь мою, —
На каждый характер хватило...

Опыт жизни убедил поэта, что «только любовь раскрывает сердца, лишь перед ней отступает горе». Он видит в характере матери как главное — безграничность в любви к близким, до самозабвения. Деятельная сила любви преодолевает все, а в ней находит А. Яшин одно из оснований народной нравственности, которую он глубоко ценит и уважает. Вот почему поэт не позволит себе по отношению к крестьянским обычаям и привычкам не только высокомерия, но даже снисходительности.

Есть заметная смешинка в стихотворении «Мы уже боялись» (1962), написанном в форме письма земляков поэту. Звали они его к себе, рассказывая, как много ягод да грибов наросло. «Мы уже боялись: вдруг к войне», — простодушно обмолвились земляки. И это простодушное вызывает добрую грустную улыбку поэта. Он, пройдя фронты, иллюзий не питает и не осмеет забавные приметы

земляков. И разве в наш тревожный век мы навсегда избавлены от опасности войны?..

Вида в их жизни новое, он порадуется вместе с ними.

В Блуднове появилось радио —

Поет,

Играет,

Митингует.

И до чего всех это радует,

И как волнует!

(В бору случилось невозможное, 1962)

Не столь уж значительное событие поддерживает веру поэта в завтрашний день своих односельчан, уверенность в том, что «жизнь идет не стороною: когда-нибудь, наверно, сбудется все остальное».

Сбудется, однако жизнь не проста и не все в ней совершаются по формуле «раньше не было — теперь появилось». Противоречия не ушли из деревенской жизни — ни в хозяйственной практике, ни в социальном укладе. Они мешают нормальному ее ходу. И в «Стихах из дневника» (1961—1964), написанных в пору господства волонтистических методов руководства, Яшин так или иначе дает свою оценку явлению жизни.

Внутренний контраст заключает в себе стихотворение «И стали мы пить чаек...», посвященное Н. М. Воронину, председателю колхоза «Каменный», что в Осинове, километрах в семи от Никольска. Поэт с теплым чувством перечисляет блага непрятательного крестьянского стола. Что ж, молока он

...выпил бы с удовольствием
стакан и другой горячего
с коричневой жирной пенкой,
свежего,
не порошкового,
с душистым ржаным пирогом,
и ширологи отведал бы,
и рыжиков бы попробовал,
и клюквы бы надавил...

Но «дружбы мужской не замешивают на ягодах и на молоке», и вот идет разговор «о пропащих культурах, о том, как вести хозяйство в согласье со схемой и модой, не подрывая колхоза, как выстоять председателю меж двух, даже трех огней...» А каково положение председателя, инициатива которого подавлена администрированием, А. Яшин знал отлично. Где бы ни бывал, а особенно в родных краях, он везде встречался накоротке и с партийными работниками и с руководителями хозяйств, видел будни односельчан. Постоянно бывал он на совещаниях в Никольском райкоме и на колхозных собраниях (подробными записями полны дневники Яшина, в них найдешь не только интересные реплики, схваченные в живой непосредственности, но и цифры, цифры...) Особено много для познания жизни давали личные встречи, доверительные разговоры за полночь, когда самое сокровенное друг другу выкладывается и все сомнения и мучения находят отклик в душе заинтересованного, вдумчивого собеседника.

...Но и удивительно ли, что «скисает в горшке молоко», — эта строчка, завершающая стихотворение «И стали мы пить чаек...» 5—Неповторимое, как чудо

разбита лесенкой, по слову, — до молока ли, если у собеседников душа о делах изболелась?! Писатель и председатель колхоза были друзьями и легко находили общий язык.

А, кстати, Яшин не только слушателем умел быть, но и деятелем: помогал своим землякам словом и делом. Интересное свидетельство его партийной заинтересованности в жизни — статья «А ладно ли?» (1962) о проблемах руководства сельским хозяйством, опубликованная в свое время в «Литературной газете». Александр Яшин в ней тревожился не только о том, что администрирование наносит ущерб экономике колхозов и материальному благосостоянию колхозников. Поэта особенно волновали нравственные последствия грубых просчетов в управлении делами деревни.

В книге «Босиком по земле» А. Яшин, по словам Ал. Михайлова, «ищет материальную основу человеческой нравственности... Земля и человек на ней — такова эпическая основа поздней лирики Яшина»¹. Это справедливо — его лирика проникнута глубоким уважением к трудовому человеку, будничные тревоги и заботы которого исполнены для поэта высокого, непреходящего значения.

Задолго до света
ясно и жарко —
Я это вижу с улицы темной —
В домах полыхают печки-пекарки,
каждая, словно домна, —

пишет А. Яшин в стихотворении «Топятся печи».

Кажется, это взгляд стороннего наблюдателя — «вижу с улицы», но разве с улицы почувствуешь, как жарко топятся печи? Нет, взгляд со стороны только возбудил воображение и чувство поэта, и набрасывает он картину, виденную много раз — отсюда точное знание подробностей, повторяющихся каждодневно в каждой избе, и потому особо для Яшина значительных, отсюда момент гиперболизации: печи «полыхают... словно домна».

Поэт сам, не гостем видел в печи и эти чугуны картошки, и горшки с молоком и щами; собираясь на покос или на охоту, сам сиживал за столом, на котором появлялись «хлеб в решетах, соль в солонках и черные чугунищи». И его радует «еда с парком, духовита», и оживление детей, и само собой вырывается светлое желание: «Доброе утро, добрые люди, приятного аппетита!» Поэт с ними вместе, разделяет их радости и заботы — вот почему каждый жест, каждое размеренно привычное, незначительное, казалось бы, действие исполнено для него важного устойчивого смысла:

Покушав
и крошки смахнув в ладошку,
Большак закуривает в охоту.
Уже бригадир стучит под окошком —
Пора на работу!

Разделяя радости хлебороба, А. Яшин пишет стихотворение «Хлеб-соль» (1964), в котором уже с первыми всходами предвкушает будущие дары хлебного поля:

¹ Михайлов Ал. Спешите делать добрые дела. — «Лит. газ», 1973, 4 апр.

Едва под дождем и солнцем рачительным
Иголочки выбыются из земли,
А мы уже говорим почтительно
О травке об этой:
— Хлеба пошли!

Но ни с чем не сравнимы пора урожая, когда на токах растут горы зерна и «люди добреют, и песни девичьи хватают за сердце». Восторг поэта находит выход в открытой патетике народного довольства:

О, корочка хрусткая!
Соль зернистая!
С каким торжеством из свежей муки
Пекут в деревнях караван душистые,
Бlinы,
и шаньги,
и пироги.

Не мелкое счастье потребителя блинов, а горделивое чувство за свой народ, за свой крестьянский корень владеет поэтом. Выход на обобщение находит он в поговорке, особенно часто звучащей в пору сбора урожая: «Хлеб-соль — всему голова!» И, зная на практике справедливость народной мысли, поэт подтверждает: «Когда у страны закрома полны — сильны мы, и все у нас получается...»

От частного: «иголочки выбыются из земли», «о, корочка хрусткая!» — поэт идет к обобщению, умев выразительно и сильно сказать о важности труда хлебороба на земле, о его основополагающей роли. С тою же сердечностью, приветливостью развивает А. Яшин тему радости в стихотворении «Свежей выпечки» (1965). В нем, исходя из поговорки, из народной формулы, поэт нагнетает: «С пылу, с жару, с поду, с ходу — свежей выпечки хлеб народу». И будет перечислять с радостью удовлетворения: пироги и пышки, бублики и шаньги... И так вкусно сумеет сказать: «Из муки мелкомолотой, чисто просеянной шаньги желтые, будто листья осенние». Радость поэта выливается в искреннюю благодарность хлеборобу: «Спасибо сердечное, поклон особый тебе, моя сельщина, вам, хлеборобы!» Вспомним, что только в эти годы деревня зажила в довольстве — после мартовских (1965 г.) решений партии, — и поэт рад видеть это. А какие — «чудо!» — пекутся пирожки и шаньги, «а главное — с любовью, а главное — повсюду». Живя нуждами и заботами деревни, уже от имени сельщины с чувством радушного хозяина поэт желает всем: «Ешьте на здоровье, добрые люди!»

Крестьянское существо яшинской души открывается в стихотворении «Хлеб созрел» из цикла «Дунайские контрасты» (1961—1964). Там, в Румынии, поэт чувствует себя как дома — и вся-то разница, что «на привале вместо воды апельсиновый сок». А вид созревших хлебов и садов с налившимися плодами, синева неба — это близко А. Яшину.

Я с комбайнером на борозде,
Как с дружком-земляком беседую.
Уважение к сельской страде
У меня родовое, дедово.

Отсюда и уважение к румыну-комбайнеру, что «как бог, стоит в полный рост», с таким привычным жестом «на ладони зерно разглядывая». И это ощущение Яшина знакомо: «А зерно течет вроде звезд промеж пальцев живой прохладою». Вот почему и возникает чувство родства: «и волненья у нас одни, и заботы, и думы схожие», — интернационализм поэта проявляется в живой взволнованности переживаний.

Циклы «Стихи из дневника» и «Дунайские контрасты» создавались одновременно. В них открывается, что одинаковые дела и заботы, единство чувств и настроений сближает людей, и это обнаруживает общие приметы быстротекущего времени. К ним внимателен А. Яшин, но более всего занимает его, как отражается время на характерах людей, в их психологии. Перемены в жизни ведут к изменениям в общественных настроениях и в индивидуальном поведении людей. Поэт настойчиво ищет взаимопонимания с ними. «Через тоску, через муку, через смерть, через все препятствия сила творчества выводит одного человека навстречу другому»¹, — писал М. Пришвин. Своей тропинкой на большом пути к человеку-другу идет и Александр Яшин.

НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ СОВРЕМЕННИКА

1

Путь поэта к людям не есть прямая, все вехи на которой простираются раз и навсегда, одни для всех,— к каждому находит он свою особую дорогу. Лирика Александра Яшина по видимости проста и, вместе с тем, неоднозначна. При этом она не допускает никакой двусмыслинности в толковании: проста как жизнь и как жизнь многослойна.

Не прав ли М. Пришвин, когда замечает: «Реальная жизнь общества состоит во взаимодействии Я и Ты».

— Ты голоден — я тебя накормлю, ты одинок, я тебя полюблю,— вот действительные реальные основы общественности².

Старый мудрец, конечно, прав. Но он оставляет без внимания моменты, которые для него, долго жившего и много передумавшего человека, сами собой разумеются. В действительности любая истина идет к нам сложнейшими путями и не всегда доходит. Ведь «бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть, то есть если наша деятельность и поведение направлены сейчас в другие стороны»³.

В стихах своей последней поры А. Яшин предстает как натура исключительно чуткая, отзывчивая, для которой внятен голос многих. Его волнуют не только тревоги родных детей («Милое мое горе»), но и заботы «председателя осинового колхоза» («И стали мы пить чаек...»). И совсем далекие, незнакомые поэту люди вызывают его живое участие («Утренняя почта»):

¹ Пришвин М. Незабудки, с. 181.

² Там же, с. 179—180.

³ Ухтомский А. Письма, с. 254.

Будто свежая щепа —
Письма по избе.
Но от каждого — тропа
К чьей-нибудь судьбе.
Рубят лес там и тут,
И щепа летит,
И со всех концов идут
Письма, полные обид...

Нет, поэт никого не обещает избавить от огорчений и не берется разрешить ничьих сомнений: он не всесилен, и сам изведал тяжкую власть сомнений, а порою нуждается в утешении. И тогда он идет к мудрой крестьянке, своей матери («С матерью наедине»), у нее, сам большой и сильный, ищет поддержки:

Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая,
а не больная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
зимой ладить drogi, a летом сани
и не искать бы иного счастья,
бояться суетности, как заразы!
Ведь нет все равно ничего на свете
милей твоего немудрого крова.

Это святое чувство по-своему пережито, наверное, каждым человеком, в ком душа жива, поэтами — тем более. Вот Ярослав Смеляков раздумчиво и неторопливо, как другу наедине, рассказывает: «Добра моя мама. Добра, сердечна», — в ней всегда находил поэт негромкое участие и понимание. Трудно жившая и много поработавшая, готовая всегда отдать другому последнее, она до конца осталась самой собою: «Ведь видела виды, знала обманы, хулу, обиды, а не пошло ей ученье впрок»... С грустью вспоминает свои настроения последних дней войны Дмитрий Ковалев: «А думал я, что, как увижу мать, так упаду к ногам ее». Но увидев, убоялся громких изъявлений чувств: «Окликнуть? Нет, так испугаю вдруг...»

Сохраненное навсегда уважение к матери — русской женщине-труженице становится для поэтов нравственным компасом в жизненном море, критерием их демократизма. Так же и для Александра Яшина: мать, старая деревенская женщина, накрепко связанная с миром, из которого вышел поэт, не мыслимая вне этого мира, — остается самым родным и близким человеком. «Почему ты... сильнее?» — задается поэт вопросом и даже немного страшится ответа, пожалуй, хорошо ему известного. Так же боится ответа и мать, когда приходит к ней за советом сын, который сам должен быть уже в силе. Что ж, слабости бывают и у сильных, знать их — значит, уже наполовину одолеть.

Поэзия Александра Яшина — это постоянное борение со своими слабостями, со слабостями человеческими, которые можно по-знать и одолеть лишь в общении с людьми — непосредственно или косвенно, в памяти или воображении. Старая поговорка «клины клином вышибают» — справедлива и тут. Яшину перемогать слабости помогает тот нравственный опыт, который вынес поэт из родившей его демократической среды, те уроки, которые усвоены с молоком матери — с младенческих лет.

В этом сближается Александр Яшин со своими современниками Смеляковым и Ковалевым, с Василем Федоровым и другими. Может быть, особенноозвучен Яшину Дмитрий Ковалев, многие стихи которого рождались «из житейской философии», не мудрящей, но куда болееубедительной и веской, чем книжное глубокомыслие иных авторов. Поэт понимает смысл таких «вещей», «близких каждому простому человеку, как земля, хлеб, мирнаятишина, семья. Поэтому лучшие его стихи светятся земной радостью людей деревенского труда»¹. Не так уж важно, деревенского труда или городского,— важен принцип. И мы вполне разделимуважительноечувство Ярослава Смелякова к трудовому человеку («Не семяни и не вразвалку...», «В защиту домино») и пафос поэта, когда он протестует против барски кичливого понятия «простой человек». Нам близки и горделивые строки Василия Федорова, полемические вначале, потом раздумчивые:

Скажут:
Хлеб — избитая тема.
Я иду и смеюсь над такими.
Я несу домой каравай, как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

С добрым и тревожным вниманием присматривается к жизни своих земляков Александр Яшин. К их словам прислушивается он с пониманием и сочувствием, хотя не скроет порою и лукавой улыбки («Мы уже боялись...»). Поэта радует простая обыденность трудовой жизни односельчан («Топятся печи»), он чуток к переменам в их жизни и образе мыслей («В Блудново появилось радио...», «Век не тот»). Детальное знание родного ему мира делает для Яшина доступным все, что волнует трудового человека, где бы он ни жил, в чем убеждают, например, «Дунайские контрасты», навеянные поездко в народную Румынию.

В отличие от Смелякова или Ковалева, Яшин не рассказывает о тех или иных людях, о том или ином событии,—его поэтическая мысль рождается не от характера или факта, но всегда — от явления. Ему, в отличие от многих «крестьянствующих» поэтов, нет необходимости подлаживаться под деревенский говор: нравственный опыт трудового человека — основа миросозерцания А. Яшина. В стихотворении «Хлеб-соль» нельзя не понять с первых строк исконногоуважения крестьянина к делу рук своих. А ведь поэт рассказывает попросту, сам от себя. Мы чувствуем за его словами и иной, вовсе не деревенский опыт, которым определяется публицистический пафос заключительных слов:

Когда у страны закрома полны —
Сильны мы,
И все у нас получается,
Сбывается все
От земли до луны.

¹ Лобанов М. Сердце писателя. М., «Сов. Россия», 1963, с. 170.

Поэт настойчиво утверждает важность первичных забот трудового человека о хлебе как основе всей нашей жизни. Такое выражение органично для Яшина, как и многие другие черты крестьянской нравственности, скажем, трудолюбие, которое всегда почиталось одной из достойнейших добродетелей. «Глаза страшатся, руки делаются» — говорит пословица. Ее не повторяет Яшин в стихотворении «Думалось, не прибраться...», но все оно дышит бесхитростной простотой житейской мудрости. В нем услышишь голос хозяйки, занятой обыденными домашними делами, почувствуешь ее удовлетворение: соруто в избе «оказалось — маненечко, ладно, что принялась. Все оказалось в горсти, стоило лишь поднести!»

Человек, живущий в постоянном труде, знающий ему цену, приветлив. Но меняются условия быта, формы общения, и дорогие когда-то привычки «стираются», — поэтам важно их как-то сберечь. Про обычай, который мы «в городах потеряли», — приветствовать встречных — пишет Владимир Соловухин в стихотворении «Здравствуйте». Он, конечно, понимает, что «нельзя же перекланияться всем, кто проходит по улице Горького, в ГУМе толпится». Но невозможное не дает повода поэту безнадежно развести руками, он настойчиво убеждает:

Был ведь, был ведь прекрасный обычай у русских
Поклониться друг другу при встрече
(Хотя бы совсем незнакомы)
И «здравствуйте» тихо сказать.
«Здравствуйте!» — то есть будьте в хорошем здоровье,
Это — главное в жизни.
Я вам главного, лучшего в жизни желаю.
— Здравствуйте! Я вас встретил впервые,
Но я — человек, и вы — человек —
Мы люди на этой земле.
Поклонимся же друг другу при встрече...

То, что В. Соловухин знает и в чем рационалистически убеждает, А. Яшин несет в себе, в своем миропонимании. Он не станет стремиться обнять все человечество в лице каждого представителя. На связь с широким миром поэт выходит через знакомых и родных, для него достаточно чувствовать прочные связи с ними. В ряду этих связей Яшину особенно дорога приветливость — чувство, способное вобрать в себя многообразие житейских отношений. Они закреплены в своеобразных, освященных традицией формах русского приветствия и занимают поэта в стихотворении «С добрым утром!»

«С добрым утром», «добрый вечер», «хлеб да соль», «ни пуха ни пера», «в счастливый час...» — бесконечны формы привета в русском языке. Только не забывай, пользуйся, — есть они на каждый случай жизни и выработаны народом «не от тяги к суесловию», как поясняет А. Яшин. Потому он не имеет ничего против даже устаревших по своему прямому значению пожеланий — их смысл в основном все тот же: «С богом!» — тоже «В добрый путь!» Занявшись вроде бы лингвистическими разысканиями, поэт создает своеобразное произведение, которое согрето его улыбкой, которое утверждает добрые нормы моральных отношений в нашем человеческом общежитии: «И живется вроде лучше, и на сердце веселей, коль другим благополучья пожелаешь на земле».

Легко, незатейливо льется поэтическая речь Яшина, проблема же, которую он решает, серьезнее, чем кажется на первый взгляд. «А что для нас является более важным и решающим, чем «интегральный образ», который мы составляем друг о друге, о лице встреченного человека? — задается вопросом А. А. Ухтомский.— Потому, как мы разрешаем эту ежедневную задачу, предопределяется в высшем смысле слова наше поведение, наша жизнь, наша ценность для жизни»¹. Яшину это известно доподлинно, как житейская и поэтическая конкретность.

В стихотворении «На одной волне», посвященном грузинскому поэту Георгию Леонидзе, А. Яшин пишет о том, как познается истинная дружба,—«не на пирах, а в беде, в нужде». Когда поэт оказался в больнице, вдали от родины, тяжело переживая свое вынужденное одиночество, вдруг появился он, «солнечный бог поэзии гор»², как назвал однажды Леонидзе Николай Тихонов. И слабеющий в тоске поэт вновь обрел былую силу и жизнерадость.

Так день за днем,
И быстрей вдвойне
Ко мне возвращалась прежняя сила:
Он рядом —
И я не в чужой стороне,
Уже разговор на одной волне,
Он — рядом, и кажется,
Будто мне
Сама Иверия душу открыла.

«Что поэзия без человека, без доброго отношения и пристального внимания к нему — живому, реальному, а не выдуманному?»³ — взволнованно писал Александр Яшин, подводя некоторые итоги в год XX съезда партии. Поэт шел к человеку и увидел его такого, каков он есть на самом деле — сильного и слабого, угрюмого и добродушного, доброго и своеокрыстного... В пути Яшин был не одинок, одновременно и рядом с ним работали поэты, направленность творчества которых, несмотря на заметные внешние отличия, была ему близка.

«Поэзия, казалось мне,— пишет Э. Межелайтис о замысле цикла стихов «Человек»,— как раз и призвана пробуждать человека в человеке, воспитывать чувство деятельного добра и благородства, бороться со всем, что мешает людям быть людьми, ведет к их порабощению — материальному и нравственному,—бороться со всем, что будет чувства тупого зверя, ненависть к человеку, стремление осквернить его душу». И хотя герой в поэзии Межелайтиса рисуется гиперболически и философско-символически,— это человек уже недалекого будущего, «великий и простой, во всей своей красоте»⁴.

¹ Ухтомский А. Письма, с. 253.

² Тихонов Н. В далекие двадцатые-тридцатые годы...—«День поэзии. 1972». М., «Сов. писатель», с. 7.

³ Яшин А. Что же такое структурная почва в поэзии.—«День поэзии». М., 1956, с. 159.

⁴ Межелайтис Э. Автобиографические заметки.—«Вопросы литературы», 1964, № 1, с. 82.

С любовью к людям рассказывает Виктор Гончаров о замысле своей книги «След человеческий» (1966), веруя, что с самого раннего возраста в душе человека «живет гений... — существо очень обидчивое, очень стеснительное». В душе каждого живет, только разные люди распоряжаются по-разному судьбой своего гения: одни, стесняясь, «загоняют его в уголок души, и это — самое лучшее его — живет и мучается без солнца и воздуха»; у других же гений «превращается в отвратительное, нахальное, состарившееся в детском возрасте существо, которое требует постоянного внимания окружающих»¹. Гончаров надеется, что доброго гения можно разбудить в человеке, и хочет, чтоб злого люди умели вовремя разглядеть под маской лицемерия и ханжества.

Только с ъерой в человека можно найти поэтические пути к его сердцу — эта вера отличает истинную поэзию. Яшину, казалось бы, далека манера поэтического письма Межелайтиса, но их роднит гуманистическая мечта о гармоническом человеке, о торжестве добра и справедливости. А не в этом ли и суть размышлений Гончарова?.. Поэты очень разные сходятся в главном, пусть и писать они будут неодинаково. Если Межелайтису ближе монументальность, он скажет об одном и приоткроет нам идеал в его общих хотя бы контурах. Если Яшин склонен к разговору с глазу на глаз, он, храня идеал в глубине сердца, скажет о чем-то другом — о правде и совести, об ответственности людей перед близкими, о красоте добра... В таком разнообразии поэзия только выигрывает.

2

Не только поэт, любой человек начинает понимать других людей, если он вполне осознал самого себя как личность. А поскольку он ценит и бережет свою особливость, постольку внимателен и к индивидуальности близких. Здесь-то и обнаруживаются этические основы поведения человека в мире людей, определяющие его общественное лицо. Каждый ли, однако, отчетливо понимает даже и сам-то себя?.. Александр Яшин зовет к размышлению об этом во многих своих стихотворениях.

Трудно уловима суть человеческого характера, склада личности, души, наконец. А бывает, улетучилась она, душа, и пустота наваливается на человека («Душа»): «только ребра торчат, как стропила». Поэт находит сравнение жесткое, резкое и необходимое. Почти физически ощутимое впечатление опустошенности побуждает думать вместе с поэтом: «отчего же не легче в груди? Что в ней все-таки раньше было?»

Понять себя тем труднее, что человек непостоянен и непоследователен в отношении к жизненным явлениям,— все порою объясняется опосредующими обстоятельствами. Вот А. Яшин просто рассказывает о том, как «орда грачей орет над крышей», изводя и утомляя всех обитателей дома («Грачи»). Уже сам хозяин не ведает пределов возмущения — «смахнул бы на землю все гнезда, стрелял бы, только разреши», — но ловит вдруг себя, припомниая:

¹ Гончаров В. Место действия — сказка. — «Лит. Россия», 1966, 7 окт.

А ведь давно ли выл от горя,
Когда какой-то книгочий
Березы вырубил под корень,
Чтоб сад покинули грачи...

Не просто быть собою!.. Яшин ищет разнообразных форм выражения поэтической мечты о цельном человеке, придерживаясь круга наблюдений из обыденной жизни,—«мирское» убедительнее призывов и абстрактных рассуждений. Так, о постоянстве натуры, человеческих влечений пишет он стихотворение «Сухое вино». Речь идет о человеке, любившем только сухое вино, которое «в сердце вселяет любовь к людям, а не злобу, желание творчества, а не отвращение от дел». Что из того, если «по нужде ему приходилось пить все, что бог пошлет», пусть хоть и «всю жизнь»,— он все-таки верен себе. Уже тут от незначительной характеристической детали (вкусы человека) поэт идет к более глубокой оценке личности, поясняя причины пристрастий своего героя.

Быть собою — начало общения, а его необходимое условие — совесть, которая является отправной точкой в познании людей. Для Александра Яшина совесть — вообще одно из главных понятий, если можно назвать понятием сердечный трепет жизнеощущения. Это качество не только изначально воспитано в поэте всем укладом жизни трудовой крестьянской семьи, но и обрело социальную определенность в партийной убежденности Яшина. В таком сплаве — истоки народности его поэзии. Стоит вспомнить фольклорное, идущее из глубины жизни выражение «по правде — по совести», открывающее народный идеал справедливости, который воспринят и Александром Яшиным и в самом определяет звучание его поэзии. От него идет обостренность чувств, напряженность интонации, бескомпромиссность в суждениях.

Симптоматично, что имя «Совесть» получила книга стихов Яшина, ознáчившая резкий перелом, качественный рывок в его творчестве. А совесть, заключающая в себе нравственный самоконтроль личности,— это «способность человека самостоятельно формулировать для себя моральные предписания, требовать от себя их исполнения и оценивать свои действия»¹. Самые жесткие требования предъявлял к себе поэт Александр Яшин — и с этой точки зрения раскрывается в его последних книгах мир человеческой души. Мир трепетный и тревожный, не знающий душевной самоуспокоенности до конца.

«О, как мне будет трудно умирать, на полном вдохе оборвать дыхание!»— говорит поэт в стихотворении «Отходная». Так говорит, будто заглянул он уже за черту. И «Отходная» не тем захватывает, что слышится в ней страх исчезнуть в никуда, хотя первые строчки могут привести к заблуждению,— напротив: «Не уходить жалею — покидать, боюсь не встреч возможных — расставанья»,— признается поэт.

Боль, но не за себя — боязнь причинить горе другим, вот что самое горькое для поэта. Если б острым чувством ответственности перед живыми могли мы обладать смолоду, разве б знали потом

¹ Философская энциклопедия, т. 5. М., «Сов. энциклопедия». 1970, с. 41.

такую горечь! Даже нравственно чуткие люди понимают это слишком поздно, когда «никаких уже нельзя извлечь уроков». И неутешительны итоги прожитого:

Ничьей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.
Не завершил ни одного пути...

Да справедлив ли поэт к себе?

Он не щадит себя, открывая опыт личных ошибок, обнажая душу свою, отсюда право поэта на прямой разговор с близкими, с каждым. Он давно знает, «как многим людям у нас по ночам еще плохо спится» («Бессонница»), но не торопится их судить, а понять хочет. Приглядываясь к соседу по купе, который всем обликом своим являет признаки здоровья и благополучия, поэт недоумевает: «Почему не потушит свет? Почему так долго ему не спится?» В загадку своего попутчика проникнуть поэту не удалось, да и мало ли вообще волнений у человека в наш век, кем бы он ни был. Ведь и сам поэт не смыкает глаз...

Нет, не просто на свете жить.
Чтобы ночью спалось спокойно,
Надо день провести достойно,
Не корысти —
Людям служить.
Не лукавить,
Не предавать...

Раздумья поэта взволновали и встревожили нас, хотя жизненный опыт его и остался неведомым в деталях, а открылся дидактически. Не о том ли же писал по-своему и Александр Твардовский:

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты.

Казалось бы, «о муравьиной возне» зачастую пишет и Александр Яшин. Пишет о таких мелочах, что даже явления-то в его конкретности нет, но нельзя остаться равнодушным к мыслям и чувствам поэта. Личное поэта — общезначимо, тут заключается один из законов лирики. И Яшин, начиная речь от мелкого, случайного, поднимается до высокого напряженного звучания. И мы уже слышим проникновенный разговор об отношении человека к миру, в котором он живет, к людям — ко всем, безотносительно того, о ком идет речь: о приятеле, просто знакомом или первом встречном, как сосед по купе в вагоне.

Нельзя не признать глубокую правоту поэта: разве когда-нибудь исчезает необходимость совершенствовать отношения людей друг к другу? Нет, Яшин не бичует «пережитки прошлого», он говорит о несовершенстве нашего человека с точки зрения идеалов эпохи, и в этом смысле содержание его поэзии опережает время, активно служит воспитанию человека, утверждению в нем качеств подлинного гуманизма.

С тонким пониманием душевных движений вникает А. Яшин в психологию своих героев — для него нет мелочей в человеческих отношениях. И порою в одном штрихе, в какой-то черточке поведения он умеет открывать целый мир. Вот, скажем, в стихотворении «Да, отзывчивая, да, сердечная!..» уже настойчивое повторение «да... да...» («да, горой встает за обиженных...») выдает, что поэт лишь повторяет слова тех, кто без удержу хвалит эту женщину. Слышится даже раздражение против «всех встречных», что прославляют «бескорыстие ее широкое», которому, право же, есть и подтверждения — тут поэт не спорит.

Только «встречным» со стороны цена бескорыстия не ясна, а поэт подметит, что женщина-то «не видит, что тут же, около, свой родной человек терзается». Одной деталью внесена ясность, а в заключительных строчках находит Яшин и причины душевной слепоты: просто любить дальнего и тревожиться о нем легко — такая любовь ни к чему не обязывает. А поэт не признает абстрактной любви к человеку, которая оказывается маской черствости и бездущия.

Отметим своеобразную перекличку поэта с ученым: А. А. Ухтомский пишет, что сам он «с детства привыкал относиться с недоверием к разным проповедникам человеколюбивых теорий на словах, говорящих о каком-то «человеке вообще» и не замечающих, что у них на кухне ждет человеческого сочувствия собственная «прислуга», а рядом за стеной мучается совсем «конкретный человек» с поруганным лицом»¹.

Обнажая противоречия в душевной жизни герини своего стихотворения, о которых, может быть, она сама не подозревает, Александр Яшин судит самоуспокоенность: в ней видит он гибель души. Внешняя общительность поэта не обманет: его чуткое сердце и премилый взгляд добираются до сокровенного. В стихотворении «Со стороны» он как бы непосредственно обращается к женщины, любяясь и укоряя одновременно. Ему приятно видеть, как она расшумелась среди подруг, радуясь солнцу, роще, лугу. День воскресный, благодаря ей, «чем-то стал похож на новоселье». Поэту уже показалось, было: «Как должно быть с вами жить легко! Мир устойчив и благоустроен!...» Только вдруг увидел он другую картину и обращает на нее внимание своей герини:

...в сторонке
Под колючей хвоей
Муж ваш тянет целый день пивко.
Чем расстроен?
Чем обеспокоен?
Подошли б, узнали, что такое,
Расспросили б...
Это ж так легко.

Поэт не случайно так настойчив в осуждении двоедущия: слишком часто оно в жизни не получает должной оценки. Человек на таком грехе себя обычно не ловит и не дает себе отчета до конца в той доле ответственности за ближнего, что лежит на нем. Чувство стыда, которое будит поэзия, очищает. Как и Яшин, эту действенную силу поэзии использует Ярослав Смеляков. В стихотво-

¹ Ухтомский А. Письма, с. 256.

рении «Ксения Некрасова» он пишет о проводах в последний путь одинокой при жизни и многими непонятой поэтессы. «Провели второпях» граждансскую панихиду в крематории, а потом

...разошлись, поразъехались сразу до срока,
кто — на собранье, кто — к детям, кто — попросту пить.
Лишь бы скорее избавиться нам от упрека,
лишь бы быстрее свою виноватость забыть.

Вот он, нравственный самосуд как расплата за черствость, за безразличие к человеческой судьбе, за собственное двоедущие, свое-временно не замеченное за собою...

Стихи Александра Яшина драматичны, но в них прямой и бесстрашный взгляд на жизнь личности сильной, глубоко заинтересованной не только и не столько собой, сколько судьбами других людей. Желание видеть взаимопонимание в отношениях людей, ясность и чистоту — вот что определяет накал многих стихов поэта. Он предостерегает против торопливых суждений о судьбе ближнего, зовет быть мягким и бережным к человеку.

Не получилась жизнь двоих («Развод»): примирить их не удалось ни друзьям, ни суду. И «зубоскальства не было нигде и волокиты никакой: все ясно». Ясно — на взгляд безразличный. А кому открыто, что там, на дне души-то человеческой?..

...после беготни и суетни,
Когда настало время оглянуться,
Вдруг, ужаснувшись, поняли они,
Что сами-то —
И, может, лишь одни —
В случившемся вовек не разберутся.

В отношениях, складывающихся среди родных, разобраться бывает особенно трудно — это знает поэт по себе. Чужую беду, трудности других он умеет переживать как свои личные, иначе не может: «Дочери и сыновья, милое мое горе, вечная мука моя!» («Милое мое горе»). Отцу приходится « заново перемогать опасный возраст», потому что для его детей «не решен ни один из роковых вопросов». Но многим ли дано с такой вот страстью заинтересованностью именно перемогать! И стихи, казалось бы, о сугубо личном становятся размышлением о судьбах поколения, о своих обязанностях по отношению к нему.

Стихотворение «Опять больница!» дает этой теме иной поворот: будто роли поменялись. И что же? «Мон потрясенья, сомненья, мученья у них вызывают одни огорчения. Еще — снисхожденье и отчужденье...» Осуждает поэт детей? Вряд ли. Просто и себя, и других видит он с беспощадной ясностью. Отчужденность родных особенно тягостна для Александра Яшина, почти противоестествена. Знали, например, односельчане обыкновенного пухлого пурпурника, «а ныне — что шляпа, что шуба, и все будто впору ему» — из столицы приехал! («Гость»). И ладно бы — растут люди, но почему теряется и робеет мать?

Метнуться б к сынку, прослезиться
С открытой, как раньше, душой,

А вот не посметь,
Не решиться:
Начальник, поди-ко, большой!..

А уж сам «начальник» не захочет ледок отчуждения сломать — вдруг свое достоинство уронит! И того не поймет, видно, что достоинство, когда человечность утрачена, оборачивается кичливостью и заносчивостью. Ах, как больно огорчают поэта эти черты! Их он отметит, наблюдая, как «смотрят два совинные стекла из-за канцелярского стола», — смотрят, неспособные понять человеческие чувства (*«Неулыбчивому человеку»*). Но и поэт не был бы самим собою, не заяви он: «Не могу мириться с немотой, и со слепотой, и с глухотой». Он прямо говорит о своих пристрастиях: «хочется сердечной теплоты, красоты душевной, чистоты» и заверяет: «не расстанусь со своей мечтой».

Стихи А. Яшина отражают характерную тенденцию поэзии 60-х годов — утверждение взаимопонимания и братских чувств между людьми как социалистической нормы человеческих отношений. Так, с Яшиным открыто перекликается Василий Федоров в стихотворении *«Два лица»*. Поэт не без юмора пишет о том, как пришло исцеление от трепета перед «значительным лицом»: вдруг представил, «каким он был в двенадцать лет». Но если для Яшина нравственный суд над героям заключается уже в том, что мать перед ним заробела, то Федоров, озоря, выносит свой приговор, он предлагает:

Чтоб над чинушей
Повесили его портрет,
Где лопухами
Вянут уши —
Каким он был
В двенадцать лет.

Творческий метод разный, а работают оба поэта рука об руку, в одном направлении.

В отрицании кичливости, бездушия, черствости Яшин безоговорочно и порою склонен к крайним выводам. Вот, скажем, «увели собаку со двора» (*«Джин»*), и поэт уже торопится с горьким заключением: «Неужель в людскую доброту и собака веру потеряет?!» Для хорошего самочувствия самому поэту важно сознавать, что он «ничью не вытягивал жил, людям на горло не наступал» (*«Свое добро»*). Но уж если знает он за собою вину, то кается открыто, горько, глубоко.

Пришел незадачливый день (*«Опять я целый день негодовал...»*), когда все не ладилось, когда «не мирилась совесть с немотой», но и выхода не нашлось, и человек «все, что сразу высказать не смог, чем вся душа была до боли сжата, принес к своей любимой на порог». Это — как ветка, оттянутая в густом лесу и хлестнувшая «по глазам ни в чем не провинившегося друга». Да, не хотел обидеть, но разве вина становится меньше?.. Ничто не снимает с человека ответственности за его поступки.

Об ответственности человека перед людьми пишет Яшин во многих стихах. Конкретная ситуация — встреча (*«Память»*), а кто он, встречный? «Лицо знакомо, голос тоже»... Пришел стыд, когда припомнилось, пишет поэт, «сколько прожил я с ним в окопах, на войне». Но случается и другое, говорит А. Яшин, — «отъявленному

лиходею, бывало, крепко руку жму». Конечно, память подводит, но оправданья в этом нет. Ведь и в снах, которые тоже своеобразная служба памяти, подчиняющая себе человека, открываются нравственные мотивы его поступков. Тут человек не властен в воспоминаниях: не прогонишь неугодные, не вызовешь волею приятные. И что ж, «приходит пробуждение — стыжусь себя: я был самим собой» («Сны»).

А. Яшин современен в самом своем пафосе, в настойчивом поиске нравственных истин, хотя стихи его, казалось бы, лишены внешних примет современности. Вся его поэзия последних лет — это тоска о добрых временах и хороших людях, свойственная, наверное, подлинной поэзии всех времен.

Одно из стихотворений так и называется — «О погожих днях и хороших людях». Это — как разговор с близким другом, перед которым не надо кричать о своих болях и бить кулаком в грудь. Да, бывает так, что и «сгибают неудачи, растерянность душой овладевает...» Спасает поэта в эти трудные минуты воспоминание о днях погожих, которых — конечно же! — «больше, чем промозглых дней». Спокойнее делается и от сознания того, что людей хороших, «с чистой совестью бойцов» на планете больше, «чем приспособленцев, чем карьеристов и самоснабженцев, бесстыжих болтунов и графоманов».

Ритмическая организация белого стиха выдает обнаженность и одновременно сдержанность чувства поэта, а нарочито рационалистическая четкость чередования периодов в композиции с силой передает ясность его мысли. В оптимистичности и нравственной силе этого стихотворения есть нечто родственное лиризму Сент-Экзюпери. Это ощущение необходимости связи людей, стремление обрести максимально короткие взаимодействия и быть готовым к ним.

Идя к людям, и от себя не уйти: «...живая правда живет и пробивает, как все живое, себе путь, как весенний зеленый росток среди хлама»¹. Важно только не остаться в полном одиночестве — из хлама тяжелых настроений одному не выбиться. Хотя кто об одиночестве не мечтает?.. «Мечтал один остаться. И остался...» — пишет А. Яшин в стихотворении «Об одиночестве». Остался, но того ли хотелось?

Опять никто ко мне не постучался,
За целый день никто не постучался!
Никто!
Никак!
Хотя б не в душу —
В дверь...

«Лишь бы из одиночества вырваться как-нибудь», — жаждет поэт в стихотворении «Перед исповедью». А выход? Только искренность перед близкими, честность и прямота: «...все, чем жил я, несу на ваш суд, не отвернитесь, милые, весь я тут». Избавиться от душевного хлама — «выговориться дочиста — что на костер шагнуть». Только чистым и открытым имеет человек право на доверие людей, тогда приходит к нему и его доля счастья.

¹ Пришвин М. Незабудки, с. 279.

В стихах Александра Яшина много тревоги, они нередко драматичны, не проходит поэт мимо страданий человеческих. Но не бежал он и радостей жизни, знал их и писал о них. Но они ли, однако, предел желаний.. Что же в таком случае счастье вообще и можно ли говорить о достижимости счастья? Да, конечно; и хотя представления Яшина о счастье могут показаться противоречивыми, в них есть своя жизненная и поэтическая целесообразность.

Своебразным ключиком оказывается стихотворение «Добру откроется сердце», которое зовет: взгляни на мир широко открытыми глазами, пусти его в душу, ощути его вживе — и ты поймешь, что такое полнота жизни. В нем А. Яшин вспоминает: «я с детства ходил без сапог». Пройтись по земле босиком теперь — как бы приобщиться к прошлому, очиститься: «все лишние электротоки берет из меня земля». С ними уходит в песок «все злое, дурное, вредное», остается же «лишь то, без чего ни веселья, ни счастья на людях нет». Поэтому заверяет поэт:

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить,
И быть любимым,
И самому любить,—

заверяет и других к тому же зовет, будучи уверен, что только тогда «добру откроется сердце и совесть будет чиста».

Не ново, конечно, уйти в мир природы, чтобы очиститься от житейской скверны. И современники А. Яшина немало писали об этом, например, Владимир Солоухин в стихотворении «Счастье»:

Неужели не счастье ходить по земле босиком,
Видеть белой ромашку,
А солнышко на небе красным,
И чтоб хлеб, а не писаный пряник,
Не заморским напиться вином,
А коровьим парным молоком!

Счастье, да! — соглашается В. Солоухин. Но мечтателю мало такого счастья — от всего «он бежит по следам невозможного зверя». И поэт его понимает: «Ты ему не перечь. И мечтать ты ему не мешай».

Снова обращается он к прославлению простых радостей жизни в стихотворении «И вечный бой...» Они нам давно знакомы. «А если так, то что же нам осталось: твердить зады? Приятная усталость? Сомнительная радость повторенья? — задается поэт вопросом и отвечает: «...знаю я, что в Мире повторенья приходит людям радость предвкушенья» — только вся полнота жизни может составить счастье человека.

В. Солоухин рассуждает «о теме» в философском ключе. А. Яшину мало этого. Он замечает, что не всех почему-то радует красота жизни, безразличие непонятно поэту, когда мир так прекрасен: «Все в этом мире для человека, почему же он не понимает, как хорошо жить в лесу?» («Все для человека»). Сам поэт любит до боли свою землю:

Налюбуюсь ли на нарядную,
Ненаглядную землю-мать,
Непарадную,
Неоглядную?
Так всему в этом мире радуюсь,
Будто завтра его покидать.
(Почему не удивляемся)

Для Яшина уход к природе — не бегство от города и не единственная жизненная цель, скорее — средство. Вот захотел он «от жизни на земле отрешиться», но уже скоро почувствовал, что это не стремление скрыться от людей, а желание не утратить главное, не разменяться на мелочи: «Только б не бесследно по землеходить... Только бы простоев не знать душе». Ведь на лоне природы «доброму откроется сердце». Не успокоения ради идет поэт к природе — здесь лучше поймет он себя самого. Для людей.

«Что я за человек? Счастлив ли я?» — задумывается поэт («Счастлив ли я?»). Правдивый фильм или книга вызывают его слезы, как и людское горе: значит, заключает поэт, «сердце мое не зачествело, душа у меня живая, я — человек». Он работает до исступления, до слез и верит: «есть и во мне искра божья, не зря меня кормит народ своим хлебом». И все-таки спокойствия и уверенности в себе не прибавляется — без общественного признания нет полноты счастья:

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?

Трудное в своей искренности раздумье об общественном предназначении выражает страстное желание поэта верить, что его понимают, что его работа крайне необходима людям. (Отсюда, наверное, и признание: «Я не знаю страшней мученья, коль пропадает к работе влеченье»). Поэт уверен, что такая необходимость возникает только в том случае, если сам художник не утратил способность сопереживания, если он не безразличен к жизни других людей. А ужас безразличия он чувствовал до глубины души:

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Поэт умеет будить в человеке нравственное чувство и так коснуться тончайших струн души, что они звучат сами ясно и выразительно. Эмоциональная напряженность дается поэту при полной самоотдаче, — он не боится перешагнуть через самого себя. Как это ни трудно, но к людям до конца честным приходит, — «лишь бы было спасительное недовольство собою и затем искренность в своих стремлениях»¹. А самоуспокоенность никогда не была уделом Алексея Ухтомского.

¹ Ухтомский А. Письма, с. 255.

сандра Яшина. «Туда ли плыву я? Так ли живу?» — мучается поэт («Переходный возраст»), сознавая себя «в долгу перед всеми». Тяжел этот долг...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Недовольство собою ведомо, скажем, и Василию Федорову. «Горько мне оттого, что еще никого на земле я не сделал счастливей», — пишет он в стихотворении «Совесть». Для обоих поэтов собственное счастье немыслимо без блага, содеянного ради других людей.

А ведь было оно, счастье, когда-то... В стихотворении «Мы были молоды» А. Яшин со светлой грустью вспоминает юность: «В голоде, в холодах — все-таки счастливы», — но чем тогда счастливы-то были? Поэт поясняет, вспоминая, и это: тогда «честное слово равнялось присяге» и была незнакома роскошь; в неблагоустроенном мире они были деятельнее, отчего «самое-самое близким казалось». И как выражение цельности молодых людей 30-х годов, не знавших внутреннего разлада, «крови давление, сердца биение были нормальными на удивление». Зрелый поэт смотрит в свое прошлое, в прошлое своего поколения: «Ах, до чего же глупы и молоды!» Нет, это не пересмотр тогдашних представлений, иначе почему бы вдруг радостное умиление в голосе поэта... Выразил Яшин мысли зрелого человека о том, как непросто сохранить ощущение счастья, как непросто быть верным идеалам своей юности.

Вспоминая юность, А. Твардовский в стихотворении «На сеновале» пишет об ожидании счастья, котороеказалось так легко достижимым.

Что проще может быть:
Не лгать,
Не трусить,
Верным быть народу,
Любить родную землю-матерь,
Чтоб за нее в огонь и в воду.
А если —
То и жизнь отдать.

«Что проще!» — думалось юноше тогда, но и «что сложней?» — размышляет теперь поседевший уже человек...

Может быть, потому и тянет поэтов в страну Детства и Юности, что там обрели они когда-то четкие нравственные представления, сохранить которые потом в житейских сложностях бывает не так-то просто. В стихотворении «Обнова» А. Яшин радуется домику на Бобришном угore, с которым «детство и юность — рядом». И, кажется, приходит желанная ясность:

Некуда больше рваться.
Не о чем тосковать,
С матерью буду встречаться,
С пением птиц просыпаться,
Жить, как учила мать...

То была добрая, хотя подчас и жесткая наука. В стихотворении «Меня добру учила вся родня» поэт вспоминает, как мать требует: «—Живи по чести, с совестью в согласье!.. — Она хотела, чтобы сын был счастлив». Помнится, как и «дед за неправду взыскивал с пристрастием». Почему Яшин написал такое стихотворение? Был какой-то повод, о котором поэт не говорит, был какой-то разлад. Мы о нем не узнаем определенно, но почувствуем, что требования, предъявленные поэту, пошли вразрез с дорогими ему нравственными уроками прошлого. Напомнив о них, Яшин кончает стихотворение горьким недоуменным вопросом. «А ты? Чего ты хочешь от меня? За что, родимая, казнишь меня?»

Делать добро — один из главных уроков, полученных Александром Яшиным в школе народной нравственности. Служение поэзии без таких уроков теряет смысл. «Добро само по себе неказисто на вид и убеждает нас только, если освежит его красота,— писал М. Пришвин.— Дело художника — это, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра»¹. Сделать красоту солнцем добра — мечта едва ли не каждого поэта. Счастье по Николаю Асееву — прежде всего «соучастие в добрых человеческих делах»; по его мнению, «даже умереть не страшно... была бы только жизнь твоя украшена сиянием каких-то добрых дел». Прямо ставит вопрос Вероника Тушнова в стихотворении «Счастье»: «Ты когда-нибудь сделал счастливым другого?» — и ответ ее категоричен и недвусмыслен: если нет, — «счастья в жизни узнать тебе не довелось!» Утверждением добра привлекательно и стихотворение Эдуардаса Межелайтиса «У памятника гениям». «В людей вложить такое сердце надо, чтобы было зло добром отражено», — пишет он. Каждый из поэтов находит свои грани в этой благодарной теме.

Как критерий истинности патриотических чувств человека понимает деятельное добро Александр Яшин (*«Твоя родина»*). Гражданственность позиции поэта проявляется здесь во всей очевидности. Конечно же, он совсем не против того, чтобы воспевать красоту Родины. Он и сам написал немало отличных стихов «о родине, о речках, о березках». Но история родины и судьбы людей на ее исторических путях зовут беречь человека — это понял поэт в потрясениях, которые пережил он сам, и настойчиво внушает своему читателю. Слова о любви и доброте — просто слова — Александра Яшина не устраивают, он зовет к деятельности добру: «спеши... помочь... Спеши на выручку, других зови, — пусть не найдется душ глухих и жестких!» При этом и к себе предъявляет поэт крайние требования, не щадит себя — прямота свойственна лирике Яшина во всем.

«А не перехлестнул ли поэт в своей навязчивой идее самобичевания?» — пишет Василий Федоров по поводу стихотворения «Не верю, что звери не говорят...» и попрекает: «не следует забывать, что добрые дела подчас требуют сурвости»². Выходит, «добро должно быть с кулаками», как писал один поэт? Нет необходимости выступать в защиту смиренности, в которой Яшин неповинен (Яшин и вдруг — смиренный!). Но много ли радости нашел бы Василий Федоров от такого «добра», когда взывал о помощи: «Смах-

¹ Пришвин М. Незабудки, с. 14.

² Федоров В. Наше время такое... М., «Современник», 1973, с. 425—426.

ните только пот со лба, чтоб стала мне видна дорога» («Я уеду»), — только уехать и оставалось, да разве ж это выход...

По-разному развивается идея деятельного добра как условия для счастья во многих стихах Александра Яшина, определяя нравственный смысл его творчества. Ею продиктовано и широко известное стихотворение «Спешите делать добрые дела». Биографическое по содержанию, оно исполнено большой человеческой тоски о несвершенном: «мечтал о многом, много обещал...». Среди этих многих и отчим, и бездомная бабушка в родном селе, и старик в ленинградской блокаде, да и только ли они! Но все что-то мешало: то на день опоздал, на день, «которого не возвратят века», тó еще какие-то причины были. А может быть, и не причины вовсе? И теперь...

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...
Спешите делать добрые дела!

Этот призыв А. Яшина стал лейтмотивом его поэзии в последнее десятилетие. Поэт и на примере собственного житейского опыта — этим стихи более всего и убедительны — предостерегает от запоздальных раскаяний. Ведь так немного надо для душевного равновесия — вовремя успеть сделать для людей все, что в твоих силах.

Очень требователен к себе А. Яшин, однако далек от каких-либо претензий на исключительность, на особую роль. В стихотворении «Бог» и выразилась как раз несовместимость такой особой роли с земным уделом человека. Сделайся богом (в чьих-либо глазах хотя бы), и уже «недоверие не покидает душу — настоящий ли я бог?». Быть богом — слишком ко многому обязывает, как понимает поэт, отчего и недоумевает: «Как же мне убедиться в моем всемогуществе? И что я за бог, если сам ни во что не верю?!» Даже веру женщины, готовой для своего бога и вместе с ним хоть на костер, хоть вброд через море, трудно поддержать и укрепить: «...я не хочу на костер и море вброд перейти не сумею», разве что послать за папиросами? — так поэт и поступает. «Великое счастье не считать себя человеком особыенным, одиноким и быть, как все хорошие люди»¹, — писал М. Пришвин. Твердо отказывается от прав на исключительность А. Яшин: «Нет, я не завидую земным богам!»

Представления Александра Яшина о счастье при этом все-таки отличаются максимализмом, но как лишь предъявление себе самых высоких требований. Есть в судьбе каждого человека, полагает поэт, своя ВМТ — Верхняя Мертвая Точка. У спортсменов это миг наивысшей слабости, предвещающий прилив новых сил. К ней и стремится человек. Но для поэта и ВМТ не представляет желанного предела:

Чтобы жить,
Я хочу одолеть свою слабость,
Свою ВМТ,
Уйти от равновесия,
Даже если в нем мое счастье.

¹ Пришвин М. Незабудки, с. 196.

Так что же, чтобы достичнуть счастья, надо счастье преодолеть? Да, лишь бы не знать убивающей живую душу самоуспокоенности. С тревожным вниманием и сердечным участием относился Александр Яшин ко всему в жизни — это в конце концов и было его счастьем. Потому переживший немало лишений и бед зелый поэт трезво оценивал свою судьбу с полною мерою ответственности за содеянное им на земле:

Может, и надо мною
Та же беда разразится.
Что ж, не стою за ценою,
Не собираюсь рядиться.
Не попрошу об участье,
Пожил в свою охоту,
Был ко всему причастен
И расплачусь за счастье
По самому крупному счету.

4

Особая страница в творчестве Александра Яшина последних лет, как бы сконденсированная весь накал поэтической страсти,—его любовная лирика. Открыто, с обнаженным сердцем идет он навстречу своей любви; в теме для поэзии вечной с особенной ясностью проявляется личность поэта. Жизнь любви для него — не уход в узкий интимный мирок, в ней видел Яшин нечто очень существенное для человека и был совершенно прав. «Отношение мужчины и женщины,— писал К. Маркс,— есть естественнейшее отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере естественное поведение человека стало человеческим... в какой мере человек стал для себя родовым существом, стал для себя человеком...»¹ В острой противоречивости интимных переживаний Яшин с душевной зоркостью различает черты подлинной человечности в одних случаях и бездушия — в других.

Думается, нет необходимости доискиваться истоков, питающих чувство поэта,—творчество его еще не есть предмет той истории литературы, которая каждую строку «увязывает» с биографией. «Истинная поэзия автобиографична лишь в отправной точке,—справедливо замечал С. Наровчатов,— дальше она свободна в своих обобщениях»². И нам важны только смысл любовной лирики Яшина и суть лирического характера, отраженного в ней.

Нравственно чуткая, совестливая личность нам открывается в стихотворении «О чужой душе». Двое не поняли друг друга: «Я ничего не хотел от вас»,— заявляет лирический герой, но что могла желать она,— об этом он не думает, потому что только себя имеет в виду. И остаются ему на долю оправданья: «Я не хотел причинить вам зло и — невдомек, что мог». Но раз понята ошибка, в душе рождается острое чувство вины и принимается жесткое, нравственное обоснованное решение:

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 597.

² Наровчатов С. Избр. произв. в 2-х т., т. 2. М., «Худож. лит.», 1972, с. 34.

Я от тревог искал уголок,
Душу свою храня,
А о чужой — невдогад,
Невдомек...
Пусть же отныне ваш огонек
Потухнет для меня.

Поэт сурово судит себя, ведь ему самому ведома тоска по хорошему, крайне необходимому человеку. Той, с которой «еще мы просто не повстречались», посвящено стихотворение «Скорые поезда». Даже неважно, какой эта женщина будет, главное — «не чужая».

А ведь, наверно, ты где-то есть?
И не чужая —
Моя...
Но какая?
Красивая?
Добрая?
Может, злая?
Живешь, наверно, меня ожидая,
А повстречаемся ль мы, бог весть!..

Жажда полного непосредственного взаимопонимания — вот главный нерв этого стихотворения. И когда любовь приходит, поэт полностью доверяется чувству, безраздельно живет им: «Сколько женщин в жизни встречалось — вижу только одну» («Мир из огня»). За его чувством — богатая гамма переживаний: любовь как надежда на творческий подъем («может, прорежется новое зренье?»), любовь как борение, как напасть, требующая напряжения всех сил (человек, который под пулями выдюжил, усомнился: «Выживу ли»), любовь как ответственность («как обо всем об этом сказать? Что ни скажу — солгу...»). Как «самое невиданное чудо, как жизни человеческая суть» предстает любовь, например, и в стихах Михаила Дудина. В ней находит он больше гармоничности, чем Яшин, но высокое чувство захватывает и его целиком и полностью.

Нет, мне тебя единожды любить,
Как любят жизнь. И уходит по следу.
И, даже не надеясь на победу,
Во всем живой твой облик находить.

Такой силы страсть — не на день, не на год: «Мне суждено всей силой горькой жажды, огнем любви, ее дыханьем каждым хранить тебя наперекор годам», — пишет М. Дудин. Зная властную силу любви («не любить — не жить, не вдохновляться и не волноваться»), Яшин в стихотворении «Боюсь любви» говорит, тем не менее, о сложной противоречивости чувства, какая Дудину, кажется, неведома. Нет таких сил, чтобы избавиться от наваждения всепоглощающего чувства, но и дилемма: «звать к примирению, а встреч бояться» — решению не поддается. Почему? «Тебя ли мне, недобрую, не знать?» — обмолвился поэт, и его обмоловка все объясняет. И все-таки А. Яшин живет искренней благодарностью за дарованное ему счастье любви.

Даже недоброта любимой воспринимается поэтом как крест божий, а о ее вине он и мысли не допускает, как бы забывая о себе. А вот, скажем, лирического героя Василия Федорова большие занимает своя особа — хочет он свои хозяйские права чувствовать. Потому он досадует: «У моей любви, у страсти, больше нет над тобою власти»; он недоумевает: «Так неужель в ней не осталось ни капли моего вина?»; он осуждает женщину, даже оговорившись: «я не очень ее, пугливую, виню...», когда она уходит, потому что ей было бы «страшно стать вдовой». И о любви ли речь-то идет в этих случаях?.. Любовь ушла — ведь это же не основание для расчетов, а драма!

Представьте, что было бы с лирическим героем Бориса Ручьева, потеряв он свою любовь... «...Я все перенесу, покуда ты в глазах не угасима и так близка мне в снах и наяву», — говорит он. Образ памяти о женщине (только памяти!) в «Красном солнышке» помогает выстоять в лишениях и нечеловечески тяжком труде ему, «на героев вовсе не похожему». От характера лирического героя идет замкнутость интимного чувства, нежелание «выдавать друг другу боль свою, кручинушку свою». Она, эта боль, даже за грубыe байки спрячется. Но наперекор им волнение поэта прорывает замкнутость и, как самое святое, Ручьев выдает тайное тайных:

в душах наших — всюду словно дома,
ты, как солнце,
женщина,
жила.

А погасни это солнце — жить станет нечем... В иных условиях родилась любовь А. Яшина, но ему она столь же необходима, как и Б. Ручьеву. Вот почему конец любви трагичен для Александра Яшина (*«Последнее посвящение»*):

Еще вчера в душе был бог,
Я жить и верить мог,
Лишь день один — и нет любви:
Как хочешь — так живи.

Еще вчера...
И все — дотла.
Сгорело...
Замело...
Земля вокруг белым-белая.
В душе голым-голо.

Отрывистый стих выдает затрудненное дыхание — не хватает воздуха! Повторы усиливают впечатление драматизма, а завершающая параллель выдает ощущение полной опустошенности. «Нет любви: как хочешь — так живи».

Конечно, жизнь любви определяется своими законами, которые вовсе не таковы, как в рыцарские времена, когда в «даме сердца» ее поклонник не то что разочароваться — и усомниться не мог. Нет, лирический герой А. Яшина — наш современник, и в любви ему важен не божественный облик любимой,— в ней он ищет взаимопонимания. А если его нет? — в сердце поэта возникает сомнение, но все равно он хочет понять любимую правильно, боится ошиб-

битъся. Вот он с горечью отмечает: «Нет в любви ее ревностной ни добра, ни просвета, извела меня ревностью,— может, ненависть это?» («Остуда»). А видит он ежедневное дознание, нарочитое смирение, исступленное молчание,— точно и жестко определяет поэт характер в его каких-то общих проявлениях. Но это был бы не Яшин, если б не смог увидеть, что она и «сама до бессонницы, до остуды усталая». И что же?— «...теперь удивляется, что от рук отбиваюсь».

Переливы чувства прихотливы, жизнь берет свое: слепая покорность — не удел поэта. Но его внимание к любимой, способность понять ее в нем никогда не подавляется ни обидой, ни раздражением. Тут Яшин способен, кажется, даже на перевоплощение. Стихотворение «Если б ты подал голос...» ведется от лица женщины, что не докричалась в лесу своего друга. Поэту винят упрек: «Ведь если б ты подал голос, не было бы беды». И он умеет до конца ценить веру женщины, ее стремление оправдать любимого: «Но, может быть, ты аукал, да я не слыхала — лес!»

Заметим, Яшин в этом стихотворении, как обычно и в других, передает настроение, не уделяя внимания подробностям,— они собственность только двоих и должны оставаться личной тайной. А характер страсти содержит смысл общезначимый, и здесь Яшин открыт и откровенен до конца. Такой контраст во многом определяет своеобразие и привлекательность любовной лирики поэта: страсть чувств и мужественная сдержанность рассказа о них...

Цикл «Ночная уха» посвящен той, что в мир иной ушла раньше поэта, и к ней он сохранил до конца чувство высокой и нежной любви:

Ты теперь от меня никуда,
И никто над душой не властен,
До того устойчиво счастье,
Что любая беда — не беда.

Здесь говорит само горе, но разве вечность любви принизится горем?! Не потому ли дороги нам и помнятся стихи А. Фета, наевые кончиной Лазич: «Хоть жизнь без тебя суждено мне влачить, но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить» (*«Alter ego»*) — стихи, в которых способен поэт преодолеть непреодолимое:

Очей тех нет — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!
(«Ты отстрадала, я еще страдаю...»)

Казалось бы, отрешенности Фета близка настроенность стихотворения А. Яшина «Ночная уха». Но нет, у него не отрешенность от мира: живая человеческая душа, не смирившаяся с утратой близкого, дорогого ей человека, сильно, мощно бьется в стихах только по видимости спокойных. И грезится, что пришла она, мешается былъ («давай уху варить. Поужинаем плотно, я выпил бы охотно, чего греха таить...») и небыль («Вахтером в час ночной у вас там Петр иль Павел?»). Отсюда возникает мрачноватый юмор безысходности и острейшее сознание непримиримости со смертью («Мне сроду не понять, что ты уже бесплотна...»).

Снова и снова обращается поэт к любимой: «Воскресни, воскресни!» — зовет он настойчиво. «Хоть утром, хоть ночью... явись, когда хочешь... хоть в саване белом, хоть в платье...», — заклинает Яшин, нагнетая. Приди, зовет он: «не открешусь оробело и не сойду с ума». Поэт готов переступить последнюю границу между жизнью и смертью во власти своего неизбывного чувства:

Воскресни!
Воскресни!
Сломалась моя судьба.
Померкли,
Поникли
Все радости без тебя.

Пред всем преклоняюсь,
Чем раньше не дорожил.
Воскресни!
Я каюсь,
Что робко любил и жил.

Утрата слишком значительна, чтобы поэт мог не думать о ней, не думать о себе. И есть в стихах А. Яшина о последней любви дыхание высокой трагедии, осветившее стихи «денисьевского цикла» Ф. Тютчева, есть и сходство в настроениях, их породивших. «Только при ней и для нее я был личностью,— писал Ф. И. Тютчев,— только в ее любви, в ее беспредельной ко мне любви я сознавал себя...»¹ И насколько полно и глубоко было чувство, владевшее А. Яшиным, настолько сильна и боль утраты, воплотившаяся в его стихах.

Горькою памятью оживают черты духовного облика утраченной подруги с ее беспечной верой и душевной силой, способной справиться с любым горем. Она из тех, что готовы, коль надо, пройти «по пояс в звездном сухом снегу, через тайгу, через полюс, в льды, через «не могу». Ей под силу и не столь высокий, но не менее трудный подвиг — «дежурить, коль надо, месяц в ногах без сна». И все это — не ожидая награды, без чувства жертвенности, только «радуясь, что нужна». Вот почему так тяжела утрата:

С горем не в силу справиться,
В голос реву,
Зову...

Утрата любви для Александра Яшина — это утрата и духовного и деятельного начала, тут проявились его серьеziнейшие представления о самом интимном в отношениях людей. «... Любовь сама по себе есть величайшее счастье изо всех доступных человеку,— писал А. Ухтомский,— но сама по себе она не наслаждение, не успокоение, а величайшее из обязательств человека, мобилизующее все его мировые задачи как существа посреди мира»².

Не наслаждения и успокоения искал в любви Александр Яшин. Высокая страсть поэта возбуждала все его духовные силы, звала к творчеству — его единственному обязательству в этой жизни, к

¹ Чулков Г. И. Последняя любовь Тютчева. М., 1928, с. 56.

² Ухтомский А. Письма, с. 259.

которому относился он с глубочайшей ответственностью. Вот потому снова и снова в его стихах разных лет звучит мечта о любви: «Пусть — безответно, только бы любить», а рядом как равнозначное: «Только бы простоев не знать душа»; и опять: «Очень хочется полюбить безответственно, безрассудно», — ради чего? — «Чтобы жизнь не текла напрасно» («Аэлита»). Как самого высокого блага, обращаясь к стране гор в стихотворении «Просьба», поэт просит, вспоминая Нину Чавчавадзе: «Подари мне верную Нину». Верность близкого человека, способного тебя понимать и тем самым открывающего дорогу к другим людям, — что может быть дороже для поэта...

*
* *

Оборванная на полуслове, последняя глава поэзии Александра Яшина поражает зоркостью его видения, непреходящей любовью ко всему живому, привлекает его призывом к людям: «Спешите делать добрые дела!» В нем видел поэт назначение человека и выражал свои гражданские позиции. «В гражданственности, — писал Ярослав Смеляков, — выражается весь социальный опыт автора, выражается степень его связи с народом»¹. Лирическая позиция А. Яшина прочна тем, что поэт, осваивая нравственный опыт народа, ценит его душевное здоровье, мудрость и спокойную силу. И не только ценит, но видит и показывает в современном социальном укладе.

В собственном отношении к своему жизненному предназначению А. Яшин отражает народный взгляд, созвучный тому, что с ясною простотой заявлен в одном из последних стихотворений А. Твардовского:

К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участья добрых душ.
Жить, как живешь, своей страдой бессонной.
Взялся за гуж — не говори: не дюж.

С тропы своей ин в чем не соступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

Предельно искренний и честный, А. Яшин жил и работал стихами, утверждая среди людей отношения добра и человечности, не мирясь ни с чем, что есть еще в жизни темного, злого, свое-корыстного. Читая произведения лучших писателей, вы, по словам А. П. Чехова, «кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас»². Предчувствием и утверждением гармонического строя чувств человека будущего звучит для нас и лирика Александра Яшина.

¹ Смеляков Я. Стой гражданской лиры.— «Лит. Россия», 1966, 11 февр.

² Чехов А. П. Поли. собр. соч. и писем, т. 15. М., 1949, с. 446.

ЗАВЕЩАНИЕ МАСТЕРА

Сильный и сложный человек, Александр Яшин во всем искал совершенства и находил его: в лирике и прозе создал он своеобразные произведения, в которых проявилась его бескомпромиссная честность и правдивость. Человек мужественный, за два с половиной месяца до смерти написал он письмо в редакцию сборника «День поэзии, 1968» — удивительный документ взыскательной человеческой души:

«Трудно представить себе что-либо более печальное, чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознает, что он не сделал и сотой, и тысячной доли из того, что ему было положено сделать. Думать об этом необходимо с первых шагов литературной жизни. К сожалению, понимание этого к большинству из нашего брата приходит слишком поздно».

Каждый вправе и обязан судить сам себя по своим собственным меркам, и Яшин, наверное, прав, сожалея о несвершенном. В литературе он прокладывал дорогу идущим вслед, но его роль сказалась не только стихами и прозой. Она проявлялась в той заботе, которой оделял он молодых. Писатели-вологжане ему особенно обязаны.

«В Вологде в 1949 г. создали Литературное объединение,— писал Яшин А. С. Ольхону, собиравшемуся в 1950 году переезжать в родной город.— Молодые силы там есть интересные, нужда в квалифицированной творческой помощи, в опытных кадрах очень велика. Возможно туда приедет Н. Тощаков... Я уверен, что Вологда скоро будет серьезным литературным центром, должна стать¹. И хотя ни Ольхон, ни Тощаков к себе на родину так и не вернулись, уверенность Яшина в будущем литературной Вологды все-таки оправдалась.

За успехами каждого из молодых земляков в литературе внимательно следил А. Яшин и умел гордиться их достижениями. В далекой Осетин в 1960 году вспомнит он и целиком прочтет стихотворение безвестного еще Бориса Чулкова «Зимняя песня» («Падает снег, падает. Снег без конца, без края...») и отметит в нем с удовлетворением «дыхание своего родного Севера» и, главное, «восторженную любовь к нему самого автора». Тут же он порадуется за Александра Романова, который удачно «сравнил высокую мачтовую сосну с кирпичной заводской трубой, а крону сосны с зеленым дымком в поднебесье, и неприхотливый северный пейзаж вокруг заиграл небывалыми красками». Что радует Яшина? — а то,

¹ ЦГАЛИ, ф. 2183, д. 137, оп. 1, л. 1.

что «новое все равно врывается даже в так называемые чисто лирические стихи».

Каждому А. Яшин сумел вовремя прийти на помощь. Сергей Викулов, пользуясь его советами, на даче у Яшина в Мичуринце, завершал книгу стихов «Заозерье» (1953), с которой он обрел известность. Николай Рубцов во дни житейской непогоды находил привет и уют в яшинской квартире на Лаврушинском. Борис Чулков с рекомендацией А. Я. Яшина вступал в Союз писателей... В судьбе любого из писателей-вологжан найдутся подобные штрихи.

Александр Яшин первым разглядел в опытах молодого еще Василия Белова задатки прозаика. И как он радовался, когда прочитал повесть «Привычное дело», по его словам, «простую и мудрую, трогательную до слез и глубоко правдивую». Яшин не боится слов высокой оценки и отмечает, что Белов «сумел увидеть в душе своих земляков такие лирические глубины, такую человеческую нежность и доброту, написал о близких своих с такой любовью, и состраданием, и радостью, что для сравнения на память приходят лучшие образцы нашей великой русской литературы».

Искренним признанием и уважением отвечали Александру Яшину земляки, молодые писатели. «...Мы сразу сталитише и взрослее», — негромко и с глубокой серьезностью сказал Н. Рубцов в стихотворении «Последний пароход», посвященном памяти поэта. Смерть А. Яшина вызвала горькое смятение В. Коротаева: «Кому теперь звонить, и верить, и опереться на кого?» — писал он. Дело не в том, что они лишились поддержки в литературных делах — каждый уже и сам прочно стоял на ногах. Трагический смысл потери с особенной ясностью открывается, когда читаешь строки Василия Белова, обращенные к самому Яшину еще при его жизни:

«Выстоять, не согнуться учусь у тебя. Пока есть ты, мне легче жить. А ты? У кого учишься ты, кто или что твоя опора? Я знаю: быть честным, это та роскошь, которую может позволить себе только сильный человек, но ведь сила эта не берется из ничего, ей надо чем-то питаться. Мне легче, я пытаюсь твоим, живым примером, примером людей твоего типа. У тебя же нет такой живой опоры. И я знаю, как тяжело тебе жить...» («Бобришный угорь»).

Не только писатели-земляки считали Александра Яшина такой надежной опорой. Слова самого глубокого признания и уважения посвятил ему Анатолий Пердреев:

Вы только правдой
В мире дорожили,
И говор Ваш,
И выговор,
И стать
Лишь одному призванию
Служили —
Все на земле
По имени назвать.

Вы шли открыто,
Напрямик спешили...
Но многие ль
Сумели подсмотреть,
Что на земле

Как человек Вы жили
И как поэт
Предчувствовали смерть...

И все-таки — многие...

Творческое поведение Александра Яшина — это живой и памятный урок гражданского служения народу. И потому его письмо к друзьям в литературе, адресованное в «День поэзии», воспринимается как завещание мастера: «Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется, и только так писать, как можно полнее. Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее — правдивее настолько, насколько позволяет собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет и партийной и народной».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Памяти писателя-земляка</i>	5
Часть первая. Становление	7
К культуре и мастерству	8
Второе рождение	35
Часть вторая. Проза	52
Обыденное как драма	53
В лирическом ключе	83
Часть третья. Поздняя лирика	103
Поэт и время в лирическом измерении	104
Нравственные искания современника	132
<i>Послесловие. Завещание мастера</i>	155

Оботуров Василий Александрович
НЕПОВТОРИМОЕ, КАК ЧУДО

Редактор *В. А. Беднов*
Оформление *Э. В. Фролова*
Художественный редактор *В. С. Вежливцев*
Технический редактор *Н. Б. Буйновская*
Корректоры *М. М. Михайлова,*
А. А. Фонтейнес

Сдано в набор 29/III 1978 г. Подписано в печать 20/VI 1978 г.
Форм. 84×108₃₂ (бумага тип. № 1). Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4:
Уч.-изд. л. 12,069. ГЕ04360. Тираж 5000. Цена 60 коп. Заказ 3381.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

**В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ
КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ**

**В ЭТОМ ГОДУ ВЫХОДИТ
сборник стихов:**

ОЛЬГА ФОКИНА. ПОЛУДНИЦА.

В новую книгу лауреата Государственной премии РСФСР О. А. Фокиной вошли поэмы и стихотворения, созданные в разные годы, и новые произведения о родном Севере.

